

М. А. БАКУНИНЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Подъ редакціей А. И. БАКУНИНА.

Цѣна 70 коп.

Изданіе И. БАЛАШОВА.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ
ВЪ КНИЖНОМЪ СЕЛЛАДѢ „КОМИССІОНЕРЪ“ С.-Петербург., Садовая, 18.

СЕРІЯ НАРОДНЫХЪ ИЗДАНІЙ:

Ф. С. Какъ русскіе крестьяне потеряли землю и волю. Ц. 2 коп.

Его-же. Крестьянское царство. (по Мижуеву). Ц. 2 коп.

Его-же. Народная программа. Ц. 3 коп.

Его-же. Чего мы ждемъ отъ Думы.
Ц. 1 коп.

Его-же. Чего ждать отъ насъ Госуд.
Дума. Ц. 1 коп.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

	СТР
I. Богъ и Государство.	1
II. Федерализмъ, Соціализмъ и Антитеологизмъ. Мотивированное предложеніе центральному комитету „Лиги мира и свободы“ отъ М. Бакунина	44
Федерализмъ I.	51
Соціализмъ II.	65
Антитеологизмъ III.	80
III. Письма о Патріотизмѣ: Къ участникамъ Интернаціональной ассоціаціи рабочихъ городовъ Losie и Chaux de Fonds. Письмо первое	177
Письмо второе.	180
Письмо третье.	183
Письмо четвертое.	186
Письмо пятое	189
Естественный или фізіологическій патріотизмъ.	193
Патріотизмъ (продолженіе)	198
Патріотизмъ (продолженіе)	202
Патріотизмъ (продолженіе)	208
IV. Народное Дѣло: Романовъ, Пугачевъ или Пестель	212

БОГЪ и ГОСУДАРСТВО.

Якобинскіе абсолютисты и революціонеры Школы Жапъ Жака Руссо и Робеспьера провозглашаютъ угрожающую и безчеловѣчную теорію абсолютнаго права Государства во имя фикціи, называемой то коллективнымъ интересомъ, то коллективнымъ правомъ или коллективными волей и свободой, между тѣмъ какъ абсолютисты-монархисты основываютъ право Государства съ гораздо большей логической послѣдовательностью на Божьей милости. Либеральные доктринеры, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ въ серьезъ либеральныя теоріи, исходятъ изъ принципа индивидуальной свободы и, какъ извѣстно, вначалѣ объявляютъ себя противниками принципа Государства. Они первые сказали, что правительство, т. е. совокупность чиновниковъ, такъ или иначе организованныхъ и облеченныхъ специальной обязанностью выполнять дѣятельность Государства, — является необходимымъ *зломъ*, и что вся цивилизація заключается въ уменьшеніи правъ и атрибутовъ правительства. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что на практикѣ, всякій разъ, что существованіе Государства становится дѣйствительно подъ вопросомъ, — либеральные доктринеры выказываютъ себя не менѣе фанатическими приверженцами абсолютнаго права Государства, чѣмъ абсолютисты монархизма или якобинства.

Ихъ поклоненіе Государству, повидимому по крайней мѣрѣ, столь противорѣчащее ихъ либеральнымъ максимамъ, объясняется двояко: во первыхъ *практически*

интересами ихъ класса, ибо громадное большинство либеральныхъ доктринеровъ принадлежитъ къ буржуазіи. Этотъ столь многочисленный и почтенный классъ не желать бы ничего лучшаго, какъ присвоить самому себѣ право или скорѣй привилегію самой полной анархіи; вся его социальная экономія, реальная база его политическаго существованія, не имѣетъ, какъ извѣстно, другихъ законовъ, кромѣ этой анархіи, выражаемой въ этихъ, сдѣлавшихся столь знаменитыми, словахъ: „*Laissez faire et laisser passer*“.) Но буржуазія любитъ анархію только для себя одной и при условіи, чтобы массы, „слишкомъ невѣжественныя, чтобы пользоваться ею безъ злоупотребленій“, оставались подчиненными строгой дисциплинѣ Государства. Ибо, если бы массы, уставши работать въ другихъ, возстали бы, то все политическое и социальное существованіе буржуазіи рухнуло бы. И вотъ мы видимъ вездѣ и всегда, что, когда массы работниковъ начинаютъ волноваться, самые восторженные либералы-буржуа тотчасъ же дѣлаются наступленными сторонниками всемогущества Государства. А такъ какъ возбужденное состояніе народныхъ массъ дѣлается теперь все возрастающей и хронической болѣзью, мы видимъ, что либералы-буржуа обращаются все болѣе и болѣе, даже въ самыхъ свободныхъ странахъ, къ культу абсолютной власти.

На ряду съ этой практической причиной, есть причина, чисто теоретическая, которая тоже заставляетъ самыхъ искреннихъ либераловъ возвращаться постоянно къ культу Государства. Они суть и называются либералами, потому что они берутъ индивидуальную свободу за основаніе и исходную точку своей теоріи, и именно, вслѣдствіе того что это ихъ исходная точка и основаніе, они должны прийти, по роковой послѣдовательности, къ признанію абсолютнаго права Государства.

Индивидуальная свобода не есть, говорятъ они, твореніе, историческій продуктъ общества. Они утверждаютъ, что она предшествуетъ всякому обществу, и что всякій человѣкъ приноситъ ее, рождаясь, вмѣстѣ со своей безсмертной душой, какъ даръ Бога. Откуда слѣдуетъ, что человѣкъ представляетъ нѣчто, что

*) Предоставьте волю ихъ естественному теченію.

онъ — воплѣтъ онъ самъ, и является всецѣлымъ, какъ абсолютнымъ существомъ, только находясь внѣ общества. Будучи свободенъ самъ по себѣ раньше и помимо общества, онъ можетъ учредить это послѣднее лишь свободнымъ актомъ и посредствомъ какъ бы пѣкотораго контракта, инстинктивнаго и молчаливаго или сознательнаго и оформленнаго. Однимъ словомъ, по этой теоріи, не индивидуумы творятся обществомъ, а напротивъ сами его творятъ, подвижнутые какой-либо внѣшней нуждой, наприимѣръ работою или войной.

Какъ видно, по этой теоріи, общество, въ собственномъ смыслѣ слова, не существуетъ; естественное человѣческое общество, исходная точка всякой человѣческой цивилизаціи, единственная среда, въ которой можетъ реально рождаться и развиваться личность и свобода людей, для этой теоріи совершенно неизвѣстно. Она признаетъ съ одной стороны лишь индивидуумовъ, существъ, которые существуютъ, которые свободны сами по себѣ, съ другой стороны то условное общество, которое учреждено волей индивидуумовъ и основано на оформленномъ или молчаливомъ контрактѣ, т. е. Государство. (Они знаютъ очень хорошо, что ни одно историческое Государство не имѣло своей базой контракта, что все онѣ были основаны посредствомъ насилія и завоеванія. Но эта фикція свободнаго контракта, какъ базы Государства, имъ необходима, и они се себѣ разрѣшаютъ безъ долгихъ церемоній).

Человѣческіе индивидуумы, чья масса условно соединенная составляетъ Государство, являются въ этой теоріи существами совершенно странными и полными противорѣчій. Одаренные каждый безсмертною душою и свободой или свободной волей, которыя отъ нихъ неотдѣлимы, они являются, съ одной стороны, существами безконечными, абсолютными и, какъ таковыя, самодовлѣющими въ себѣ самихъ, могущими довольствоваться самими собой и не нуждающимися ни въ комъ, строго говоря, даже въ Богѣ, ибо, будучи безсмертными и безконечными они сами Боги. Съ другой стороны, они существа очень грубо матеріальныя, слабыя, несовершенныя, ограниченныя и всецѣло подчиненныя внѣшней природѣ, которая ихъ носитъ, окружаетъ и рано или поздно уноситъ на тотъ свѣтъ. Созерцаемые съ

первой точки зрѣнія, они имѣютъ столь мало нужды въ обществѣ, что это послѣднее представляется скорѣи нѣкоторымъ препятствіемъ къ полнотѣ ихъ существованія, къ совершенной свободѣ. И вотъ мы видѣли, начиная съ первыхъ временъ христіанства, святыхъ и непреклонныхъ людей, которые, серьезно заботясь о безсмертіи и спасеніи своихъ душъ, разорвали свои связи съ обществомъ и, избѣгая всякаго общенія съ людьми, искали въ уединеніи совершенство, добродѣтель Бога. Они признали съ большой разумностью, съ большой логической послѣдовательностью общество источникъ порчи, а совершенное уединеніе души уловіемъ всемъ добродѣтелей. Если они выходили иногда изъ своего одиночества, то не вслѣдствіе потребности, но по великодушію, по христіанскому милосердію къ людямъ, которые, продолжая портиться въ общественной средѣ, нуждались въ ихъ совѣтахъ, въ ихъ молитвахъ и въ ихъ руководствѣхъ. Это дѣлалось всегда для спасенія другихъ, никогда для собственнаго усовершенствованія. Они рисковали, напротивъ того, погубить свои души, возвращаясь въ общество, отъ котораго они съ отвращеніемъ бѣжали, какъ изъ школы всяческой испорченности, и, какъ только ихъ святое дѣло бывало закончено, они возвращались какъ можно скорѣе въ пустыню, чтобы тамъ снова приобрести, полупотерянное уже было, совершенство, чрезъ непрерывное созерцаніе своего индивидуальнаго существа, своей одинокой души, въ присутствіи одного Бога.

Это примѣръ, которому всѣ, вѣрящіе еще теперь въ безсмертіе души, въ прирожденную свободу или въ свободную волю, должны бы слѣдовать, если только они желаютъ спасти свои души и достойно приготовить ихъ къ вѣчной жизни. Я повторяю еще разъ: святые анархисты, достигавшіе, вслѣдствіе своей изолированности, полнаго отупѣнія, были совершенно логичны. Разъ душа безсмертна, т. е. безконечна въ своей сущности, свободна и самодовлѣюща, она должна довольствоваться сама собой. Только временныя, ограниченныя и конечныя существа могутъ взаимно дополнять другъ друга; безконечное не терпитъ дополненія. Встрѣчая что то другое, что не есть оно само, такое существо чувствуетъ себя какъ бы урѣзаннымъ; итакъ

оно должно избѣгать, игнорировать все, что не является имъ самимъ. Строго говоря, безсмертная душа, какъ я уже сказала, должна бы обходиться даже безъ Бога. Существо, безконечное въ себѣ самомъ, не можетъ признавать на ряду съ собою другое, равное себѣ, и еще менѣе можетъ признавать какое либо существо прѣвыше себя. Всякое существо, которое было бы столь же безконечно, какъ оно, и которое не было бы имъ, полагало бы ему предѣлы и слѣдовательно обращало бы его въ конечное и обусловленное извнѣ существо. Признавая вѣдъ себя существо столь же безконечное, какъ она сама, безсмертная душа тѣмъ самымъ необходимо признаетъ себя существомъ конечнымъ. Но безконечное является дѣйствительно таковымъ, лишь когда оно объемлетъ все и ничего не оставляетъ вѣдъ себя. Съ еще большей неизбежностью безконечное существо не можетъ, не должно признавать существо прѣвыше себя. Безконечность не допускаетъ никакой относительности, никакой степени; эти слова: безконечность высшая, безконечность низшая заключаютъ въ себѣ нелѣпость; Богъ является именно нелѣпостью. Теологія, имѣющая привилегію быть нелѣпой и вѣрящая въ вещи именно потому, что они нелѣпы, поставила надъ человѣческими душами, безсмертными и слѣдовательно безконечными, высшую, абсолютную безконечность Бога. Но, чтобы поправить себя, она измыслила Сатану, который представляетъ собой именно бунтъ безконечнаго существа противъ существованія абсолютной безконечности, противъ Бога. И подобно тому, какъ Сатана возмутился противъ высшей безконечности Бога, такъ же точно святые, христіанскіе анархисты, слишкомъ смиренныя, чтобы бунтовать противъ Бога, бунтовали противъ равной безконечности людей, противъ общества.

Они объявили съ большою основательностью, что они въ немъ не нуждаются, чтобы спастись; и что разъ, по странной фатальности, они являются безконечностями.... *) и испавшими, то общество Бога, то

*) Слово не могущее быть прочтательнымъ въ рукописи (dés... qués).

созерцаніе самихъ себя въ присутствіи этой абсолютной безконечности ихъ удовлетворяетъ.

И я объявляю еще разъ, что это примѣръ для подражанія всѣмъ, кто вѣритъ въ безсмертіе души. Съ этой точки зрѣнія, общество не можетъ имъ дать ничего, кромѣ вѣрной гибели. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ оно людямъ? Во-первыхъ матеріальныя богатства, не могущія быть добытыми, въ достаточномъ количествѣ, иначе какъ черезъ коллективный трудъ. Но для того, кто вѣритъ въ вѣчное существованіе не должны ли эти богатства быть предметомъ презрѣнія? Развѣ Іисусъ Христосъ не сказалъ своимъ ученикамъ: „Не собирайте сокровищъ на этой землѣ, ибо гдѣ ваши сокровища, тамъ и ваше сердце“, — а въ другой разъ: „Легче толстой веревкѣ (по другому варианту, верблюду) пройти въ игольное ушко, чѣмъ богатому въ царство небесное“. (И всегда воображаю себѣ миду, которую должны дѣлать благочестивые и богатые буржуа — протестанты Англіи, Америки, Германіи и Швейцаріи, читая эти сентенціи столь рѣшительныя и столь непріятныя для нихъ).

Іисусъ Христосъ правъ; между жадностью къ матеріальнымъ богатствамъ и спасеніемъ безсмертныхъ душъ, есть абсолютная непримиримость. И въ такомъ случаѣ, если только дѣйствительно вѣришь въ безсмертіе души, то не лучше ли отказаться отъ комфорта и роскоши, доставляемыхъ обществомъ, и цитаться кореньями по примѣру анахоретовъ, спасавшихъ на вѣчность свою душу, чѣмъ погубить ее ради нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, наполненныхъ матеріальными удовольствіями. Это вычисленіе столь просто, столь очевидно вѣрно, что мы принуждены думать, что благочестивые и богатые буржуа, баякиры, фабриканты, купцы, обдѣливающие такъ хорошо свои дѣла, пользуясь, вы знаете какими средствами, и тѣмъ не менѣе имѣя всегда на устахъ слова Евангелія, — нисколько не рассчитываютъ на безсмертіе своихъ душъ, великодушно предоставляя его пролетариату, а себѣ смиренно оставляя тѣ ничтожныя, матеріальныя блага, которыя они собираютъ на этой землѣ.

Помимо матеріальныхъ благъ, что еще даетъ общество? Чувственныя, человѣческія, земныя склонности,

образование и культуру ума, всё эти вещи, громадные съ человеческой, преходящей и земной точки зрѣнія, но которыя въ сравненіи съ вѣчностью, безсмертіемъ, Богомъ равны нулю. Развѣ самая великая человѣческая мудрость не безуміе сравнительно съ Богомъ.

Легенда восточной Церкви разсказываетъ, что два свитые анахорета, добровольно заключившіеся въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на пустынномъ островѣ, удаляясь даже другъ отъ друга и проводя дни и ночи въ созерцаніи и молитвѣ, дошли до того, что потеряли даже способность языка; изъ всѣхъ ранѣ имъ знакомыхъ словъ они сохранили только три или четыре, которыя вмѣстѣ соединенныя, не являли никакого смысла, но тѣмъ не менѣе прекрасно выражали передъ Богомъ самыя высокія стремленія ихъ душъ. Они питались конечно кореньями, какъ травоядныя животныя. Съ человеческой точки зрѣнія эти два человѣка были слабоумными или безумцами, но съ точки зрѣнія божественной, съ точки зрѣнія вѣры въ безсмертіе души, они выказали себя гораздо болѣе глубокими вычислителями, чѣмъ Галилей и Ньютонъ. Ибо они пожертвовали нѣсколькими десятками лѣтъ земного благоденствія и свѣтскаго ума, дабы получить вѣчное блаженство и божественную мудрость.

Итакъ очевидно, что человѣкъ, поскольку онъ одаренъ безсмертной душой, поскольку онъ одаренъ безконечностью и свободой, присущими этой душѣ, является существомъ въ высшей степени антисоціальнымъ. И если бы онъ былъ всегда благоразуменъ, если бы, исключительно занятый своимъ безсмертіемъ, онъ былъ настолько уменъ, чтобы презирать всё блага, влеченія и суеты этой земли, то онъ бы никогда не вышелъ изъ состоянія божественной невипности или слабоумія, и никогда бы не создалъ общества. Однимъ словомъ Адамъ и Ева никогда бы не вкусили плодъ древа познанія, и мы бы жили всё какъ звѣри въ земномъ раю, предназначенномъ Богомъ для ихъ жизни. Но какъ только люди захотѣли познавать, образовываться, очеловѣчиваться, думать, говорить и пользоваться матеріальными благами, они необходимо должны были выйти изъ одиночества и составить общество. Ибо насколько они *внутренно* безконечны,

безсмертны, свободны, настолько же *внѣшнимъ образомъ* они ограниченны, смертны, слабы и зависимы отъ внѣшняго міра.

Созерцаемое съ точки зрѣнія земного, т. е. реальнаго, а не фиктивнаго существованія, огромное большинство людей представляетъ зрѣлище такого униженія, такой бѣдности подвиговъ, воли и ума, что надо обладать дѣйствительно большой способностью къ самообману, чтобы отыскать въ нихъ безсмертную душу и проблескъ свободной воли. Они являютъ себя намъ существами, всецѣло и фатально обусловленными: обусловленными прежде всего внѣшней природой, характеромъ почвы и всѣми матеріальными условиями своего существованія, обусловленными безчисленными отношеніями политическими, религіозными и соціальными, обусловленными обычаями, привычками, законами, цѣлымъ міромъ предразсудковъ и мыслей, медленно скопленныхъ предыдущими вѣками, и которые они получаютъ, рождаясь среди общества, коего они никогда не являются творцами, но напротивъ того сперва произведеніями, а потомъ инструментами. На тысячу людей можно найти развѣ одного, о которомъ можно бы сказать, съ точки зрѣнія относительной, а не абсолютной, что онъ желаетъ и думаетъ самъ отъ себя. Огромное большинство человѣческихъ индивидуумовъ, не только среди *невѣжественныхъ массъ*, но и среди цивилизованныхъ и привилегированныхъ классовъ, желаютъ и думаютъ только то, что свѣтъ во кругъ нихъ желаетъ и думаетъ; они полагаютъ, конечно, что желаютъ и мыслятъ сами по себѣ, но дѣйствительно они лишь рабки, рутинерски, съ совершеніемъ незначущими и ничтожными измѣненіями, повторяютъ мысли и желанія другихъ. Это рабство, эта рутина, неисчерпаемые источники общихъ мѣствъ, это отсутствіе бунта въ волѣ и это отсутствіе инициативы въ мысли индивидуумовъ являются главными причинами приводящей въ отчаяніе медленности историческаго развитія человѣчества. Для насъ, матеріалистовъ или реалистовъ, не вѣрящихъ ни въ безсмертіе души, ни въ свободную волю, эта медленность, сколь она ни печальна, представляется явленіемъ естественнымъ. Изшедши изъ состоянія гориллы, человѣкъ

только съ большимъ трудомъ доходить до сознанія своей человѣчности и реализаціи своей свободы. Вначалѣ онъ не можетъ имѣть ни это сознаніе, ни эту свободу; онъ рождается дикимъ звѣремъ и рабомъ, и очеловѣчивается и эманципируется постепенно и лишь въ средѣ общества, которое необходимо предшествуетъ рожденію его мысли, слова и воли; онъ можетъ создать его только коллективными усиліями всѣхъ прошедшихъ и настоящихъ членовъ этого общества, которое такимъ образомъ является базой и исходной точкой его человѣческаго существованія. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ осуществляетъ свою индивидуальную свободу и свою личность, лишь будучи дополненъ всѣми индивидуумами, которыми онъ окруженъ, и только благодаря работѣ и коллективному могуществу общества, безъ котораго онъ бы конечно остался самымъ тупымъ и несчастнымъ животнымъ изъ всѣхъ, которые паселяютъ землю. Въ системѣ матеріалистовъ, единственной естественной и логичной, общество не только не уменьшаетъ и не ограничиваетъ свободу человѣческихъ индивидуумовъ, но напротивъ создаетъ ее. Оно—корень и дерево, а свобода его плодъ. И потому во всякой эпохѣ, человѣкъ долженъ искать свою свободу не въ началѣ, а въ концѣ исторіи, и можно сказать, что дѣйствительное и всецѣлое освобожденіе каждаго человѣческаго индивидуума является истинной, великой цѣлью, высшимъ концомъ и увѣнчаніемъ исторіи.

Совершенно иная точка зрѣнія идеалистовъ. Въ ихъ системѣ человѣкъ рождается вначалѣ существомъ безсмертнымъ и свободнымъ, а кончаетъ тѣмъ, что становится рабомъ. Въ качествѣ безсмертнаго свободного, всецѣлаго и самодовлѣющаго духа, онъ не нуждается въ обществѣ; откуда слѣдуетъ, что если онъ входитъ въ общество, то только вслѣдствіе извѣстнаго рода паденія, или потому что онъ забываетъ и теряетъ сознаніе своего безсмертія и свободы. Существо противорѣчивое, внутренне безконечное, какъ духъ, и между тѣмъ зависимое, недостаточное и матеріальное съ внѣшней стороны, онъ долженъ входить въ сообщество не ради потребностей своей души, но для сохраненія своего тѣла. Итакъ общество учреждается лишь по-

средствомъ пожертвованія интересовъ и независимости души ради презрѣнныхъ нуждъ тѣла. Это истинное паденіе и обращеніе въ рабство для индивидуума, внутренне безсмертнаго и свободнаго; это, по крайней мѣрѣ, частичное отреченіе отъ первоначальной свободы.

Извѣстна сакраментальная фраза, которая на жаргонѣ всѣхъ сторонниковъ Государства и юридическаго права, выражаетъ это паденіе и пожертвованіе, этотъ первый фатальный шагъ къ человѣческому рабству. Индивидуумъ, пользуясь всецѣлой свободой въ природномъ состояніи, т. е. раньше чѣмъ сдѣлаться членомъ какаго бы то ни было общества, дѣлаетъ, входя въ это послѣднее, пожертвованіе части своей свободы, дабы общество гарантировало ему остатокъ. Если спросить объясненіе этой фразы, отвѣчаютъ обыкновенно слѣдующей: „Свобода каждаго человѣческаго индивидуума не должна имѣть другихъ границъ, кромѣ свободы всѣхъ другихъ индивидуумовъ“.

Повидимому, ничего не можетъ быть справедливейе, не правда ли? А между тѣмъ эта теорія содержитъ въ зародышѣ всѣ теоріи деспотизма. Согласно съ основной идеей идеалистовъ всѣхъ школъ и противно всѣмъ реальнымъ фактамъ, человѣческой индивидуумъ выводится, какъ существо совершенно свободное постольку и единственно постольку, поскольку онъ остается внѣ общества, откуда слѣдуетъ, что это послѣднее, разсматриваемое и понятое единственно какъ общество юридическое и политическое, т. е. какъ Государство, является отрицаніемъ свободы. Вотъ результатъ идеализма; какъ видно, онъ совершенно противоположенъ выводамъ матеріализма, который согласно съ тѣмъ, что происходитъ въ реальномъ мірѣ, заставляетъ индивидуальную свободу людей вытекать изъ общества, какъ естественное слѣдствіе коллективнаго развитія человѣчества.

Материалистическое, реалистическое и коллективистическое опредѣленіе свободы, совершенно противоположное опредѣленію идеалистовъ, таково: Человѣкъ становится человѣкомъ и достигаетъ сознанія и осуществленія своей человѣчности, лишь въ обществѣ и единственно коллективнымъ дѣйствіемъ всего обще-

ства; онъ освобождается отъ ига внѣшней природы лишь благодаря коллективному или социальному труду, который одинъ только въ состояніи переработать поверхность земли въ мѣстопробываніе, благопріятное для развитія человѣчества; и безъ этого матеріальнаго освобожденія не можетъ быть ни для кого освобожденія интеллектуальнаго и моральнаго. Человѣкъ не можетъ освободиться отъ ига собственной природы, онъ не можетъ подчинить инстинкты и влеченія своего собственнаго тѣла управленію своего все болѣе развитого ума, иначе, какъ только посредствомъ воспитанія и обученія; но и то и другое являются вещами исключительно, всецѣло социальными; ибо внѣ общества человѣкъ вѣчно остался бы дикимъ звѣремъ или святымъ, что въ сущности приблизительно одно и тоже. Наконецъ изолированный человѣкъ не можетъ имѣть сознанія своей свободы. Быть свободнымъ, для человѣка, значитъ быть уважаемымъ и считаемымъ и признаваемымъ на дѣлѣ за такового другимъ человѣкомъ, всѣми людьми, которые его окружаютъ. Итакъ свобода не есть плодъ уединенія, но взаимодѣйствія, не самоисключенія, но напротивъ общенія, ибо свобода всякаго индивидуума ни что другое, какъ отраженіе его человѣчности, его человѣческаго права въ сознаніяхъ всѣхъ свободныхъ людей, его братьевъ, его равныхъ.

Я могу себя считать и чувствовать свободнымъ лишь въ присутствіи и по отношенію къ другимъ людямъ. Передъ животнымъ низшей породы, я не есть ни существо свободное, ни человѣкъ, ибо это животное неспособно сознать и слѣдовательно неспособно признать мою человѣчность. Я человѣченъ и свободенъ самъ по себѣ лишь постольку, поскольку я признаю свободу и человѣчность всѣхъ окружающихъ меня людей. Лишь оказывая уваженіе ихъ человѣческой природѣ, я оказываю уваженіе собственной природѣ. Антропофагъ, съѣдающій своего пятника, поступая съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, но какъ съ дикимъ звѣремъ, самъ является не человѣкомъ, а звѣремъ. Рабовладѣлецъ не есть человѣкъ, но владѣлецъ. Не сознавая человѣчность своихъ рабовъ, онъ не признаетъ собственную человѣчность. Весь античный строй даетъ намъ доказательство этого: греки и римляне не

считали себя свободными, въ качествѣ людей; они себя считали привилегированными въ качествѣ грековъ, римлянъ лишь внутри собственнаго отечества, покуда оно оставалось пезависимымъ, незавоеваннымъ, а напротивъ завоевывающимъ, благодаря спеціальному покровительству національныхъ боговъ, другія страны, и они нисколько не удивлялись, и не считали себя въ правѣ и обязанности возмущаться, когда, побѣжденные, они сами попадали въ рабство.

Великой заслугой христіанства было провозглашеніе человѣчности всѣхъ человѣческихъ существъ, въ томъ числѣ и женщинъ, равенство всѣхъ людей передъ Богомъ. Но какъ оно это провозгласило? На небѣ, для будущей жизни, а не для жизни настоящей, не на землѣ. Кромѣ того это равенство въ будущемъ является опять таки ложью, ибо число избранныхъ, какъ извѣстно, чрезвычайно ограничено. Въ этомъ пунктѣ теологи самыхъ различныхъ христіанскихъ сектъ согласны. Значить пресловутое христіанское равенство возвращается къ самой кричащей привилегированности, къ привилегированности нѣсколькихъ тысячъ набранныхъ божьей милостью надъ милліонами отверженныхъ. Кромѣ того это равенство всѣхъ передъ Богомъ, даже если бы оно осуществилось для каждаго, не было бы все же ничѣмъ инымъ, какъ равной ничтожностью, равнымъ рабствомъ всѣхъ по отношенію къ высшему господину. Основаніе христіанскаго культа и первое условіе спасенія, развѣ это не есть отреченіе отъ человѣческаго достоинства и презрѣніе къ этому достоинству по сравненію съ Божьимъ величіемъ? Христіанинъ значить не человѣкъ, въ томъ смыслѣ, что, не уважая человѣческое достоинство въ себѣ самомъ онъ не можетъ уважать его въ другихъ; и не уважая его въ другихъ, не можетъ уважать его въ самомъ себѣ. Христіанинъ можетъ быть пророкомъ, святымъ, священникомъ, царемъ, генераломъ, министромъ, чиновникомъ, представителемъ какой-нибудь власти, жандармомъ, буржуа или поработеннымъ пролетаріемъ, угнетателемъ или угнетеннымъ, мучителемъ или мучимымъ, хозяиномъ или наемникомъ, но онъ не имѣетъ права называть себя человѣкомъ, потому что человѣкъ становится дѣйствительно таковымъ, только когда онъ

уважаетъ и любитъ человѣчность и свободу всѣхъ, и когда его свобода, его человѣчность уважаемы, любимы, вызываемы и творимы всѣми людьми.

Я истинно свободенъ лишь если всѣ человѣческія существа, окружающія меня, мужчины и женщины, точно также свободны. Свобода другихъ не только не является ограниченіемъ, отрицаніемъ моей свободы, но есть напротивъ ея необходимое условіе и подтвержденіе. Я становлюсь истинно свободенъ только чрезъ свободу другихъ, такъ что чѣмъ многочисленнѣе окружающіе меня свободные люди, и чѣмъ шире и глубже ихъ свобода, тѣмъ болѣе распространенной, глубокой и широкой становится моя свобода. Напротивъ того рабство людей ставитъ границу моей свободѣ, или что выходитъ на то же, ихъ животность является отрицаніемъ моей человѣчности, потому что, еще разъ, я могу называть себя истинно свободнымъ только тогда, когда моя свобода, или, что то же самое, мое достоинство, какъ человѣка, заключающееся въ томъ, чтобы не подчиняться ни одному человѣку, и опредѣлять свои дѣйствія согласно своимъ собственнымъ убѣжденіямъ,—отраженное въ равно свободномъ сознаніи всѣхъ людей, возвращается ко мнѣ подтвержденное всеобщимъ согласіемъ. Моя личная свобода, подобнымъ образомъ подтвержденная свободой всѣхъ, простирается въ безконечность.

Отсюда видно, что свобода, такъ какъ ее понимаютъ матеріалисты является вещью очень положительной, очень сложной и въ особенности всецѣло соціальной, ибо она можетъ быть осуществлена только черезъ общество и единственно при самомъ строгомъ равенствѣ и солидарности каждаго со всѣми. Въ ней можно различить три момента развитія, три элемента, изъ которыхъ первый всецѣло положителенъ и социаленъ; это: полное развитіе и полное пользованіе всѣми человѣческими способностями и могуществами, предоставленныя каждому черезъ воспитаніе, черезъ научное образованіе и черезъ матеріальное благоденствіе; вещи, которыя могутъ быть даны каждому лишь посредствомъ коллективнаго труда, матеріальнаго и интеллектуальнаго, мускульнаго и нервнаго всего общества въ совокупности.

Второй элементъ или моментъ свободы отрицательнъ. Это—*бунтъ* человѣческаго индивидуума противъ всякой власти божеской и человѣческой, коллективной и индивидуальной.

Во-первыхъ это бунтъ противъ тирании всевышняго фантома теологiи, противъ Бога. Совершенно очевидно, что покуда мы будемъ имѣть господина на небѣ, мы останемся рабами на землѣ. Нашъ разумъ и наша воля будутъ приравнены къ нулю. Покуда мы будемъ считать себя обязанными по отношенiю къ нему къ абсолютному послушанiю, а по отношенiю къ Богу не можемъ быть другого послушанiя, мы необходимо должны будемъ пассивно и безъ малѣйшей критики подчиняться святому авторитету его посредниковъ и избранныхъ: Мессiй, пророковъ, боговдохновенныхъ законодателей, императоровъ, царей и всѣхъ ихъ чиновниковъ и министровъ, освященныхъ представителей и служителей двухъ великихъ учрежденiй, выдающихъ себя намъ установленными самимъ Богомъ для управленiя надъ людьми: Церкви и Государства. Всякая временная или человѣческая власть непосредственно вытекаетъ изъ власти духовной или божьей. Но власть это отрицанiе свободы. Итакъ Богъ, или лучше сказать фикцiя Бога, является освященiемъ и интеллектуальной и моральной причиной всего рабства на землѣ, и свобода людей будетъ полной только тогда, когда она окончателно уничтожитъ зловредную фикцiю небеснаго владыки.

Затѣмъ и съ логической послѣдовательностью изъ перваго это бунтъ каждаго противъ тирании людей, противъ власти, сколь индивидуальной, столь и социальной, представленной и узаконенной Государствомъ. Здѣсь однако надо хорошо объяснить, а чтобы объяснить, надо начать съ установленiя вполнѣ точнаго различiя между официальной и слѣдовательно тиранической властью общества, организованнаго въ Государство, и естественнымъ 'влiянiемъ и дѣйствиемъ не официального общества на каждаго изъ своихъ членовъ.

Бунтъ противъ этого естественнаго влiянiя общества гораздо болѣе труденъ для индивидуума, чѣмъ бунтъ противъ общества официально организованнаго,

противъ Государства, хотя часто онъ столь же неизбеженъ, какъ и этотъ послѣдній. Общественная тираннiя, часто давящая и злополучная, не представляетъ того характера повелительнаго насилiя, узаконеннаго и оформленнаго деспотизма, которымъ отличается власть Государства. Она не являетъ себя въ видѣ закона, которому каждый индивидуумъ принужденъ подчиняться подь страхомъ навлечь на себя юридическое наказанiе. Ея дѣйствiе болѣе мягко, болѣе вкрадчиво, болѣе неуловимо, но настолько же и даже болѣе могуче, чѣмъ власть Государства. Она властвуетъ надъ людьми посредствомъ обычаевъ, нравовъ, множества чувствъ, предрасудковъ, привычекъ, какъ матеріальной жизни, такъ и ума и сердца, посредствомъ всего того, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ. Она охватываетъ человѣка съ его рожденiя, проникаетъ его, наполняетъ его и составляетъ самое основанiе его индивидуальнаго существованiя; такъ что каждый до нѣкоторой степени является ея соучастникомъ противъ самого себя, въ большей или меньшей степени, и чаще всего совершенно не подозрѣвая объ этомъ. Откуда слѣдуетъ, что для того, чтобы возстать противъ этого влiянiя, естественно подчиняющаго его обществу, человѣкъ долженъ отчасти возстать противъ самого себя, ибо всѣ его матеріальныя, интеллектуальныя и моральныя влеченiя и стремленiя и онъ самъ ничто иное, какъ произведенiе общества. Отсюда это огромное могущество общества надъ людьми.

Съ точки зрѣнiя абсолютной морали, т. е. человѣческаго уваженiя, и я сейчасъ скажу, что я подразумѣваю подь этимъ словомъ, это могущество общества можетъ быть благодѣтельнымъ, какъ оно можетъ быть и зловреднымъ. Оно благодѣтельно, когда стремится къ развитiю науки, матеріальнаго благоденствiя, свободы, равенства и братской солидарности между людьми; оно вредоносно, когда имѣетъ противоположныя тенденцiи. Человѣкъ, рожденный въ обществѣ скотовъ, остается, за очень рѣдкими исключенiями, скотомъ; рожденный въ обществѣ, управляемомъ священниками, онъ становится идиотомъ и ханжей; рожденный въ шайкѣ воровъ, онъ вѣроятно сдѣлается воромъ; рожденный въ буржуазiи онъ будетъ эксплуататоромъ работы другихъ;

а если онъ имѣеть несчастіе родиться въ обществѣ полубоговъ, которые управляютъ этойъ землею, знатныхъ, принцевъ, царскихъ сыновей, онъ будетъ сообразно со степенью своихъ способностей, своихъ средствъ и своего могущества презирателемъ, поработителемъ чело-вѣчества, тираномъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ бунтъ индивидуума противъ общества, которое видѣло его рожденіе, становится необходимымъ для очеловѣченія этого самого индивидуума.

Но я повторяю, бунтъ индивидуума противъ общества,—вещь гораздо болѣе трудная, чѣмъ бунтъ противъ Государства. Государство это учрежденіе историческое и переходное, преходящая форма общества, подобно самой Церкви, по отношенію къ которой оно является меньшимъ братомъ, и оно не имѣеть фатальнаго и неподвижнаго характера общества, которое предшествуетъ всякому развитію чело-вѣчества, и которое обладая всѣмъ всемогуществомъ естественныхъ законовъ, дѣйствій и явленій, составляетъ самую базу всего чело-вѣческаго существованія. Чело-вѣкъ, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлалъ первый шагъ по направленію къ чело-вѣчности, съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ быть чело-вѣческимъ существомъ, т. е. существомъ говорящимъ и болѣе или менѣе думающимъ, рождается въ обществѣ, какъ муравей рождается въ своемъ муравейникѣ и пчела въ своемъ ульѣ; онъ не избираетъ его, напротивъ онъ является его произведеніемъ, и настолько же фатально подчиненъ естественнымъ законамъ развитія общества, насколько и всѣмъ другимъ естественнымъ законамъ. Общество предшествуетъ и переживаетъ всякаго чело-вѣческаго индивидуума, какъ сама природа; оно вѣчно, какъ природа, или лучше сказать, рожденное на землѣ, оно будетъ существовать, покуда будетъ существовать наша земля. Полное возстаніе противъ общества для чело-вѣка столь же невозможно, какъ возстаніе противъ природы, тѣмъ болѣе, что общество является ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ великимъ проявленіемъ или твореніемъ природы на землѣ; и индивидуумъ, который захотѣлъ бы поставить вопросительный знакъ на обществѣ, т. е. на природѣ вообще и спеціально на своей собственной природѣ, поставилъ бы себя этимъ самымъ внѣ всѣхъ

условіи реального существованія, устремился бы въ небытіе, въ абсолютную пустоту, въ мертвую абстракцію, въ Божество. Спрашивать, является ли общество добромъ или зломъ, столь же невозможно, какъ спрашивать является ли добромъ или зломъ природа, всемірное, матеріальное, реальное, единое, всевышнее, абсолютное существо; это нѣчто большее, чѣмъ добро или зло; это безмѣрный, положительный и первичный фактъ, предшествующій всякому сознанію, всякой идеѣ, всякой интеллектуальной и моральной оцѣнкѣ, это само основаніе, это міръ, въ которомъ позже фатально развивается для насъ то, что мы называемъ добромъ или зломъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ Государствомъ; и я, не колеблясь, говорю, что Государство есть зло, но зло исторически необходимое, столь же необходимое въ прошедшемъ, какъ рано или поздно будетъ необходимо его полное уничтоженіе, столь же необходимое, какъ были необходимы первобытная животность и теологическія пустоплетенія людей. Государство не есть общество, оно лишь его историческая форма, столь же грубая, какъ и абстрактная. Оно исторически родилось во всѣхъ странахъ, какъ плодъ брачнаго союза насилія, грабежа и опустошенія, однимъ словомъ войны и завоеванія, вмѣстѣ съ богами, послѣдовательно рожденными теологической фантазіей націй. Оно было съ своего рожденія и остается до сихъ поръ божественной санкціей грубой силы и торжествующей несправедливости. И именно въ странахъ наиболѣе демократичныхъ, каковы Соединенные Штаты Америки и Швейцарскіе кантоны, . . . *) привиллегія какого-нибудь меньшинства и реальное поработеніе огромнаго большинства.

Бунтъ противъ Государства сравнительно легко, ибо въ самой природѣ государства есть нѣчто, вызывающее на бунтъ. Государство это власть, это сила, это самопоказъ и нахальство силы. Оно не вкрадчиво, оно не ищетъ дѣйствовать путемъ убѣжденія: и всякій разъ какъ это ему приходится, оно дѣлаетъ это противъ доброй воли; ибо его природа заключается въ дѣйствіи принужденіемъ, насиліемъ, а не убѣжденіемъ.

*) Слово, не могущее быть прочитаннымъ въ рукописи.

Сколько оно не старается скрыть свою природу, оно остается законнымъ насильникомъ воли людей, постояннымъ отрицаніемъ ихъ свободы. Даже когда оно повелѣваетъ добро, оно его портитъ и обезцѣниваетъ, именно потому что оно повелѣваетъ, а всякое повелѣніе вызываетъ, возбуждаетъ справедливый бунтъ свободы; и потому еще что добро, разъ оно приказано, становится съ точки зрѣнія истинной морали, морали человѣческой, а не божеской, понятно, съ точки зрѣнія человѣческаго уваженія и свободы,—зломъ. Человѣческая свобода, нравственность и достоинство заключаются именно въ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ добро, не потому что ему такъ приказано, а потому что онъ его создаетъ, его хочетъ и его любитъ.

Общество не требуетъ признанія своей власти формальнымъ официальнымъ, авторитетнымъ образомъ; оно властвуетъ естественно и именно потому его воздѣйствіе на индивидуума несравненно болѣе могущественно, чѣмъ воздѣйствіе Государства. Оно творитъ и формируетъ всѣхъ индивидуумовъ, рождающихся и развивающихся въ его лоно. Оно медленно, отъ перваго дня рожденія до дня ихъ смерти, одаряетъ ихъ всею своею матеріальной, интеллектуальной и моральной природой, оно словно индивидуализируется въ каждомъ.

Реальный человѣческій индивидуумъ такъ далекъ отъ того, чтобы быть абстрактнымъ и универсальнымъ существомъ, что каждый, съ минуты когда онъ зарождается во чревѣ матери, является обусловленнымъ и определеннымъ множествомъ матеріальныхъ, географическихъ, климатологическихъ, этнографическихъ, гигиеническихъ и экономическихъ причинъ и дѣйствій, которыя составляютъ матеріальную природу, исключительно свойственную его семьѣ, его классу, его національности, его расѣ; и поскольку склонности и влеченія людей зависятъ отъ совокупности этихъ внѣшнихъ или физическихъ вліяній, каждый рождается съ природой или индивидуальнымъ характеромъ, матеріально обусловленнымъ. Кроме того, благодаря сравнительно высокой организаціи человѣческаго мозга, каждый человѣкъ, рождаясь, приноситъ съ собой, правда въ разномъ количествѣ, не врожденные идеи, и чувства,

какъ это утверждаютъ идеалисты, но способность, вмѣстѣ матеріальную и формальную, чувствовать, думать, говорить и хотѣть. Онъ приноситъ съ собою лишь способность создавать и развивать идеи, и какъ я уже сказалъ, чисто формальное, лишенное всякаго содержания, могущество къ дѣятельности. Кто даетъ ему его первое содержаніе? Общество.

Здѣсь не мѣсто разслѣдовать, какимъ образомъ сложились въ первобытныхъ обществахъ первыя понятія и идеи, изъ которыхъ большая часть была, естественно, очень нелѣпа. Все что мы можемъ сказать съ полной увѣренностью, это то что вначалѣ онѣ не были создаваемы изолированно и внезапно, чудесно озареннымъ умомъ вдохновенныхъ индивидуумовъ, но напротивъ того коллективной, и часто неуловимой работой умовъ всѣхъ индивидуумовъ, которые входятъ въ составъ обществъ; замѣчательные индивидуумы, гениальные люди лишь выражали результатъ этой работы въ самой вѣрной или въ самой удачной формѣ, ибо всѣ гениальные люди поступали всегда, подобно Вольтеру, *„беря свое добро вездѣ, гдѣ они его находили“*. Итакъ коллективный интеллектуальный трудъ первобытныхъ обществъ создалъ первыя идеи. Эти идеи вначалѣ были лишь простыми, понятно очень несовершенными, констатированіями естественныхъ и социальныхъ явленій и еще менѣе основательными заключеніями, полученными изъ разсмотрѣнія этихъ явленій. Таковое было начало всѣхъ человѣческихъ представленій, воображеній и мыслей. Содержаніе этихъ мыслей вислолько не было создано произвольнымъ дѣйствіемъ человѣческаго духа, но было ему прежде всего дано реальнымъ міромъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ. Человѣческій умъ, т. е. всецѣло органическая и слѣдовательно матеріальная работа и функционированье человѣческаго мозга, возбужденнаго внѣшними и внутренними возбужденіями, которыя ему приносятъ нервы,—не привноситъ отъ себя ничего, кромѣ чисто формальной дѣятельности, заключающейся въ сравненіи и комбинированьи вещей и явленій въ истинныя или ложныя системы. Такимъ образомъ родились первыя идеи. Посредствомъ слова эти идеи или, лучше сказать, эти первыя созданія воображенія опредѣлились, отвердѣли,

передавался от одного человеческого индивидуума къ другому; такимъ образомъ созданія индивидуальныхъ воображеній каждаго встрѣтились другъ съ другомъ, взаимно проконтролировались, модифицировались и дополнились, и болѣе или менѣе сливаясь въ единую систему, кончили тѣмъ, что создали общее сознание, коллективную мысль общества. Эта мысль передаваемая по традиціи отъ одного поколѣнія къ другому, составляетъ интеллектуальную и моральную вотчину общества, класса и національности.

Каждое новое поколѣніе находитъ въ колебленицѣлый міръ идей, воображеній и чувствъ, которыя оно получаетъ какъ наслѣдство прошедшихъ вѣковъ. Этотъ міръ не представляется сперва новорожденному человеку подъ своей идеальной формой, какъ система представленій и идей, какъ религія, какъ доктрина; дитя не способно воспринять и понять его подъ этой формой; міръ входитъ въ его сознание, какъ міръ фактовъ, воплощенный и осуществленный, какъ въ лицахъ, такъ и вещахъ, его окружающихъ, говоря его чувствамъ посредствомъ всего, что онъ слышитъ и видитъ съ перваго дня своей жизни. Ибо, человѣческія идеи и представленія, которыя сперва были ничѣмъ инымъ, какъ продуктами реальныхъ, какъ естественныхъ, такъ и социальныхъ, фактовъ, въ томъ смыслѣ, что они были отраженіемъ и повтореніемъ въ человѣческомъ мозгу и, такъ сказать, идеальнымъ, болѣе или менѣе правильнымъ, воспроизведеніемъ внѣшнихъ фактовъ въ этомъ чисто матеріальномъ органѣ человѣческой мысли, — позже, послѣ того какъ они хорошо утвердились, только что описаннымъ мною образомъ, въ коллективномъ сознаніи какого-нибудь общества, приобрѣли способность становиться въ свою очередь производящими причинами новыхъ фактовъ, уже не естественныхъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, а социальныхъ. Они въ концѣ концовъ измѣняютъ и трансформируютъ, правда очень медленно, человѣческое существованіе, привычки и учрежденія, однимъ словомъ всѣ взаимоотношенія людей въ обществѣ, и благодаря своему воплощенію въ вещи, самыя обыденныя въ жизни каждаго, они становятся чувствительными, осязательными для всѣхъ, даже для дѣтей. Такъ что

каждое новое поколѣніе проникается ими съ самого ранняго дѣтства, и, доходя до возмужалости, когда начинается настоящая работа собственной мысли, необходимо сопровождается новой критикой, оно находитъ, какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ окружающемъ обществѣ, цѣлый міръ принятыхъ мыслей и представленій, которыя служатъ для него точкой отправленія и даютъ, такъ сказать, первый матеріаль и основу для его собственной интеллектуальной и моральной работы. Сюда принадлежатъ созданія общаго, традиціоннаго воображенія, которыхъ метафизики, обманутые чувствительностью и незамѣтностью, съ которыми эти представленія, привходя извнѣ, проникаютъ и запечатлѣваются въ мозгу дѣтей, раньше даже чѣмъ они достигаютъ самосознанія,—ошибочно называютъ прирожденными идеями.

Таковы общія и абстрактныя идеи божества, души, идеи совершенно нелѣпныя, но неизбѣжныя, фатальныя въ историческомъ развитіи человѣческаго ума, который, лишь очень медленно достигая въ теченіи вѣковъ рациональнаго познанія и критики самого себя и своихъ собственныхъ проявленій, исходитъ всегда отъ нелѣпости, чтобы прійти къ истинѣ, и отъ рабства чтобы завоевать свободу; идеи, освященные всемірнымъ невѣжествомъ и тупостью вѣковъ, также точно какъ и хорошо сознаннымъ интересомъ привилегированныхъ классовъ, такъ что теперь невозможно открыто и на общепонятномъ языкѣ высказаться противъ этихъ идей, не возмущая значительную часть народныхъ массъ и не подвергаясь опасности быть побитымъ камнями со стороны буржуазнаго лицемѣрія. Наряду съ этими, чисто абстрактными идеями и въ тѣсной связи съ ними, подростокъ находитъ въ обществѣ, и вслѣдствіе всесильнаго вліянія, которое оно имѣло на него въ дѣтствѣ, находитъ въ себѣ самомъ множество другихъ представленій и идей, гораздо болѣе опредѣленныхъ, гораздо болѣе тѣсно соприкасающихся съ реальной жизнью человѣка, съ его каждодневнымъ существованіемъ. Таковы представленія о природѣ и о человѣкѣ, о справедливости, объ обязанностяхъ и правахъ индивидуумовъ и классовъ, о соціальныхъ приличіяхъ, о семьѣ, о собственности, о Государствѣ и много еще

другихъ, опредѣляющихъ взаимоотношенія людей. Всѣ эти идеи, которыя онъ находитъ при рожденіи воплощенными въ вещахъ и въ людяхъ, которыя запечатлѣваются въ его умѣ получаемымъ имъ воспитаніемъ и образованіемъ, раньше чѣмъ онъ приходитъ къ самосознанію, онъ позже находитъ ихъ освященными, объясненными, комментированными посредствомъ теорій, выражающихъ всемірное сознаніе и коллективный предразсудокъ, посредствомъ всѣхъ религіозныхъ, политическихъ и экономическихъ учрежденій общества, въ которомъ онъ участвуетъ. Онъ такъ пропитанъ ими самъ, что заинтересованъ ли онъ лично или нѣтъ въ ихъ защитѣ, онъ будетъ невольпо, въ силу всѣхъ своихъ матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ привычекъ, ихъ сторонникомъ.

Достоинно удивленія не всемогущее дѣйствіе этихъ идей, выражающихъ коллективное сознаніе общества, на массу людей, по напротивъ то, что среди этой массы находятся индивидуумы, имѣющие мысль, волю и смѣлость бороться съ ними. Ибо давленіе производимое обществомъ на индивидуума огромно, и нѣтъ столь сильнаго характера, столь сильнаго ума, чтобы они могли считать себя въ безопасности отъ покушеній этого столь же деспотическаго, какъ и непреборимаго могущества.

Ничто такъ не доказываетъ общественный характеръ челоуѣка, какъ это вліяніе. Можно сказать, что коллективное сознаніе какого-нибудь общества, воплощенное какъ въ крупныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ частной жизни, и служащее основаніемъ всѣхъ теорій, составляетъ своего рода всеобщую среду, своего рода интеллектуальную и моральную атмосферу, вредоносную, но совершенно необходимую для существованія всѣхъ его членовъ. Она надъ ними господствуетъ и въ то же время поддерживаетъ ихъ, соединяя ихъ обычными и съ необходимостью ею обусловленными отношеніями; вѣдряя въ каждого сознаніе безопасности и увѣренности, и составляя для всѣхъ высшее и необходимое условіе существованія толпы, банальности, общаго мѣста, рутинны.

Огромное большинство людей, не только въ народныхъ массахъ, но такъ же точно и часто даже еще

болѣ между привилегированными и просвѣщенными классами, не чувствуютъ себя спокойными и въ мирѣ съ своей совѣстью, если только не слѣдуютъ, во всѣхъ своихъ мысляхъ, во всѣхъ поступкахъ своей жизни, слѣпо и рабски традиціи и рутинѣ: „Наши отцы думали и поступали такъ, мы должны думать и поступать какъ они; весь міръ вокругъ насъ думаетъ и поступаетъ такъ, зачѣмъ будемъ мы думать и поступать иначе, чѣмъ весь міръ?“ Эти слова выражаютъ философію, убѣжденіе и поведеніе 99-ти процентовъ чело-вѣчества, взятаго безразлично во всѣхъ классахъ общества. И, какъ я уже замѣтилъ, это наибольшее препятствіе прогрессу и возможно скорому освобожденію чело-вѣческаго рода.

Каковы причины этой приводящей въ отчаяніе и столь близкой къ неподвижности медленности, которая составляетъ, по моему, самое-большое несчастіе чело-вѣчества?

Причинъ этому множество. Между ними одной изъ самыхъ значительныхъ является, несомнѣнно, невѣжество массъ. Лишаемая постоянно и систематически научнаго образованія, благодаря отеческимъ попеченіямъ всѣхъ правительствъ и привилегированныхъ классовъ, находящихъ полезнымъ продержатъ ихъ какъ можно дольше въ невѣжествѣ, въ благочестіи, въ вѣрѣ,—три существенныя, выражающія почти одно и то же, — онѣ равно не знаютъ о существованіи и способѣ пользованія этимъ инструментомъ интеллектуальнаго освобожденія, который называется критикой, безъ которой не можетъ быть полной моральной и соціальной революціи.

Массы, всѣ интересы которыхъ заключаются въ возстаніи противъ установленнаго строя, бывають къ нему болѣе или менѣе привязаны изъ-за религіи своихъ отцовъ, этого провидѣнія привилегированныхъ классовъ.

Привилегированные классы, которые, что бы они не говорили, не имѣють болѣе ни благочестія, ни вѣры, остаются въ свою очередь привязанными къ нимъ, изъ-за своихъ политическихъ и соціальныхъ интересовъ. Однако, невозможно сказать, что это единственная причина ихъ страстной привязанности къ господствующимъ идеямъ.

Какъ ни низко мое мнѣніе о нынѣшней интеллектуальной и моральной цѣнности этихъ классовъ, все же я не могу допустить, что одинъ своекорыстный интересъ служить двигателемъ ихъ мыслей и поступковъ.

Во всякомъ классѣ и во всякой партіи существуетъ, конечно, болѣе или менѣе многочисленная группа умныхъ, смѣлыхъ и сознательно недобросовѣстныхъ эксплуататоровъ, такъ называемыхъ *крѣпкихъ людей* (*hommes forts*), свободныхъ отъ всѣхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ предрасудковъ, равно безразличныхъ ко всякимъ убѣжденіямъ и пользующихся, при случаѣ, всѣми средствами, чтобы достигнуть своей цѣли. Но эти выдѣляющіеся люди всегда составляютъ даже въ самыхъ испорченныхъ классахъ лишь незначительное меньшинство; большинство и здѣсь обладаетъ тѣми же бараньими свойствами, что въ народныхъ массахъ. Оно естественно подчиняется вліянію своихъ интересовъ, которые заставляютъ его видѣть въ реакціи условіе своего существованія. Но невозможно допустить, что дѣлая реакцію, оно послушно лишь эгоистическому чувству. Громадное большинство людей, даже значительно испорченныхъ, не способно быть столь извращеннымъ, когда оно дѣйствуетъ коллективно. Во всякой многочисленной ассоціаціи, а тѣмъ болѣе въ ассоціаціяхъ традиционныхъ, историческихъ, каковыми являются классы, хотя бы онѣ дошли до того, что сдѣлались совершенно вредоносны и противны всеобщему интересу и праву, сохраняется какой-нибудь моральный принципъ, какая-нибудь религія, вѣрованье, конечно очень мало рациональные, чаще всего смѣшные, и, слѣдовательно, очень узкіе, но искренніе и составляющіе необходимое нравственное условіе существованія этихъ ассоціацій.

Общая и основная ошибка всѣхъ идеалистовъ, ошибка, являющаяся впрочемъ вполне логичнымъ послѣдствіемъ всей ихъ системы, заключается въ исканіи основанія морали въ отдѣльномъ индивидуумѣ, между тѣмъ какъ оно находится и можетъ находиться лишь въ индивидуумахъ, находящихся въ общеніи. Чтобы

доказать это, оцѣнимъ разъ навсегда по достоинству, изолированнаго или абсолютнаго индивидуума идеалистовъ.

Этотъ одинокій и абстрактный человѣческій индивидуумъ является фикціей, такую же какъ фикція Бога; обѣ онѣ были одновременно созданы вѣрующей фантазіей или дѣтскимъ, не рефлексивнымъ, экспериментальнымъ и критическимъ, а вообразительнымъ разумомъ народовъ и потомъ были развиты, объяснены и догматизированы въ теологическихъ и метафизическихъ теоріяхъ идеалистическихъ мыслителей. Обѣ онѣ, представляя собой лишенный всякаго содержанія и несогласимый ни съ какой реальностью abstractum, логически приходятъ къ Небытію. Я полагаю, что я доказалъ имморальность фикціи Бога; позже, въ заключеніи, я еще яснѣе докажу ея нелѣпость. Теперь я хочу анализировать столь же имморальную, какъ и нелѣпую фикцію абсолютнаго или абстрактнаго человѣческаго индивидуума, фикцію, которую моралисты идеалистической школы берутъ за основаніе ихъ политическихъ и социальныхъ теорій.

Мнѣ не доставитъ труда доказать, что человѣческій индивидуумъ, котораго они проповѣдуютъ и любятъ, является существомъ совершенно имморальнымъ. Это олицетворенный эгоизмъ, это существо анти-соціальное, по преимуществу. Такъ какъ этотъ индивидуумъ одаренъ бессмертною душой, то онъ безконеченъ, и самодовлѣющъ; значить онъ не нуждается ни въ комъ, даже въ Богѣ, а тѣмъ болѣе не нуждается онъ въ другихъ людяхъ. Логически онъ не долженъ бы переносить существованія, на ряду или выше себя, другого индивидуума, равнаго или высшаго, столь же бессмертнаго и безконечнаго или болѣе бессмертнаго и безконечнаго, чѣмъ онъ самъ. Онъ долженъ бы быть единственнымъ человѣкомъ на землѣ; что я говорю?— онъ долженъ бы считать себя единственнымъ существомъ, міромъ. Ибо безконечность, встрѣчающая что бы то ни было внѣ себя, встрѣчаетъ границу, перестаетъ быть безконечностью и двѣ встрѣчающіяся безконечности взаимно уничтожаютъ другъ друга.

Почему теологи и метафизики, выказывающіе себя все же очень тонкими логиками, совершили и продол-

жають совершать эту непоследовательность допущенія существованія множества равно безсмертныхъ, т. е. равно безконечныхъ людей, а надъ ними существованія Бога еще болѣе безсмертнаго и безконечнаго? Они были къ этому принуждены совершенной невозможностью отрицать реальное существованіе, смертность и взаимную независимость милліоновъ людей, жившихъ и живущихъ на этой землѣ *). Это фактъ, отъ котораго не смотря на все свое желаніе они не могутъ отрѣшиться. Логически они должны бы вывести заключеніе, что души не безсмертны, что они не имѣютъ существованія отдѣльнаго отъ своихъ тѣлесныхъ и смертныхъ оболочекъ, и что, ограничивая другъ друга и находясь во взаимной зависимости, что находя видъ себя безконечное число различныхъ вещей, человѣческіе индивидуумы, подобно всему существующему въ этомъ мірѣ, являются существами преходящими, ограниченными и конечными. Но признавъ это, они должны бы отказаться отъ самого основанія своихъ идеалистичныхъ теорій, они должны были бы примкнуть къ знамени чистаго матеріализма, или экспериментальной и рациональной науки. Къ этому ихъ приглашаетъ и могучій голосъ вѣка.

Они остаются глухи къ этому голосу. Ихъ характеръ вдохновенныхъ пророковъ, доктринеровъ и священниковъ, ихъ умъ, подвигаемый тонкими обманами метафизики, привыкшій къ сумеркамъ идеальныхъ фантазій, возмущаются противъ откровенныхъ заключеній и полного дня простой истины. Они до того ее ненавидятъ, что предпочитаютъ сохранить противорѣчіе, которое они сами дѣлаютъ этой нелѣпой фикціей безсмертной души, нуждаясь для разрѣшенія ея въ новой нелѣпости, въ фикціи Бога. Съ точки зрѣнія теоріи, Богъ является ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ убѣжищемъ и высшимъ выраженіемъ всѣхъ нелѣпостей и противорѣчій идеализма. Въ теологіи, представляющей собой дѣтскую и наивную метафизику, онъ является основаніемъ и первой причиной нелѣпаго, но въ метафизикѣ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. въ утон-

*) Здѣсь во французскомъ подлинникѣ какая-то неясность мысли, оставшаяся и въ переводѣ.

ченной и рационализированной теологии, онъ является напротивъ послѣдней инстанціей и высшимъ убѣдителемъ нелѣпаго, въ томъ смыслѣ, что всѣ противорѣчія, кажушіяся неразрѣшимыми въ реальномъ мірѣ, объясняются въ Богѣ и черезъ Бога, т. е. въ нелѣпомъ, облеченномъ, насколько возможно, рациональной внѣшностью.

Существованіе личнаго Бога, и безсмертіе души являются двумя неразрѣшимыми фикціями, двумя полюсами одной и той же абсолютной нелѣпности, взаимно вызывающими другъ друга и не могущими найти одна безъ другой своего объясненія и основанія своего существованія. Итакъ на очевидное противорѣчіе, существующее между предположенной безконечностью всякаго человѣка и реальнымъ фактомъ существованія множества людей, (т. е. существуетъ внѣ другъ друга множество безконечныхъ существъ, взаимно себя ограничивающихъ); на противорѣчіе между ихъ смертностью и безсмертіемъ, между ихъ естественной зависимостью и ихъ абсолютной независимостью другъ отъ друга,—идеалисты имѣютъ только одинъ отвѣтъ: Богъ;—если этотъ отвѣтъ вамъ ничего не объясняетъ и не удовлетворяетъ васъ, тѣмъ хуже для васъ. Они не могутъ вамъ дать другого.

Фикція безсмертія души и фикція индивидуальной морали, являющаяся необходимымъ слѣдствіемъ первой, являются отрицаніемъ всей морали. И въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость теологамъ, которые будучи гораздо болѣе послѣдовательными и логичными, чѣмъ метафизики, смѣло отрицаютъ то, что теперь принято называть *независимой моралью*, объявляя, съ большой разумностью, что разъ только допускается безсмертіе души и существованіе Бога, надо признать, что можетъ существовать только одна мораль, божественный, откровенный законъ, религіозная мораль, т. е. отношеніе безсмертной души съ Богомъ, помощью Божьей благодати. Внѣ этого иррациональнаго, чудеснаго и мистическаго отношенія, единственно святаго и единственно спасительнаго, и внѣ послѣдствій, вытекающихъ изъ него для человѣка, всѣ другія отношенія сводятся къ нулю. Божественная мораль есть абсолютное отрицаніе морали человѣческой.

Божественная мораль нашла свое лучше выраженіе въ слѣдующей христіанской максимѣ: „Ты долженъ любить Бога болѣе, чѣмъ самого себя, а своего ближняго, какъ самого себя“,—откуда вытекаетъ обязанность жертвовать для Бога собой и своимъ ближнимъ. Пусть бы еще пожертвованье самимъ собой, къ нему можно относиться, какъ къ безумію; но пожертвованье своимъ ближнимъ является, съ человѣческой точки зрѣнія, совершенно immoralнымъ. А почему же я принужденъ къ этому безчеловѣчному пожертвованію? Ради спасенія моей души. Это послѣднее слово христіанства. Значить, чтобы быть угоднымъ Богу и спасти свою душу, я долженъ пожертвовать своимъ ближнимъ. Это абсолютный эгоизмъ. Этотъ эгоизмъ, не уменьшенный, не уничтоженный, но лишь замаскированный посредствомъ насильственной коллективности и властнаго, іерархическаго и деспотическаго единенія въ католицизмѣ, является во всей своей цинической откровенности въ протестанствѣ, являющемся своего рода религіознымъ: „спасайся, кто можетъ“.

Метафизики въ свою очередь стараются скрыть этотъ эгоизмъ, являющійся существеннымъ и основнымъ принципомъ всѣхъ идеалистическихъ доктринъ, тѣмъ что говорятъ мало, какъ можно меньше объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и очень много о взаимныхъ отношеніяхъ людей. Это не является съ ихъ стороны ни красивымъ, ни откровеннымъ, ни логичнымъ; ибо разъ допускается существованіе Бога, мы принуждены признать необходимость отношенія человѣка къ Богу; и надо признать что по сравненіи съ этимъ отношеніемъ къ абсолютному и всевышнему существу, всѣ другія отношенія необходимо притворны. Или Богъ не есть Богъ, или его присутствіе все поглощаетъ, все уничтожаетъ. Но оставимъ это...

Итакъ метафизики ищутъ мораль въ отношеніяхъ людей между собой, и въ то же время они утверждаютъ, что она является совершенно индивидуальнымъ фактомъ, божественнымъ закономъ, написаннымъ въ сердцахъ каждаго человѣка, независимо отъ его взаимоотношенія съ другими людьми. Таково неразрѣшимое противорѣчіе, на которомъ основана теорія морали идеалистовъ. Разъ я несу въ себѣ, до всякаго отношенія

съ обществомъ и слѣдовательно независимо отъ какого бы то ни было вліянія общества на мою личность, моральный законъ, написанный самимъ Богомъ въ моемъ сердцѣ, то этотъ моральный законъ по необходимости чуждъ и безразличенъ, если только не враждебенъ моему общественному существованію; онъ не можетъ касаться моихъ отношеній къ людямъ, а можетъ лишь опредѣлять мои отношенія къ Богу, какъ очень логично утверждаетъ теологія. Что касается до людей, то съ точки зрѣнія этого закона, они мнѣ совершенно чужды. Такъ какъ моральный законъ созданъ и запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ, помимо всякихъ отношеній съ ними, то ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

Но возразятъ мнѣ: этотъ законъ именно повелѣваетъ вамъ любить людей, какъ самого себя, ибо они подобны вамъ, и ничего не дѣлать имъ, чтобы вы не желали, чтобы вамъ было сдѣлано, соблюдать по отношенію къ нимъ равенство, равную по отношенію ко всѣмъ мораль, справедливость. На это я отвѣчаю, что если правда, что моральный законъ заключаетъ въ себѣ это повелѣніе, то я долженъ отсюда вывести, что онъ не созданъ, не запечатлѣлся уединеннымъ образомъ въ моемъ сердцѣ; онъ необходимо предполагаетъ предшествовавшее существованіе моихъ отношеній съ другими людьми, подобными мнѣ существами, и что слѣдовательно онъ не творитъ этихъ отношеній, но, находя ихъ уже естественно установившимися, онъ ихъ лишь регулируетъ, и является своего рода ихъ проявленіемъ, развитіемъ, объясненіемъ, продуктомъ. Откуда явствуетъ, что моральный законъ является фактомъ не индивидуалистическимъ, а общественнымъ, созданіемъ общества.

Если бы это было иначе, моральный законъ, написанный въ моемъ сердцѣ, былъ бы нелѣпъ; онъ бы регулировалъ мои отношенія съ существами, съ которыми я не имѣлъ бы никакихъ отношеній, фактъ существованія которыхъ былъ бы мнѣ неизвѣстенъ.

На это матафизики имѣютъ одинъ отвѣтъ. Они говорятъ, что каждый человѣческой индивидуумъ приноситъ, рождаясь, его съ собой написаннымъ рукой Бога въ сердцѣ, но что законъ этотъ находится сперва въ скрытомъ состояніи, въ состояніи лишь способ-

ности, еще не реализированной, не проявленной для самого индивидуума, который не может ее реализовать, не может ее разобрать въ себѣ самомъ, иначе, какъ развиваясь въ средѣ себѣ подобныхъ; что человекъ, однимъ словомъ, не приходитъ къ сознанию этого присущаго ему закона иначе, какъ въ отношеніяхъ съ другими людьми.

Черезъ это объясненіе, если и не ивавильное, то во всякомъ случаѣ удобопріемлемое, мы снова возвращаемся къ доктринамъ врожденныхъ идей, чувствъ и принциповъ. Эта теорія извѣстна: человеческая душа, безсмертная и безконечная въ своей сущности, но тѣлесно обусловленная, ограниченная, отягощенная, и такъ сказать ослѣпленная, уничтоженная въ своемъ реальномъ существованіи, заключаетъ въ себѣ всѣ эти вѣчные и божественные принципы, но сама не зная объ этомъ, и даже подозрѣвая это менѣе, чѣмъ чтобы то ни было на свѣтѣ. Будучи безсмертной, она должна также необходимо быть безсмертной въ прошломъ, какъ и въ будущемъ. Ибо если бы она имѣла начало, она необходимо возымѣла бы конецъ, она не была бы безсмертной. Чѣмъ она была, что она дѣлала въ продолженіи всей вѣчности, которую она оставляетъ за собой. Богъ одинъ это знаетъ; что касается до нея самой она не помнитъ, не знаетъ этого. Это великая тайна, полная кричащихъ противорѣчій, для разрѣшенія которыхъ приходится прибѣгнуть къ высшему противорѣчію, къ Богу. Выходить, что душа всегда сохраняетъ, не подозрѣвая объ этомъ сама, въ какой-то таинственной области своего существа, всѣ божественные принципы. Но затерянная въ земномъ тѣлѣ, оуптѣвшая отъ грубо матеріальныхъ условій своего рожденія и существованія на землѣ, она не имѣетъ болѣе способности ни понимать ихъ, ни даже вспоминать о нихъ. Это все равно, какъ если бы она ихъ совсѣмъ не имѣла. Но вотъ множество человеческихъ душъ, всѣ одинаково безсмертныя въ своей сущности, всѣ одинаково оуптѣвшія, испортившіяся и оматеріализованныя въ своемъ реальномъ существованіи, встрѣчаются въ обществѣ. Сперва они узнаютъ другъ друга столь мало, что одна матеріализованная душа съѣдаетъ другую. Антропофагія была, какъ извѣстно, первымъ

обычаемъ человѣческаго рода. Потомъ, продолжая вести другъ съ другомъ ожесточенную войну, каждая стремится поработить всѣ другія—это долгій періодъ рабства, періодъ, который далеко еще не пришелъ сегодня къ концу. Ни въ антропофагиі ни въ рабствѣ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда божественныхъ принциповъ. Но въ той безконечной борьбѣ народовъ и людей между собой, которая составляетъ исторію, и вслѣдствіе тѣхъ безчисленныхъ страданій, которыя являются самымъ явнымъ результатомъ этой борьбы, души мало по малу просыпаются, выходя изъ своего оупѣнія, приходя въ себя, узнавая другъ друга и все болѣе и болѣе углубляясь въ свое внутреннее существо, вызываемыя и возбуждаемыя одна другой, онѣ начинаютъ сперва вспоминать, и предчувствовать, а потомъ болѣе ясно видѣть и ухватывать принципы, которые Богъ, отъ вѣка, запечатлѣлъ въ нихъ собственной рукой.

Это пробужденіе и воспоминаніе совершаются не въ душахъ, наиболѣе безконечныхъ и безсмертныхъ; что было бы нелѣпностью; безконечность не можетъ быть ни большей, ни меньшей, такъ что душа самого большого идиота столь же безконечна и безсмертна, какъ душа величайшаго генія; они совершаются въ душахъ наименѣе грубо матеріализированныхъ, и слѣдовательно болѣе способныхъ проснуться и опаматоваться. Таковы люди, одаренные гениемъ, люди вдохновленные Богомъ, получившіе откровеніе, законодатели, пророки. Разъ эти великіе люди, получившіе озареніе и воззваніе отъ духа, безъ помощи котораго ничего великаго и хорошаго не происходитъ въ этомъ мірѣ, нашли въ себѣ самихъ эти божественныя истины, которыя каждый человѣкъ инстинктивно носитъ въ своей душѣ, то и для всѣхъ другихъ болѣе грубо оматерIALIZEDованныхъ людей становится легче сдѣлать то же самое открытіе. И вотъ почему всякая великая истина, всѣ вѣчные принципы, проявившіеся вначалѣ въ исторіи, какъ божественныя откровенія, сводятся позже къ истинамъ, конечно божественнымъ, но которыя всякій можетъ и долженъ найти въ себѣ самомъ и признать за основаніе своей собственной безконечной сущности или безсмертной души. Это объясняетъ, какимъ обра-

зомъ истина, возвѣщенная сперва однимъ человѣкомъ, распространяясь мало-по-малу во внѣ, создаетъ учениковъ, вначалѣ малочисленныхъ и обыкновенно преслѣдуемыхъ, такъ же точно какъ и учитель, массаи и официальными представителями общества; потомъ распространяясь все болѣе по причинѣ именно преслѣдованій, она кончаетъ тѣмъ, что завоевываетъ коллективное сознание, и, бывши долгое время истиной исключительно индивидуальной, перерабатывается въ концѣ въ истину общественно принятую; хорошо или худо реализованная въ публичныхъ и частныхъ учрежденіяхъ общества, она становится закономъ.

Такова общая теорія моралистовъ метафизической школы. На первый взглядъ, говорю я, она очень удобоприемлема и, какъ кажется, примиряетъ самыя несообразныя вещи: божественное откровеніе и человѣческій разумъ, безсмертіе и абсолютную независимость индивидуумовъ съ ихъ смертностью и абсолютной зависимостью, индивидуализмъ съ социализмомъ. Но изслѣдуя эту теорію и ея слѣдствія поближе, мы легко увидимъ, что это чисто внѣшнее примиреніе, скрывающее подъ ложной маской рационализма и социализма, древнее торжество божественной нелѣпости надъ человѣческимъ разумомъ и индивидуальнаго эгоизма надъ соціальной солидарностью. Въ концѣ концовъ она логически приводитъ къ абсолютному раздѣленію и уединенію индивидуумовъ, и слѣдовательно къ отрицанію всякой морали.

Несмотря на претензіи этой теоріи на чистый рационализмъ, она начинается съ отрицанія всего разума, съ нелѣпости, съ фикціи безконечности, затерявшейся въ конечномъ, или съ предположенія души, множества безсмертныхъ душъ, заложенныхъ и заключенныхъ въ тюрьму смертныхъ тѣлъ. Чтобы исправить и объяснить эту нелѣпость, теорія принуждена прибѣгнуть къ другой, къ нелѣпости по преимуществу, къ Богу, своего рода безсмертной, личной, неизмѣнной душѣ, заложенной и заключенной въ тюрьму преходящаго и смертнаго міра и сохраняющей тѣмъ не менѣе свое всевѣдѣніе и всемогущество. Если дѣлать этой теоріи нескромные вопросы, которыхъ она конечно неспособна разрѣшить, ибо нелѣпость неспособна ни къ самораз-

рѣшенію, пи къ саморазъясненію, она отвѣчаетъ этимъ страшнымъ словомъ Бога, таинственнаго абсолюта, которое, не выражая ровно ничего, или обозначая невозможное, разрѣшаетъ, объясняетъ, согласно ей, все. Это ея дѣло и ея право, ибо за это, будучи наслѣдницей и болѣе или менѣе послушной дочерью теологіи, она и называется метафизикой.

То что мы должны разсмотрѣть, такъ это моральныя послѣдствія этой теоріи. Константируемъ прежде всего, что ея мораль, несмотря на свою социалистическую внѣшность, является моралью глубоко, исключительно индивидуальной, послѣ чего намъ не представлять труда доказать, что обладая такимъ господствующимъ характеромъ, она является на дѣлѣ отрицаніемъ всей морали.

По этой теоріи, безсмертная и индивидуальная душа каждаго человѣка, безконечная и абсолютно всецѣлая въ своей сущности, и какъ таковая не имѣющая рѣшительно никакой нужды въ какомъ либо существѣ, или въ отношеніяхъ съ другими существами, оказывается заключенной въ тюрьму и сперва какъ бы сведенной къ нулю въ смертномъ тѣлѣ. Въ этомъ состояніи паденія, причины котораго очевидно останутся намъ вѣчно неизвѣстными, ибо человѣческой умъ не способенъ ихъ объяснить, и такъ какъ ихъ объясненіе находится только въ абсолютной тайнѣ, въ Богѣ, доведенная до этого состоянія матеріальности и абсолютной зависимости отъ внѣшняго міра, человѣческая душа нуждается въ обществѣ, чтобы проснуться, чтобы опаматоваться, чтобы опять пріобрѣсти сознаніе самой себя и божественныхъ принциповъ, которые были отъ вѣка заложены Богомъ въ ея лонѣ и которые составляютъ ея настоящую сущность. Такова социалистическая часть, социалистическій характеръ этой теоріи. Взаимоотношенія людей съ людьми и каждаго человѣческаго индивидуума со всѣми остальными, однимъ словомъ социальная жизнь, являются въ этой теоріи лишь необходимымъ средствомъ развитія, лишь переходнымъ мостомъ, а не цѣлью; абсолютная и послѣдняя цѣль для каждаго индивидуума это онъ самъ, помимо всѣхъ другихъ человѣческихъ индивидуумовъ; это онъ самъ, передъ лицомъ абсолютной индивидуальности, передъ

Богомъ. Человѣкъ нуждается въ людяхъ, чтобы выйти изъ своего земного уничтоженія, чтобы найти самого себя, чтобы вновь ухватить свою безсмертную сущность, но разъ онъ ее нашелъ, то, черпая отнынѣ жизнь лишь въ себѣ самомъ, онъ оборачивается къ нимъ спиной и остается погруженнымъ въ созерцаніе таинственной нелѣпности, въ поклоненіе своему Богу.

Если онъ сохраняетъ тогда еще нѣкоторыя отношенія съ людьми, то не въ силу моральной потребности, не въ силу любви къ нимъ, потому что любить только то, въ чемъ нуждаются и что въ васъ нуждается, а человѣкъ, нашедшій свою безконечную и безсмертную сущность, самодовлѣющій въ себѣ самомъ, не нуждается ни въ комъ, не нуждается даже въ Богѣ, который благодаря тайнѣ, понимаемой одними метафизиками, обладаетъ, какъ оказывается, безконечностью болѣе безконечной и безсмертіемъ болѣе безсмертнымъ, чѣмъ безконечность и безсмертіе людей. Поддерживаемый отнынѣ божественными всезнаніемъ и всемогуществомъ, индивидуумъ сосредоточенный и свободный въ себѣ самомъ, не можетъ болѣе имѣть потребности въ другихъ людяхъ. Итакъ если онъ продолжаетъ еще сохранять съ ними отношенія, то на это могутъ быть только два основанія.

Во первыхъ, потому что покуда онъ отягощенъ своимъ смертнымъ тѣломъ, ему надобно ѣсть, пить, покрываться, защищаться какъ противъ внѣшней природы, такъ и противъ нападеній людей, а если онъ человѣкъ цивилизованный, то онъ нуждается въ множествѣ матеріальныхъ вещей, составляющихъ комфортъ, благоустройство, роскошь и изъ которыхъ многія, неизвѣстныя нашимъ отцамъ, теперь всѣми признаются предметами первой необходимости. Конечно, онъ прекрасно могъ бы послѣдовать примѣру святыхъ прошлыхъ вѣковъ и, уединясь въ какой нибудь пещерѣ, питаться кореньями. Но, какъ кажется, это не по вкусу современнымъ святымъ, думающимъ очевидно, что матеріальный комфортъ необходимъ для спасенія души. Итакъ онъ нуждается во всѣхъ этихъ вещахъ, но всѣ эти вещи могутъ быть произведены лишь коллективнымъ трудомъ людей: изолированный трудъ

одного человѣка былъ бы неспособенъ произвести даже ихъ миллионную долю.

Откуда вытекаетъ, что индивидуумъ, обладающій безсмертной душой и внутренней, независимой отъ общества свободой, современный святой, *материально* нуждается въ этомъ самомъ обществѣ, въ которомъ онъ, съ точки зрѣнія моральной, не имѣетъ никакой нужды.

Но такое названіе надо дать отношеніямъ, которыя будучи мотивированы исключительно матеріальными нуждами, не являются въ же время поддержанными и освященными какойнибудь моральной надобностью? Очевидно только одно: *эксплуатація*. И въ самомъ дѣлѣ въ метафизической морали и въ буржуазномъ обществѣ, имѣющимъ, какъ извѣстно, въ своемъ основаніи эту мораль, каждый индивидуумъ необходимо дѣлается эксплуататоромъ общества, т. е. всѣхъ, а Государство, въ своихъ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ теократическаго Государства и самой абсолютной Монархіи, до самой демократической Республики, основанной на самомъ широкомъ всеобщемъ избирательномъ правѣ, является ничѣмъ инымъ, какъ регуляторомъ и гарантіей этой обоюдной эксплуатаціи.

Въ буржуазномъ обществѣ, основанномъ на метафизической морали, каждый индивидуумъ, въ силу логической необходимости, вытекающей изъ его положенія, является эксплуататоромъ другихъ, ибо онъ *материально* нуждается во всѣхъ и ни въ комъ не нуждается *морально*. Итакъ каждый, избѣгая социальной солидарности, какъ помѣхи для полной свободы его души, но ища ее, какъ необходимое средство для поддержки своего тѣла, разсматриваетъ ее лишь съ точки зрѣнія личной, матеріальной пользы и отъ себя приносить ей, даетъ ей лишь то, что необходимо нужно принести, чтобы имѣть не право, но возможность обезпечить для себя эту пользу. Каждый, однимъ словомъ относится къ ней, какъ эксплуататоръ. Но, когда всѣ являются одинаково эксплуататорами, то неизбежныя будутъ счастливы, а другіе несчастны, ибо всякая эксплуатація предполагаетъ эксплуатируемыхъ. Итакъ существуютъ эксплуататоры, являющіеся таковыми какъ въ возможности, такъ и въ дѣйствительности; и существуютъ другіе, большинство, народъ

являющіеся эксплуататорами лишь въ возможности, лишь въ желаніи, но не въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности они вѣчно эксплуатируемы. Итакъ вотъ къ чему приходитъ, въ соціальной экономіи, метафизическая или буржуазная мораль; къ непрерывной и беспощадной войнѣ между всѣми индивидуумами къ ожесточенной войнѣ, гдѣ погибаетъ большинство, чтобы обезпечить торжество и благоденствіе малаго числа.

Вторая причина, могущая заставить дошедшаго до полного обладанія самимъ собой, индивидуума, сохранять отношенія съ другими людьми, это желаніе быть угоднымъ Богу и обязанность исполнять его вторую заповѣдь; первой является обязанность любить Бога болѣе чѣмъ самого себя, а второй—любить людей, своихъ ближнихъ, такъ же какъ себя, и дѣлаетъ имъ, *ради любви къ Богу*, все добро, которое они желаютъ, чтобы имъ дѣлали.

Замѣтимъ эти слова: „*ради любви къ Богу*“; они превосходно выражаютъ характеръ единственной, возможной при метафизической морали, человѣческой любви, заключающейся именно въ томъ, чтобы не любить людей ради нихъ самихъ, по собственной потребности, но единственно лишь съ цѣлью быть угоднымъ всевышнему господину. Впрочемъ, такъ и должно быть; ибо, разъ метафизика допускаетъ существованіе Бога и отношенія человѣка къ Богу, то она должна, подобно теологіи, подчинить имъ человѣческія отношенія. Идея Бога поглощаетъ, уничтожаетъ все, что не есть Богъ, замѣщая всѣ человѣческія и земныя реальности божественными фикціями.

При метафизической морали, какъ я уже сказалъ, человѣкъ, дошедшій до сознанія своей безсмертной души и индивидуальной свободы передъ Богомъ и въ Богѣ, не можетъ любить людей, ибо морально онъ въ нихъ болѣе не нуждается, и потому что, какъ я еще прибавилъ, можно любить лишь то, что въ васъ нуждается.

Если вѣрить теологамъ и метафизикамъ, первое условіе превосходно выполняется въ отношеніяхъ человѣка къ Богу, ибо они утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ обойтись безъ Бога. Итакъ человѣкъ мо-

жетъ и долженъ любить Бога, ибо онъ въ немъ нуждается. Что касается до второго условія, до возможности любить только то, что нуждается въ этой любви, то условіе это не выполнено въ отношеніяхъ между человѣкомъ и Богомъ. Было бы нечестіемъ сказать, что Богъ нуждается въ любви людей. Ибо нуждаться въ чемъ либо, значитъ терпѣть недостатокъ въ вещи, необходимой для полноты существованія, значитъ это является проявленіемъ слабости, сознаниемъ въ бѣдности. Богъ, абсолютно самодовлѣющей самому себѣ, не можетъ нуждаться ни въ комъ и ни въ чемъ. Не имѣя никакой нужды въ любви людей, онъ не можетъ ихъ любить; и то, что называется его любовью къ людямъ, является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютнымъ гнетомъ, подобнымъ и, естественно, еще болѣе сильнымъ, чѣмъ нынѣшній гнетъ Германскаго Императора на своихъ подданныхъ. Любовь людей къ Богу очень напоминаетъ также любовь нѣмцевъ къ этому монарху, сдѣлавшемуся теперь столь могущественнымъ, что послѣ Бога, мы не знаемъ большаго могущества.

Истинная, реальная любовь, выраженіе обоюдной и равной потребности, можетъ существовать только между равными. Любовь высшаго къ низшему, это гнетъ, угнѣшеніе, презрѣніе, это эгоизмъ, гордость и тщеславіе, торжествующіе въ чувствѣ величія, основаннаго на униженіи другого. Любовь низшаго къ высшему, это униженіе, страхъ и надежда раба, который ждетъ отъ своего господина счастья или несчастья.

Таковъ характеръ пресловутой любви Бога къ людямъ и людей къ Богу. Это деспотизмъ одного и рабство другихъ.

Что же значать эти слова: любить людей и дѣлать имъ добро, ради любви къ Богу? Это значитъ обращаться съ ними такъ, какъ Богъ хочетъ, чтобы съ ними обращались; а какъ же онъ хочетъ, чтобы съ ними обращались? Какъ съ рабами. Богъ, по природѣ своей, не можетъ обращаться съ ними иначе. Будучи самъ абсолютнымъ Господиномъ, онъ принужденъ разсматривать ихъ, какъ абсолютныхъ рабовъ; разсматривая ихъ, какъ таковыхъ, онъ не можетъ не обращаться съ ними, какъ съ таковыми. Чтобы освободить ихъ у него есть только одно средство, это самоотречься,

уничтожиться и исчезнуть. Но это слишком большое требованіе даже для его всемогущества. Чтобы согласить странную любовь, чувствуемую имъ къ людямъ съ его вѣчной, не менѣ странной, справедливостью, онъ можетъ, какъ намъ рассказываетъ Евангеліе, пожертвовать своимъ единственнымъ сыномъ; но самоотречься, убить самого себя изъ за любви къ людямъ, этого онъ никогда не сдѣлаетъ, развѣ только вынужденный научной критикой. Покуда легковѣрная фантазія людей будетъ позволять ему существовать, онъ всегда будетъ абсолютнымъ господиномъ, Владыкой надъ рабами. Итакъ, очевидно, что обращаться съ людьми, сообразно съ волей Бога, это значитъ обращаться съ ними, какъ съ рабами. Любовь къ людямъ по Богу, это любовь ихъ рабства. Я, всецѣльный и безсмертный, по Божьей милости, индивидуумъ, чувствующій себя свободнымъ, именно въ качествѣ раба Бога, я не нуждаюсь ни въ одномъ человѣкѣ, чтобы сдѣлать болѣе полнымъ свое счастье и свои интеллектуальное и моральное существованія, но я сохраняю отношенія съ ними, чтобы повиноваться Богу, и любя ихъ ради любви къ Богу, обращаясь съ ними сообразно волѣ Бога, я хочу чтобы они были рабами Божьими, какъ и я самъ. Итакъ, если всевышнему Владыкѣ будетъ угодно избрать меня, чтобы приводить въ исполненіе на землѣ его святую волю, я счѣмъ ихъ къ этому заставить. Таковъ истинный характеръ того, что искренніе и серьезные поклонники Бога называютъ своей любовью къ людямъ. Это не столько самоотверженность тѣхъ, кто любитъ, сколько вынужденное самопожертвованіе тѣхъ, которые являются объектами или лучше сказать жертвами этой любви. Это не ихъ освобожденіе, это ихъ порабощеніе ради большей славы Бога. И такимъ то образомъ божественная власть переходитъ во власть челоуѣческую и Церковь становится Государствомъ.

Согласно теоріи, всѣ люди должны бы служить Богу такимъ образомъ. Но, какъ извѣстно, много званныхъ, но мало избранныхъ. И кромѣ того, если бы всѣ были равно способны исполнять это, т. е. если бы всѣ дошли до равной степени моральнаго и интеллектуальнаго совершенства, святости, и свободы въ Богѣ, то самое служеніе это сдѣлалось бы ненужнымъ. Если

оно необходимо, такъ это потому, что огромное большинство человѣческихъ индивидуумовъ не достигли такой степени совершенства, откуда вытекаетъ, что эта невѣжественная и непосвященная масса должна быть любима и управляема сообразно съ волей Бога, т. е. управляема и порабощаема меньшинствомъ святыхъ, которыхъ такимъ или инымъ образомъ Богъ самъ избираетъ и самъ ставитъ въ привилегированное положеніе, дабы дать имъ возможность выполнять эту обязанность *).

*) Въ доброе старое время, когда христіанская вѣра, еще не поколебленная, и представленная главнымъ образомъ римско-католической Церковью, процвѣтала во всемъ своемъ могуществѣ, Богъ не былъ затрудненъ въ способахъ указанія своихъ избранниковъ. Было общепризнано, что всѣ государи, большіе и малые, царствуютъ Божьей милостью, если только они не были отлучены отъ Церкви; дворянство тоже основывало свои привилегіи на благословеніи святой Церкви. Даже протестантизмъ, который могущественно способствовалъ, конечно противъ собственной воли, уничтоженію вѣры, въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи оставилъ христіанскую доктрину нетронутой: „Всѣ власти“ повторялъ онъ со святымъ апостоломъ Павломъ: „отъ Бога“. Протестантизмъ даже усилилъ власть государя, объявляя что она исходитъ непосредственно отъ Бога, не имѣя нужды въ посредничествѣ Церкви и напротивъ подчиняя себѣ эту послѣднюю. Но съ тѣхъ поръ какъ философія послѣдняго вѣка, вмѣстѣ съ буржуазной революціей, навесли вѣрѣ смертельный ударъ и ниспровергли всѣ учрежденія основанныя на вѣрѣ,—доктрина власти возстановляется въ сознаніи людей не безъ труда. Современные государи правда продолжаютъ называть себя царствующими „Божьей милостью“, по эти слова, имѣвшія раньше столь полное жизни, могущественное, реальное значеніе, теперь разсматриваются интеллигентными классами и даже частью народа, какъ старая, банальная фраза, ничего въ сущности не значущая. Наполеонъ III попробовалъ ее обновить, прибавя къ ней эту другую фразу: „и волей народа“, которая будучи прибавлена къ первой или уничтожаетъ ее и сама уничтожается, или означаетъ, что, чего хочетъ народъ, того хочетъ и Богъ. Остается узнать, чего хочетъ народъ, и посредствомъ чего онъ всего вѣрнѣе выражаетъ свою волю. Радикальные демократы воображаютъ, что такой вещь является всегда Собраніе, избранное всеобщимъ голосованіемъ. Другіе, еще болѣе радикальные, присоединяютъ еще *референдумъ*, непосредственно, голосованіе всего народа относительно всякаго сколько нибудь важнаго закона. Всѣ, какъ консерваторы такъ и либералы, умеренные радикалы и крайніе радикалы соглашаются въ томъ пунктѣ, что народъ долженъ быть управляемъ; онъ можетъ самъ выбрать своихъ правителей и господъ, или они могутъ быть поставлены безъ его воли, но во всякомъ случаѣ надо, чтобы онъ

Сакраментальной фразой при управленіи народныхъ массъ, понятно, къ ихъ же добру, къ спасенію ихъ душъ, если не тѣль, являются, какъ въ Государствахъ теократическихъ и аристократическихъ, управляемыхъ святыми и знатными, такъ и въ Государствахъ доктринерскихъ, либеральныхъ, и даже республиканскихъ и основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ, управляемыхъ интеллигентами и богатыми, тѣ же самыя слова: „Все для народа, ничего посредствомъ народа“. Это означаетъ, что святые, знатные, или люди привилегированные по научно развитой образованности или по богатству, всѣ эти люди, гораздо болѣе близкіе, чѣмъ народныя массы, къ идеалу или Богу, какъ говорятъ одни, къ разуму, справедливости и истинной свободѣ, какъ говорятъ другіе, имѣютъ святую и благородную миссію руководить народными массами. Жертвуя своими интересами и пренебрегая собственными дѣлами, они должны посвятить себя счастью ихъ *меньшого брата*, народа. Правленіе не удовольствіе, это тяжелая обязанность: добиваясь его, не стремятся къ удовлетворенію честолюбія, тщеславія или жадности, а лишь къ возможности жертвовать собой ради счастья всѣхъ. Поэтому-то число искателей официальныхъ

имѣлъ правителей и господъ. Лишенный разума, онъ долженъ отдаваться руководству тѣхъ, кто имъ одаренъ.

Между тѣмъ какъ въ прошлые вѣка право на власть наивно оправдывали во имя Бога, теперь его оправдываютъ, доктринерски, во имя разума; уже не священники навшей религіи, а патентованные священники доктринерскаго разума требуютъ власти, и это въ эпоху, когда банкротство того разума становится очевиднымъ. Ибо никогда образованные и ученые люди, и то что называется просвѣщенными классами, не являли зрѣлища такого моральнаго упадка, такой трусости, такого эгоизма и такого полного отсутствія убѣжденій, какъ въ наши дни. По причинѣ крайней трусости, они остались слабоумными, несмотря на всю ихъ ученость, не будучи въ силахъ придумать ничего иного, какъ сохраненіе того, что есть, безумно надѣясь остановить движеніе исторіи грубой силой военной диктатуры, передъ которой сами они позорно распростерлись.

Подобно тому какъ въ прежнее время представители божественнаго разума и авторитета, Церковь и священники слишкомъ ясно связали себя съ экономической эксплуатаціей массъ, что и было главной причиной ихъ паденія, такъ точно и теперь представители чловѣческаго разума и авторитета, Государство, ученые общества и просвѣщенные классы, слишкомъ отождествили себя

ныхъ должностей столь незначительно, поэтому-то короли, министры и большіе и малые чиновники принимаютъ власть только скрѣпя сердце.

Итакъ, вотъ каковы въ обществѣ, построенномъ по теоріи метафизиковъ, два различныхъ и даже противоположныхъ рода отношеній, могущихъ существовать между индивидуумами. Во-первыхъ—эксплуатація, во-вторыхъ—управленіе. Если правда, что управлять значить жертвовать собой для блага управляемыхъ, то это второе отношеніе въ самомъ дѣлѣ въ полномъ противорѣчій съ первымъ, съ отношеніемъ эксплуатаціи. Но объяснимся. Согласно идеальной теоріи, теологической или метафизической, эти слова: *народное благо* не могутъ обозначать земного, временнаго благоденствія народа, что значитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ земной жизни въ сравненіи съ вѣчностью. Итакъ надо управлять массаами, не въ виду грубаго счастья, доставляемаго матеріальными благами на землѣ, а въ виду ихъ вѣчнаго спасенія. Матеріальныя лишенія и страданія могутъ даже быть разсматриваемы, какъ средство воспитанія, ибо доказано, что излишество тѣлесныхъ удовольствій убиваетъ безсмертную душу. Но въ такомъ случаѣ противорѣчіе исчезаетъ: эксплуатировать

съ дѣломъ жестокой и несправедливой эксплуатаціи, чтобы быть въ состояніи сохранить малѣйшую моральную силу, малѣйшій престижъ. Осужденные собственной совѣстью, они чувствуютъ себя разоблаченными, и не имѣютъ другого убѣжища отъ хорошо заслуженнаго, по ихъ собственному сознанию, презрѣнія, какъ свирѣбое доказыванье необходимости организованнаго и вооруженнаго насилія. Организациа, основанная на трехъ отвратительныхъ вещахъ: бюрократіи, полиціи и постоянной арміи, вотъ чѣмъ теперь является Государство, видимое тѣло эксплуатирующаго и доктринерскаго разума привилегированныхъ классовъ.

Противъ этой гнѣющей и умирающей образованности, пробуждается и создается въ народныхъ массахъ новая образованность, молодая, сильная, полная жизни и будущаго, конечно еще не развитая научно, но жаждущая новой науки, освобожденной отъ всѣхъ глупостей метафизики и теологіи. Эта образованность не будетъ имѣть ни патентованныхъ профессоровъ, ни пророковъ, ни священниковъ, но, возгорѣвшись въ каждомъ и во всѣхъ, она не создастъ ни новой Церкви, ни новаго Государства; она уничтожитъ всякій слѣдъ этого проклятаго принципа власти, человѣческой или божеской, и предоставяя полную свободу каждому, она оууществитъ равенство, солидарность и братство человѣческаго рода.

и управлять означает одно и то же; одно дополняетъ другое и служить ему вмѣстѣ средствомъ и цѣлью.

Эксплуатація и управленіе, изъ которыхъ первая даетъ средства управлять и составляетъ необходимую базу, такъ же какъ и цѣль всякаго управленія, которое въ свою очередь гарантируетъ и узаконяетъ возможность эксплуатаціи, являются двумя нераздѣльными сторонами того, что называется политикой. Съ начала исторіи, они составляли собственно реальную жизнь Государствъ: теократическихъ, монархическихъ, аристократическихъ и даже демократическихъ. Въ прежнія времена, до великой революціи въ концѣ XVIII вѣка, ихъ интимная связь была замаскирована религіозными, лояльными и рыцарскими фикціями; но съ тѣхъ поръ какъ грубая рука буржуазіи разорвала это, впрочемъ довольно прозрачное, покрывало, съ тѣхъ поръ какъ революціонный вихрь разсѣялъ всѣ пустыя фантазіи, за которыми Церковь и Государство, теократія, монархія и аристократія могли столь долгое время спокойно совершать всѣ свои постыдныя дѣянія; съ тѣхъ поръ какъ буржуазія, наскучивъ быть наковальной, сдѣлалась въ свою очередь молотомъ; съ тѣхъ поръ, однимъ словомъ, какъ она создала современное Государство, эта фатальная связь сдѣлалась для всѣхъ открытой и неоспоримой истиной.

Эксплуатація это видимое тѣло, а управленіе—душа буржуазнаго режима. И какъ мы только что видѣли, и то и другое, находясь въ столь тѣсной связи, являются какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія, необходимымъ и вѣрнымъ выраженіемъ метафизическаго идеализма, неизбежнымъ слѣдствіемъ буржуазной доктрины, ищущей свободу и моральность индивидуумовъ внѣ соціальной солидарности. Эта доктрина приводитъ къ эксплуататорскому управленію малаго числа счастливыхъ или избранныхъ и къ эксплуатируемому рабству большинства, почти всѣхъ; приводитъ къ отрицанію всякой моральности и всякой свободы.

Указавъ, какимъ образомъ идеализмъ, изшедши изъ нелѣпыхъ идей Бога, безсмертія души, *первичной* свободы индивидуумовъ и ихъ моральности, независимой отъ общества, фатально приводитъ къ освященію рабства и имморальности, я долженъ теперь показать, какъ реальная наука, матеріализмъ и социализмъ,—этотъ второй терминъ являются ничѣмъ инымъ, какъ правильнымъ и полнымъ развитіемъ перваго,—приводятъ съ такой же необходимостью, и именно потому, что они исходятъ изъ матеріальной природы и естественнаго, первобытнаго рабства людей, потому, что чрезъ это они обязаны искать освобожденія людей не внѣ, но именно въ средѣ общества, не противъ него, но посредствомъ его,—къ установленію самой широкой индивидуальной свободы и человѣческой нравственности.

Федерализмъ, Соціализмъ и Антитеологізмъ.

Мотивированное предложеніе центральному комитету „Лиги Мира и Свободы“ отъ М. Бакунина.

Женева.

Господа!

Дѣло, занимающее насъ сегодня, это организовать и окончательно упрочить Лигу Мира и Свободы, взявъ за основаніе принципы, сформулированные предшествовавшимъ распорядительнымъ комитетомъ и принятыя конгрессомъ. Эти принципы составляютъ съ этихъ поръ нашу хартію, обязательное основаніе всѣхъ нашихъ послѣдующихъ работъ. Мы не имѣемъ болѣе права отнять отъ нихъ хотя бы малѣйшую часть; но мы можемъ и даже обязаны ихъ развивать.

Выполненіе этой обязанности представляется въ настоящее время болѣе настоятельнымъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, вышеупомянутые принципы были сформулированы наскоро, подъ гнетомъ тяжелаго женеваго гостепримства... Мы набросили ихъ, такъ сказать, между двумя грезами, принужденные ослаблять свои выраженія, чтобы избѣжать большаго скандала, который бы могъ привести къ совершенному уничтоженію нашего дѣла.

Нынѣ, когда благодаря болѣе искреннему и широкому гостепримству города Берна, мы свободны отъ всякаго мѣстнаго, виѣшняго давленія, мы должны возстановить эти принципы во всей ихъ неприкосновенности, отбросивъ всякую двусмысленность, какъ недостойную насъ, недостойную великаго дѣла, которое мы призваны основать.

Умолчаніе, полуправды, урѣзанные мысли, любовныя смягченія и уступки трусливой дипломатіи, все это непригодно для совершенія великихъ дѣлъ: такія дѣла совершаются лишь съ помощью возвышеннаго сердца, яснаго и твердаго ума, ясно опредѣленной цѣли и великой смѣлости. Господа, мы предприняли великое дѣло, возвысимся до уровня нашего предпріятія. Оно будетъ великимъ или смѣшнымъ, середины не можетъ быть, и чтобы оно было великимъ, необходимо по меньшей мѣрѣ, чтобы мы чрезъ свою смѣлость и искренность явились таковыми.

Не академическій разборъ принциповъ предлагаемъ мы теперь вашему вниманію. Мы не упускаемъ изъ виду, что мы собрались здѣсь, главнымъ образомъ, чтобы намѣтить необходимыя средства и политическія мѣры къ осуществленію нашего дѣла. Но мы знаемъ также, что въ политикѣ не можетъ быть честной и полезной практической дѣятельности безъ ясно-опредѣленной теоріи и руководящей цѣли. Въ противномъ случаѣ, сколь мы ни воодушевлены самыми широкими и свободолобивыми чувствами, мы могли бы прійти къ практикѣ, совершенно противоположной этимъ чувствамъ; мы могли бы начать съ *республиканскими, демократическими и социалистическими убѣжденіями, а кончить какъ Бисмаркіанцы или какъ Бапапартисты.

Сегодня мы должны сдѣлать три вещи:

- 1) Установить условія и элементы новаго Конгреса.
- 2) Организовать нашу Лигу, насколько это будетъ возможно, во всѣхъ странахъ Европы; распространить ее даже, и это намъ кажется существеннымъ, на Америку, и учредить во всякой странѣ національные комитеты и провинціальныя подкомитеты, предоставивъ каждому изъ нихъ всю законную, необходимую автономію, и подчинивъ ихъ всѣхъ іерархически центральному комитету въ Бернѣ. Дать этимъ комитетамъ полномочія и необходимыя инструкціи для пропаганды и принятія новыхъ членовъ.

- 3) Въ виду этой пропаганды, основать газету.

Не очевидно ли, что для того чтобы хорошо выполнить эти три вещи, мы должны предварительно установить принципы, которые бы опредѣлили, уже безъ всякой двусмысленности, природу и цѣль Лиги. Эти

принципы съ одной стороны вдохновлять и направлять нашу, какъ письменную, такъ и словесную пропаганду, а съ другой стороны послужать условиями и основаніемъ для принятія новыхъ членовъ. Послѣдній пунктъ, господа, кажется намъ чрезвычайно важнымъ. Ибо вся будущность нашей Лиги будетъ зависѣть отъ идей, склонностей и какъ политическихъ и социальныхъ, такъ и экономическихъ и моральныхъ тенденцій массы новоприходящихъ, для которыхъ мы откроемъ наши ряды. Образую собой учрежденіе въ высшей мѣрѣ демократическое, мы не претендуемъ управлять сверху нашимъ народомъ, т. е. массой нашихъ сторонниковъ; и какъ только наше общество правильно устроится, мы не позволимъ себѣ болѣе навязывать ему авторитетъ нашихъ мыслей. Напротивъ того, мы хотимъ, чтобы всѣ наши провинціальныя подкомитеты и національныя комитеты, и даже самъ центральный или интернаціональный комитетъ, были избираемы съ низу до верху голосованіемъ нашихъ приверженцевъ изъ всѣхъ странъ, и такимъ образомъ сдѣлались вѣрнымъ и послушнымъ выраженіемъ ихъ чувствъ, ихъ идей и ихъ воли. Но нынѣ, именно потому что мы рѣшились подчиняться во всемъ, что будетъ касаться общей дѣятельности Лиги, желаніемъ большинства, нынѣ, что мы находимся еще въ маломъ числѣ, не должны ли мы, если мы не хотимъ, чтобы наша Лига когда либо уклонилась отъ своей первоначальной идеи и отъ направленія, приданнаго ей ея инициаторами, не должны ли мы принять мѣры, чтобы никто, имѣющій тенденціи, противоположныя этой идеѣ и этому направленію, не могъ сдѣлаться ея членомъ?

Не должны ли мы организовать такимъ образомъ, чтобы огромное большинство нашихъ приверженцевъ оставалось всегда вѣрнымъ воодушевляющимъ насъ сегодня чувствамъ, и установить такія правила принятія членовъ, чтобы даже если личный составъ нашихъ комитетовъ перемѣнился, духъ Лиги остался неизмѣннымъ.

Мы можемъ достигнуть этого не иначе, какъ установивъ и опредѣливъ наши принципы столь ясно, чтобы никто, будучи въ томъ или иномъ отношеніи противъ нихъ, не могъ занять мѣсто въ нашихъ рядахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если мы не будемъ ясно формулировать дѣйствительный характеръ своихъ принциповъ, число нашихъ приверженцевъ можетъ въ послѣдствіи сдѣлаться очень большимъ. Мы могли бы даже въ такомъ случаѣ, какъ намъ предлагалъ делегатъ Базеля, г. Шмидленъ, принять въ наши ряды много военныхъ и священниковъ, почему же не полицейскихъ?—или по примѣру Лиги Мира, основанной въ Парижѣ подъ высокими покровительствомъ императора гг. Мишель Шевалье и Фредерикъ Пасси, умолять нѣкоторыхъ знаменитыхъ прусскихъ, австрійскихъ или русскихъ принцессъ соблаговолить принять званіе почетныхъ членовъ нашей ассоціаціи. Но, какъ говоритъ пословица, кто много беретъ, тотъ плохо держитъ, мы купили бы эти драгоценныя присоединенія лишь цѣной полного самоотреченія, и стали бы среди массы двусмысленностей и фразъ, отравляющихъ въ настоящее время общественное мнѣніе Европы, лишней плохой шуткой и ничѣмъ болѣе.

Съ другой стороны очевидно, что если мы открыто объявимъ свои принципы, число нашихъ приверженцевъ будетъ ограничено, но по крайней мѣрѣ это будутъ серьезные приверженцы, на которыхъ позволительно будетъ разсчитывать,—и наша искренняя, просвѣщенная, серьезная пропаганда будетъ не отравлять, но нравственно оздоравливать публику.

Разсмотримъ же, каковы принципы нашей новой ассоціаціи? Она называется Лигой Мира и Свободы. Это уже много; чрезъ это мы отдѣляемся отъ всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ мира какой угодно цѣной даже цѣной свободы и человѣческаго достоинства. Мы отдѣляемся также и отъ англійскаго общества мира, остающаго въ сторонѣ всякую политику, и воображающаго, что при современномъ устройствѣ Государствъ въ Европѣ возможенъ миръ. Въ противоположность этимъ ультрамирнымъ тенденціямъ парижскаго и англійскаго обществъ, наша Лига объявляетъ, что она вѣритъ въ миръ, что она желаетъ мира лишь подъ непремѣннымъ условіемъ свободы.

Свобода это великое слово, означающее величайшую вещь и которое никогда не перестанетъ воспламенять сердца всѣхъ живыхъ людей. Но оно требуетъ точнаго

опредѣленія. Иначе мы не избѣжимъ двусмысленности и можемъ увидѣть въ нашихъ рядахъ бюрократовъ-сторонниковъ гражданской свободы, монархистовъ-конституционалистовъ, либеральныхъ аристократовъ и буржуа, которые всѣ болѣе или менѣе враждебны демократіи. Они составятъ у насъ большинство подѣ предложенью, что они тоже любятъ свободу.

Чтобы избѣжать послѣдствій этого печальнаго недоразумѣнія, Женевскій Конгрессъ объявилъ, что онъ желаетъ „основать миръ на демократіи и на свободѣ“, откуда вытекаетъ, что для того, чтобы быть членомъ нашей Лиги, надо быть демократомъ. Значитъ исключаются всѣ аристократы, всѣ сторонники какой-нибудь привиллегіи, какой-нибудь монополіи или какой-бы то ни было политической исключительности, ибо слово: демократія означаетъ ничто иное, какъ управление народомъ посредствомъ народа и для народа, понимая подѣ этимъ послѣднимъ наименованіемъ всю массу гражданъ — а въ настоящее время надо прибавить и гражданокъ, — составляющихъ націю.

Въ этомъ смыслѣ мы всѣ конечно демократы.

Но мы должны въ то же время признать, что этотъ терминъ: демократія недостаточенъ для точнаго опредѣленія характера нашей Лиги, и что рассматриваемый въ отдѣльности онъ можетъ, такъ же какъ терминъ: свобода подать поводъ къ двусмысленности. Не видѣли ли мы въ Америкѣ съ начала этого столѣтія, что плантаторы, рабовладѣльцы Юга и всѣ ихъ приверженцы въ Сѣверныхъ Штатахъ, назывались демократами? А современный цезаризмъ со своими авторитетными послѣдствіями, повисшій, какъ ужасная угроза надъ всѣмъ, что называется въ Европѣ человѣчностію, не именуется ли онъ себя тоже демократичнымъ? И даже московскій и санъ-петербургскій имперіализмъ, это Государство безъ фразъ, этотъ идеалъ всѣхъ централизованныхъ военныхъ и бюрократическихъ державъ, не во имя ли демократіи раздавилъ недавно Польшу?

Очевидно, демократія безъ свободы не можетъ служить намъ знаменемъ. Но что такое демократія, основанная на свободѣ, если не Республика? Соединеніе свободы съ привиллегіями создаетъ монархическій кон-

ституціонный режимъ, но его соединеніе съ демократіей можетъ осуществиться лишь въ *Республикѣ*. Въ мѣрахъ осторожности, которыхъ мы не одобряемъ, Женевскій Конгрессъ напелъ нужнымъ воздержаться въ своихъ резолюціяхъ отъ произнесенія слова республика. Но, объявляя свое желаніе „основать миръ на демократіи и свободѣ“, онъ невольно выставилъ себя республиканцемъ. Итакъ наша Лига должна быть въ одно время демократической и республиканской.

И мы думаемъ, господа, что всѣ мы здѣсь республиканцы въ томъ смыслѣ, что влекомые безпощадной логической послѣдовательностью, предостерегаемые столь же спасительными, какъ и жестокими уроками исторіи, всѣми опытами прошлаго и въ особенности событіями, которые омрачили Европу съ 1848 года и тѣми опасностями, которыя и теперь ей еще угрожаютъ, мы всѣ равно пришли къ одному убѣжденію: что монархическія учрежденія несогласимы съ царствомъ мира, справедливости и свободы.

Что касается до насъ, господа, то мы, какъ русскіе социалисты и какъ славяне, считаемъ своей обязанностью открыто заявить, что для насъ слово: республика не имѣетъ другой цѣны, кромѣ цѣны *чисто отрицательной*: оно означаетъ разрушеніе, уничтоженіе монархіи. Слово это не только не способно насъ воспламенить, но, напротивъ того, всякій разъ, какъ намъ выставляютъ республику, какъ положительное, серьезное разрѣшеніе всѣхъ злободневныхъ вопросовъ, какъ высшую цѣль, къ достиженію которой должны направляться наши усилія, мы испытываемъ потребность протестовать.

Отъ всего нашего сердца мы ненавидимъ монархію; мы ничего такъ не желаемъ, какъ видѣть ея паденіе во всей Европѣ и во всемъ мірѣ, и мы убѣждены, какъ и вы, что ея уничтоженіе есть условіе *sine qua non* освобожденія челоуѣчества. Съ этой точки зрѣнія мы искренніе республиканцы. Но мы не думаемъ, что достаточно разрушенія монархіи, чтобы освободить народы и дать имъ миръ и справедливость. Напротивъ того мы твердо убѣждены, что крупная, военная, бюрократическая, политически централизованная республика можетъ и необходимо должна стать во внѣшней поли-

тикѣ завоевательной державой, внутри притѣснительной, и что она будетъ неспособна обезпечить своимъ подданнымъ, даже если тѣ будутъ называться гражданами, благоденствіе и свободу. Развѣ мы не видѣли великую французскую націю, два раза объявляющей себя демократической республикой, и оба раза теряющей свою свободу и дающей себя увлечь къ завоевательнымъ войнамъ?

Приищемъ ли мы, подобно многимъ другимъ, эти плачевныя паденія легкомысленному темпераменту и историческимъ дисциплинарнымъ привычкамъ французскаго народа, который, какъ утверждаютъ его клеветники, очень способенъ завоевать свободу внезапнымъ порывомъ, но не умѣетъ пользоваться ею и проводить ее на практикѣ?

Намъ невозможно, господа, присоединиться къ этому осужденію цѣлаго народа, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы. Мы убѣждены, что если два раза подрядъ, Франція потеряла свободу и видѣла превращеніе своей демократической республики въ диктатуру и въ демократію военную, то вина въ этомъ падаетъ не на характеръ народа, но на его политическую централизацію. Централизація эта, издавна подготовленная французскими королями и государственными людьми, воплощенная позже въ челоуѣкѣ, названномъ любезной придворной риторикой Великимъ Королемъ, потомъ втолкнутая въ бездну позорными дѣяніями престарѣлой монархіи, конечно погибла бы въ грязи, если бы Революція не подняла ее своей могучей рукой. Да, странная вещь: эта великая революція, провозгласившая въ первый разъ въ исторіи свободу не только гражданина, но челоуѣка,—сдѣлала себя наслѣдницей монархіи, которую она убивала, и воскресила это отрицаніе всей свободы: централизацію и всемогущество Государства.

Вновь созданная Учредительнымъ Собраніемъ, оспариваемая, правда, но съ малымъ успѣхомъ Жирондистами, эта централизація была довершена Національнымъ Конвентомъ. Робеспьеръ и Сенъ Жюсть были ея истинными возстановителями: ничто не было забыто въ новой правительственной машинѣ, ни даже Верховное Существо вмѣстѣ съ религіей Государства. Она

ожидала лишь ловкаго машиниста, чтобы явить удивленному міру все могущество притѣсненія, которымъ ее одарили неосторожно устроители... и Наполеонъ явился. Итакъ эта революція, которая вначалѣ была воодушевлена лишь любовью къ свободѣ и человѣчности, однимъ тѣмъ, что повѣрила въ возможность примиренія ихъ съ централизаціей Государства, убила себя, убила ихъ и не породила ничего, кромѣ военной диктатуры, Цезаризма.

Но очевидно ли, господа, что для того, чтобы спасти въ Европѣ свободу и миръ, мы должны противопоставить этой чудовищной и гнетущей централизаціи военныхъ, бюрократическихъ, деспотическихъ, монархическихъ, конституціонныхъ или даже республиканскихъ Государствъ, великій, спасительный принципъ Федерализма,—принципъ, чье блистательное проявленіе явили намъ между прочимъ послѣднія событія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Съ этихъ поръ, для всѣхъ истинно желающихъ освобожденія Европы, должно быть ясно, что сохраняя всѣ свои симпатіи къ великимъ социалистическимъ и гуманнымъ идеямъ, провозглашеннымъ Французской Революціей, мы должны отбросить ее политику Государства и рѣшительнымъ образомъ воспринять сѣверо-американскую политику свободы.

I.

Федерализмъ.

Мы счастливы возможностью объявить, что этотъ принципъ былъ единогласно провозглашенъ на Женевскомъ Конгрессѣ. Сама Швейцарія, которая, къ слову сказать, примѣняетъ такъ удачно этотъ принципъ на практикѣ, присоединилась къ нему безъ всякаго ограниченія и приняла его во всей широтѣ его послѣдствій. Къ несчастью, въ резолюціяхъ конгресса, этотъ принципъ былъ очень плохо формулированъ и даже былъ провозглашенъ лишь косвеннымъ образомъ, во первыхъ по поводу Лиги, которую мы должны осно-

вать, и ниже по поводу журнала, который мы должны издавать подъ заглавiемъ: „Соединенные Штаты Европы“. Между тѣмъ, по нашему мнѣнiю, онъ долженъ бы занимать первое мѣсто въ нашей деклараціи принциповъ.

Это очень печальный пропускъ, который мы должны поспѣшить заполнить. Согласно съ единогласнымъ рѣшенiемъ Женевскаго Конгресса, мы должны превозгласить:

1) Что для того, чтобы доставить торжество свободѣ, справедливости и миру въ международныхъ отношенiяхъ Европы, для того, чтобы сдѣлать невозможною гражданскую войну между различными народамъ, составляющими европейскую семью, есть только одно средство: образованіе Соединенныхъ Штатовъ Европы.

2) Что Штаты Европы не будутъ въ состоянiи образоваться изъ Государствъ въ томъ видѣ, какъ они теперь, по причинѣ чудовищнаго неравенства между ихъ относительными силами.

3) Что примѣръ покойной Германской конфедераціи доказалъ неоспоримымъ образомъ, что конфедерація монархiй является насмѣшкой; что она безсильна гарантировать населенiямъ какъ миръ, такъ и свободу.

4) Что ни одно централизованное, бюрократическое и тѣмъ самымъ военное, государство, даже если бы оно называло себя республиканскимъ не сможетъ серьезнымъ и искреннимъ образомъ войти въ интернаціональную конфедерацію. По своей конституціи, которая всегда будетъ открытымъ или замаскированнымъ отрицанiемъ свободы внутри, оно необходимо будетъ постояннымъ вызовомъ къ войнѣ, постоянной угрозой существованiю сосѣднихъ странъ. Основанное существованiемъ на предшествующемъ актѣ насилiя, завоеванiя или того, что называется въ частной жизни, воровствомъ со взломомъ,—актѣ, благословенномъ Церковью какой-нибудь религiи, освященномъ временемъ и чрезъ все это обратившемся въ историческое право,—и опираясь на это божеское освященiе торжествующаго насилiя, какъ на исключительное и высшее право, всякое централизованное Государство тѣмъ самымъ полагаетъ себя, какъ абсолютное отрицанiе правъ всѣхъ другихъ Государствъ, не признавая

ихъ въ заключенныхъ съ ними договорахъ иначе, какъ въ виду политическаго интереса, или по немощности.

5) Что всѣ приверженцы Лиги должны будутъ, слѣдовательно, направить всѣ свои усилія къ переустройству своихъ отечествъ, дабы замѣнить въ нихъ старую организацію, основанную, сверху до низу, на насиліи и принципѣ власти, новой организаціей, не имѣющей другого основанія, какъ интересы, потребности и естественныя влеченія населеній, ни другого принципа, какъ свободная федерація индивидуумовъ въ коммуны, коммунъ въ провинціи *), провинцій въ націи, наконецъ этихъ послѣднихъ въ Соединенные Штаты сперва Европы, а затѣмъ всего міра.

6) Слѣдовательно, полнѣйшее уничтоженіе всего, что называется историческимъ правомъ Государствъ;

*) Славный итальянскій патріотъ, Іосифъ Маццини, чей республиканскій идеалъ ничто иное, какъ французская республика 1793 года, переплавленная въ поэтическихъ традиціяхъ Данте и въ властолюбивыхъ воспоминаніяхъ властелина земли Рима, потомъ пересмотрѣнная и исправленная съ точки зрѣнія новой теологіи, на половину раціональной, на половину мистичной,—этотъ замѣчательный патріотъ, властелъ бивый, страстный и всегда исключительный, несмотря на всѣ сдѣланныя имъ усилія, чтобы подняться до уровня международной справедливости, патріотъ, который всегда предпочиталъ величіе и могущество своего отечества его благоденствію и свободѣ,—Маццини былъ всегда ожесточеннымъ противникомъ автономіи провинцій, которая естественно мѣшала бы строгому единообразію его великаго итальянскаго Государства. Онъ утверждаетъ, что для противовѣса всемогуществу прочно устроенной республики достаточна автономія коммунъ. Онъ ошибается: ни одна коммуна, взятая въ отдѣльности, не будетъ въ состояніи противостоять могуществу этой громадной централизаціи; она будетъ раздавлена. Для того, чтобы выдержать эту борьбу, она должна бы соединиться, въ виду общей самозащиты, съ сосѣдними коммунами, т. е. она бы должна образовать вмѣстѣ съ ними автономную провинцію. Кромѣ того, разъ провинція не будетъ автономна, управленіе ими надо будетъ поручать ставленникамъ Государства. Нѣтъ середины между строго послѣдовательнымъ федерализмомъ и бюрократическимъ режимомъ. Откуда вытекаетъ, что республика, къ которой стремится Маццини, была бы Государствомъ бюрократическимъ и слѣдовательно военнымъ, основаннымъ въ виду внѣшняго могущества, а не международной справедливости и внутренней свободы. Въ 1793 году, подъ правленіемъ Террора, коммуны Франціи были признаны автономными, что не помѣшало имъ быть раздавленными революционнымъ деспотизмомъ Конвента или, лучше сказать, Парижской Коммуны, естественнымъ наслѣдникомъ которой явился Наполеонъ.

вопросы о естественныхъ, политическихъ, стратегическихъ и торговыхъ границахъ должны считаться съ этихъ поръ принадлежащими къ древней исторіи и энергично отбрасываться всѣми приверженцами Лиги.

7) Признаніе абсолютнаго права къ полной автономіи за всякой націей, большой или малой, за всякимъ народомъ, слабымъ или сильнымъ, за всякой провинціей, за всякой коммуной, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы внутреннее устройство одной изъ перечисленныхъ единицъ не являлось бы угрозой и опасностью для автономіи и свободы сосѣднихъ земель.

8) Изъ того обстоятельства, что какая-либо страна составляетъ часть какого-нибудь Государства, для нея не вытекаетъ никакого обязательства, даже если она присоединилась добровольно, оставаться всегда неразрывной съ нимъ. Никакое вѣчное обязательство не можетъ быть допущено человѣческой справедливостью, единственной, съ которой мы можемъ считаться, и мы никогда не признаемъ другихъ правъ или другихъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которые основаны на справедливости. Право свободнаго соединенія, и равно свободнаго разрыва есть первое и самое важное изъ всѣхъ политическихъ правъ; это право, безъ котораго конфедерация всегда будетъ лишь замаскированной централизацией.

9) Изъ всего предшествующаго вытекаетъ, что Лига должна открыто осудить всякій союзъ той или иной части европейской демократіи съ монархическими Государствами, даже если бы этотъ союзъ имѣлъ цѣлью возвратить независимость или свободу угнетенной странѣ;—ибо такой, могущій привести лишь къ разочарованіямъ, союзъ былъ бы въ то же время измѣной дѣлу революціи.

10) Въ противоположность этому Лига, именно потому что она Лига мира, потому что она убѣждена, что миръ не можетъ быть завоеванъ и основанъ иначе, какъ на самой тѣсной и полной солидарности народовъ на началахъ справедливости и свободы, должна громогласно провозгласить свое сочувствіе каждому народному возстанію противъ всякаго, какъ иностраннаго, такъ и внутренняго притѣсненія, лишь бы это возстаніе было сдѣлано во имя нашихъ принциповъ и

въ политическихъ и экономическихъ интересахъ народныхъ массъ, а не съ властолюбивымъ намѣреніемъ основать могущественное Государство.

11) Лига будетъ вести ожесточенную войну со всѣмъ, что называется славой, величіемъ и могуществомъ Государствъ. Всѣмъ этимъ, ложнымъ и вредоноснымъ идоламъ, которымъ были принесены въ жертву милліоны людей, мы противопоставимъ славу чело-вѣческаго разума, обнаруживающагося въ наукѣ, и идеалъ всемірнаго благоденствія, основаннаго на трудѣ, справедливости и свободѣ.

12) Лига признаетъ національности, какъ естественный фактъ, имѣющій безспорное право на существованіе и свободное развитіе, но не какъ принципъ, — ибо всякій принципъ долженъ обладать характеромъ универсальности, а національность напротивъ того является лишь отдѣльнымъ, исключительнымъ фактомъ. Такъ называемый національный принципъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ поставленъ въ наши дни правительствами Франціи, Россіи и Пруссіи и даже многими нѣмецкими, польскими, итальянскими и венгерскими патриотами является лишь дѣтищемъ реакціи, противоположнымъ духу революціи: принципъ въ высшей степени аристократическій въ своей сущности, доходящій до презрѣнія къ языкамъ народовъ, не имѣющихъ литературы, отрицающій по своему существу свободу провинцій и реальную автономію коммунъ, и поддерживаемый во всѣхъ странахъ не народными массами, чьими реальными интересами онъ систематически жертвуетъ ради такъ называемаго общаго блага, которое всегда является лишь благомъ привилегированныхъ классовъ, — этотъ принципъ не выражаетъ ничего другого, кромѣ пресловутыхъ историческихъ правъ и властолюбія Государствъ. Итакъ права національностей будутъ всегда разсматриваться Лигой лишь какъ естественное слѣдствіе, вытекающее изъ высшаго принципа свободы, и національное право будетъ переставать считаться таковымъ, какъ только оно ставитъ себя противъ свободы или даже только внѣ свободы.

13) Единство есть цѣль, къ которой непреоборимо стремится чело-вѣчество. Но эта цѣль становится фа-

тальной, она становится разрушителем просвѣщенія, достоинства и благоденствія индивидуумовъ и народовъ, всякій разъ какъ единство стремится образоваться помимо свободы, посредствомъ ли насилія или посредствомъ авторитета какой-либо теологической, метафизической, политической или даже экономической идеи. Патріотизмъ, стремящійся къ единству, помимо свободы является дурнымъ патріотизмомъ. Онъ всегда зловреденъ для дѣйствительныхъ, народныхъ интересовъ страны, которую онъ хочетъ возвысить и облагодѣлствовать, часто помимо воли дружественной реакціи, враждебной революціи, т. е. освобожденію народовъ и людей. Лига можетъ признавать лишь одно единство: то, которое свободно образуется черезъ федерацію автономныхъ частей въ одно цѣлое, такъ что это послѣднее перестанетъ быть отрицаніемъ частныхъ правъ и интересовъ, перестанетъ быть кладбищемъ, гдѣ насильственно погребаются все мѣстныя благополучія, а напротивъ того станетъ подтвержденіемъ и источникомъ всѣхъ этихъ автономій и благополучій. Итакъ Лига будетъ всѣми силами бороться противъ всякой религіозной, политической, экономической и соціальной организаціи, которая не будетъ всецѣло проникнута этимъ великимъ принципомъ свободы: безъ него нѣтъ ни просвѣщенія, ни справедливости, ни благоденствія, ни челоуѣчности.

Таковы, господа, по нашему и безъ сомнѣнія также по вашему мнѣнію, необходимыя слѣдствія и распространенія великаго принципа Федерализма, громкоглаво провозглашеннаго Женевскимъ Конгрессомъ. Таковы необходимыя условія мира и свободы.

Необходимыя, да—но единственныя ли?—Мы этого не думаемъ.

Штаты Юга въ великой республиканской конфедераціи Сѣверной Америки, были, съ провозглашенія независимости республиканскихъ Штатовъ, демократичными по преимуществу *) и проникнутыми федератив-

*) Какъ извѣстно, въ Америкѣ приверженцы интересовъ Юга противъ Сѣвера, т. е. рабства противъ освобожденія рабовъ, называютъ себя демократами.

нымъ духомъ до желанія идти на разрывъ. И все же они въ послѣднее время навлекли на себя осужденіе всѣхъ въ мірѣ сторонниковъ свободы и человѣчности, и своей несправедливой и святотатственной войной противъ республиканскихъ Штатовъ Сѣвера чуть было не разрушили и не уничтожили самую лучшую политическую организацію изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ въ исторіи. Въ чемъ причина такого страннаго факта? Въ политическомъ ли устройствѣ? Нѣтъ, она всецѣло въ устройствѣ *соціально*. Внутреннее политическое устройство Штатовъ Юга являлось даже, во многихъ отношеніяхъ, болѣе совершеннымъ, болѣе всецѣло свободнымъ, чѣмъ устройство Штатовъ Сѣвера. Только въ этомъ великолѣпномъ устройствѣ было одно пятно, какъ и въ древнихъ республикахъ: свобода гражданъ была основана на насильственномъ трудѣ рабовъ. Достаточно было этого пятна, чтобы перевернуть все политическое устройство этихъ Государствъ.

Граждане и рабы—вотъ антагонизмъ, существовавшій въ древнемъ мірѣ и въ рабовладѣльческихъ Государствахъ новаго міра. Граждане и рабы, т. е. принужденные работники, рабы если не по праву, то на дѣлѣ—вотъ антагонизмъ современнаго міра. И подобно тому какъ древнія Государства погибли отъ рабства, такъ современныя Государства погибнуть отъ пролетаріата.

Напрасно старались бы утѣшиться мыслью, что это антагонизмъ скорѣй фиктивный, чѣмъ дѣйствительный, или что невозможно провести демаркаціонную линію между имущими и неимущими классами, такъ какъ эти классы, переходятъ одинъ въ другой посредствомъ множества промежуточныхъ и неуловимыхъ отѣнковъ.

Въ естественномъ мірѣ также не существуетъ демаркаціонныхъ линій; такъ напримѣръ въ восходящей серіи существъ невозможно указать точку, гдѣ кончается растительное и начинается животное царство, гдѣ кончается животное и начинается человѣчность. Тѣмъ не менѣе существуетъ вполне реальное различіе между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человекомъ. Также же точно въ человѣческомъ обще-

ствѣ, несмотря на промежуточные звенья, дѣлающія нечувствительнымъ переходъ отъ одного политическаго и социальнаго положенія къ другому, различіе между классами очень опредѣленно, и всякій сумѣетъ различить родовую аристократію отъ аристократіи денежной, высшую буржуазію отъ мелкой буржуазіи, а эту послѣднюю отъ пролетаріевъ фабрикъ и городовъ; также точно какъ крупнаго землевладѣльца, крестьянина собственника, собственноручно обрабатывающаго землю, наконецъ фермера отъ простаго деревенскаго пролетарія.

Всѣ эти различныя политическія и социальныя положенія вкладываются въ настоящее время въ двѣ главныя категоріи, діаметрально противоположныя, естественно враждебныя другъ другу: политическіе классы, составленныя изъ всѣхъ привилегированныхъ въ отношеніи землевладѣнія капитала или даже лишь буржуазнаго образованія *),—и рабочіе классы, обдѣленные какъ капиталомъ, такъ и землей, и лишеныя всякаго образованія и обученія.

Надо быть софистомъ или слѣпымъ, чтобы отрицать, что бездна раздѣляетъ эти два класса. Подобно тому какъ было въ античномъ мірѣ, наша современная цивилизація обнимаетъ лишь очень ограниченное число привилегированныхъ гражданъ и имѣетъ въ основаніи вынужденный (голодомъ) трудъ громаднаго большинства населенія, фатально обреченнаго невѣжеству и грубости.

Напрасно также старались бы себя увѣрить, что эта бездна можетъ быть наполнена простымъ распространеніемъ просвѣщенія въ народныхъ массахъ. Прекрасное дѣло основывать народныя школы; и однако надо еще спросить себя, можетъ ли человѣкъ изъ народа, живущій изо-дня въ день и питающій свою семью работою своихъ рукъ, лишенный самъ образованія и досуга, и принужденный убивать и отуплять себя рабо-

*) За неимѣніемъ даже какого-либо другаго имущества, это буржуазное воспитаніе, при помощи солидарности, связывающей всѣхъ членовъ буржуазнаго міра, обеспечиваетъ получившему его громадную привилегію въ вознагражденіи за трудъ,—ибо трудъ, самого посредственнаго буржуа оплачивается въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ трудъ самого умнаго рабочаго.

той, чтобы обезпечить своей семьѣ хлѣбъ завтрашняго дня,—надо еще спросить себя, можетъ ли такой человѣкъ имѣть мысль, желанія или даже возможность посылать своихъ дѣтей въ школу и содержать ихъ во время ихъ обученія? Не будетъ ли онъ нуждаться въ помощи ихъ слабыхъ рукъ, ихъ дѣтскаго труда, чтобы заполнить всѣ нужды семьи? Будетъ уже много, если онъ сдѣлаетъ жертву, отдавъ ихъ въ школу на годъ или на два, предоставляя имъ едва необходимое время, чтобы научиться читать, писать, считать и позволить отравить свой умъ и сердце христіанскимъ катехизисомъ, который умѣло и щедро преподносится въ официальныхъ, народныхъ школахъ всѣхъ странъ. Будетъ ли это скудное обученіе когда либо въ состояніи поднять рабочія массы до уровня буржуазнаго образованія? Будетъ ли когда-нибудь заполнена бездна?

Очевидно что этотъ, столь важный вопросъ народнаго образованія и воспитанія зависитъ отъ разрѣшенія другого гораздо болѣе труднаго вопроса о радикальной реформѣ въ нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ рабочихъ классовъ.—Возвысьте условія труда, отдайте труду все, что по справедливости принадлежитъ труду, и тѣмъ самымъ дайте народу безопасность, благоденствіе, досугъ, и тогда, повѣрьте, онъ образуется, онъ создастъ цивилизацію болѣе широкую, здоровую, возвышенную, чѣмъ ваша.

Напрасно также сказали бы вмѣстѣ съ экономистами, что улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ классовъ зависитъ отъ общаго прогресса промышленности и торговли въ каждой семьѣ и отъ ихъ окончательнаго освобожденія отъ контроля и покровительства Государствъ. Свобода промышленности и торговли является конечно великою вещью и однимъ изъ существенныхъ основаній международнаго союза всѣхъ народовъ міра. Но съ другой стороны мы должны признать, что покуда будутъ существовать современные Государства, покуда трудъ будетъ въ крѣпостной зависимости у собственности и капитала, эта свобода, обогащая ничтожную часть народа, а именно буржуазію, во вредъ огромному большинству населенія, породитъ лишь одно благо: энервированье и полную деморализацію малаго числа привилегированныхъ; увели-

ченіе нищеты, обидъ и справедливаго негодованія рабочихъ массъ, и тѣмъ самымъ приближеніе часа уничтоженія Государствъ.

Англія, Бельгія, Франція и Германія являются несомиѣнно европейскими странами, гдѣ торговля и промышленность пользуются сравнительно наибольшей свободой и достигли наибольшаго развитія. И это именно тѣ самыя страны, гдѣ пауперизмъ чувствуется наиболѣе жестокимъ образомъ, гдѣ бездна между собственниками и капиталистами съ одной стороны и рабочими классами съ другой, расширилась до степени, неизвѣстной другимъ странамъ. Въ Россіи, въ скандинавскихъ странахъ, въ Италіи, въ Испаніи, вездѣ гдѣ торговля и промышленность мало развились, люди рѣдко умираютъ съ голода, развѣ только по случаю какой-либо необычайной катастрофы. Въ Англи голодная смерть ежедневный фактъ. И не только отдѣльныя единицы, нѣтъ тысячи, десятки, сотни тысячъ умираютъ такимъ образомъ. Не очевидно ли, что при томъ экономическомъ положеніи, которое царитъ въ настоящее время во всемъ цивилизованномъ мірѣ,—свобода и развитіе торговли и промышленности, удивительныя приложенія науки къ производству и даже самыя машины, имѣющія цѣлю освободить работника, облегчая человѣческую работу,—что всѣ эти изобрѣтенія, весь этотъ прогрессъ, которымъ справедливо гордятся цивилизованный чловѣкъ, далекіе отъ того, чтобы улучшить положеніе рабочихъ классовъ, лишь ухудшаютъ его и дѣлаютъ еще болѣе невыносимымъ.

Только Сѣверная Америка является въ значительной степени исключеніемъ и изъ этого правила. Но это исключеніе далеко отъ того, чтобы подрывать правило, напротивъ его подтверждаетъ. Если рабочіе тамъ лучше оплачиваются, чѣмъ въ Епропѣ, если никто тамъ не умираетъ съ голоду, если въ то же время, классовый антагонизмъ тамъ еще почти не существуетъ, если всѣ рабочіе суть граждане и вся масса гражданъ составляетъ какъ бы одно тѣло, наконецъ если хорошее начальное и даже среднее образованіе широко распространено тамъ въ массахъ, то все это слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать, конечно, тому традиціонному духу свободы, который первые колонисты

привезли изъ Англии: рожденный, испытанный, укрѣпленный въ великой религіозной борьбѣ, этотъ принципъ индивидуальной независимости и коммунальнаго и провинціального Selfgovernment, былъ еще поддержанъ тѣмъ, рѣдко благоприятнымъ обстоятельствомъ, что пересаженный въ пустыри, онъ былъ освобожденъ отъ духовнаго гнета прошлаго и могъ такимъ образомъ создать новый міръ,—міръ свободы. А свобода это такая чародѣйка, она одарена такой удивительной творческой силой, что вдохновляемая ею одной, Сѣверная Америка, менѣе чѣмъ въ столѣтіе, достигла, и нынѣ можно бы даже сказать превзошла цивилизацію Европы. Но не надо вдаваться въ обманъ, этотъ удивительный прогрессъ и столь завидное благоденствіе обязаны своимъ существованіемъ въ громадной мѣрѣ важному преимуществу, которое Америка раздѣляетъ съ Россіей: мы говоримъ о громадномъ количествѣ плодородной земли, которая остается необработанной за недостаткомъ рабочихъ рукъ. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ, это великое пространственное богатство было почти бесполезно для Россіи, ибо мы никогда не обладали свободой. Иначе обстояло дѣло въ Сѣверной Америкѣ, которая благодаря свободѣ, подобной которой не существуетъ нигдѣ въ свѣтѣ, привлекаетъ каждый годъ сотни тысячъ энергичныхъ, трудолюбивыхъ и умныхъ колонистовъ, и благодаря этому богатству можетъ ихъ принимать. Это богатство уничтожаетъ въ то же время пауперизмъ и отдаляетъ моментъ выдвигенія соціального вопроса: рабочій, не находящій работы или довольной заработной платой, которую онъ получаетъ въ столицѣ, всегда можетъ въ крайности эмигрировать *на западъ*, чтобы распахать тамъ какую-нибудь дикую, незанятую землю.

Эта возможность, всегда за неимѣніемъ лучшаго, открытая для всѣхъ американскихъ рабочихъ, естественно поддерживаетъ тамъ заработную плату на достаточной высотѣ и предоставляетъ каждому независимость, неизвѣстную въ Европѣ. Такова выгода, но вотъ и не выгода: дешевизна промышленныхъ продуктовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ дешевизны работы и поэтому американскіе фабриканты въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи конкурировать съ евро-

пейскими фабрикантами, — откуда вытекает необходимость протекціонистическаго тарифа для промышленности Штатовъ Сѣвера. Но результатами этого тарифа было во первыхъ порожденіе массы искусственныхъ мануфактуръ, и въ особенности угѣсненіе и разореніе немануфактурныхъ Штатовъ Юга, что заставило ихъ желать отдѣленія; а во вторыхъ скопленіе въ центрахъ, какъ Нью-Йоркъ, Филадельфія, Бостонъ и другихъ массы рабочихъ пролетаріевъ, которые мало-по-малу приходять въ положеніе аналогичное положенію рабочихъ въ большихъ мануфактурныхъ Государствахъ Европы. — И мы видимъ, что соціальный вопросъ выдвигается въ Штатахъ Сѣвера подобно тому, какъ онъ выдвинулся много раньше у насъ.

И такъ мы принуждены признать за всеобщее правило, что и въ нашемъ современномъ мірѣ, если и не такъ всецѣло какъ въ античномъ мірѣ, все-же цивилизація малаго числа основана на принудительной работѣ и относительномъ варварствѣ громаднаго большинства. Было бы несправедливо сказать, что этотъ привилегированный классъ чуждъ труда; напротивъ, въ наше дни его члены много работаютъ, число совершенно бездѣятельныхъ уменьшается чувствительнымъ образомъ, трудъ начинаетъ быть уважаемъ въ этой средѣ; ибо наиболѣе счастливые понимаютъ уже теперь, что для того, чтобы остаться на уровнѣ современной цивилизаціи, для того, хотя бы, чтобы быть въ состояніи пользоваться ея привилегіями и сохранить ихъ, надо много трудиться. Но между трудомъ достаточныхъ и рабочихъ классовъ та разница, что трудъ первыхъ оплачивается безконечно лучше второго и потому оставляетъ привилегированнымъ *досугъ*, это самое необходимое условіе человѣческаго, какъ интеллектуальнаго, такъ и моральнаго развитія — условіе никогда не существовавшее для рабочихъ классовъ. Кромѣ того, трудъ, совершенный привилегированнымъ міромъ, — почти исключительно *нервный трудъ*, — работа воображенія, памяти и мысли; — между тѣмъ какъ трудъ миллионовъ пролетаріевъ это *трудъ физическій*, и часто, какъ напримѣръ на фабрикахъ, это трудъ, упражняющій не всю мускульную систему человѣка, а развивающій лишь какую-нибудь часть ея во вредъ другимъ, трудъ,

совершаемый въ условіяхъ вредныхъ для здоровья тѣла и противныхъ его гармоническому развитію. Въ этомъ отношеніи земледѣлецъ гораздо болѣе счастливъ: его природа, не испорченная душной, и часто отравленной атмосферой фабрикъ, не извращенная ненормальнымъ развитіемъ одной какой-нибудь способности во вредъ другимъ, остается болѣе сильной, болѣе полной, — но зато его умъ является всегда болѣе отсталымъ, тяжелымъ и гораздо менѣе развитымъ, чѣмъ умъ фабричныхъ и городскихъ рабочихъ.

Въ концѣ концовъ, ремесленные и машинные рабочіе и земледѣльцы образуютъ вмѣстѣ одну и ту же категорію, категорію *мускульнаго труда*, противоположную привилегированнымъ представителямъ *нервнаго труда*. Каковы слѣдствія этого раздѣленія, не только ни фиктивного, но составляющаго самое основаніе современнаго, какъ политическаго, такъ и соціальнаго положенія?

Для привилегированныхъ представителей *нервнаго труда*, которые, въ скобкѣ сказать, призваны быть его представителями не въ качествѣ самыхъ умныхъ, но единственно потому, что родились въ привилегированномъ классѣ—для нихъ всѣ благодѣянія, но также и всѣ губительные соблазны современной цивилизаціи: богатство, роскошь, комфортъ, благоустройство, семейныя радости, исключительная политическая свобода вмѣстѣ съ возможностью эксплуатировать трудъ милліоновъ рабочихъ и управлять ими по своей волѣ и въ своихъ интересахъ,—всѣ произведенія, всѣ изощренія воображенія и мысли... и вмѣстѣ съ возможностью стать всецѣлыми людьми всѣ отравы челоувѣчества, испорченнаго привилегіями.

Для представителей *мускульнаго труда*, для этихъ безчисленныхъ милліоновъ пролетаріевъ или даже мелкихъ земельныхъ собственниковъ, остается что? безысходная нужда, отсутствіе даже семейныхъ радостей, ибо семья для бѣднаго скоро становится бременемъ, невѣжество, дикость и, мы бы сказали, даже вынужденное звѣриное состояніе съ утѣшеніемъ, что они служатъ пьедесталомъ для цивилизаціи, свободы и испорченности малаго числа.—Но зато они сохранили свѣжесть ума и сердца. Воспитанные хотя бы и выну-

жденнымъ трудомъ, они сохранили чувство справедливости, много болѣе справедливой, чѣмъ справедливость юрисконсультовъ и кодексовъ; сами несчастные, они сочувствуютъ всякому несчастью, они сохранили здравый смыслъ, не испорченный софизмами доктринерской науки и обманами политики, — и такъ какъ они еще не злоупотребили и даже не воспользовались жизнью, они имѣютъ вѣру въ жизнь.

Но, возражать, этотъ контрастъ, эта бездна между малымъ числомъ привилегированныхъ и огромнымъ количествомъ обездоленныхъ всегда существовала и теперь существуетъ: что жъ такое измѣнилось? Измѣнилось то, что прежде эта бездна была заполнена религиознымъ туманомъ, такъ что народныя массы ее не видѣли, а теперь, послѣ того какъ Великая Революція отчасти разогнала этотъ туманъ, и онъ, и онъ также начинаютъ видѣть бездну и спрашивать о причинѣ ея. Значеніе этого безмѣрно.

Съ тѣхъ поръ какъ Революція испослала въ массы свое Евангеліе, не мистическое, а рациональное, не небесное, а земное, не божественное, а человѣческое — свое Евангеліе правъ человѣка; съ тѣхъ поръ, какъ она провозгласила, что всѣ люди равны, что всѣ одинаково призваны къ свободѣ и человѣчности, — народныя массы въ Европѣ, во всемъ мѣрѣ начинаютъ мало по малу просыпаться изъ сна, который ихъ сковывалъ съ тѣхъ поръ какъ Христіанство усыпило ихъ своими маковыми цвѣтами, и начинаютъ спрашивать себя, не имѣютъ ли они права на равенство, свободу и чело-вѣчность.

Какъ только этотъ вопросъ былъ поставленъ, народъ, направляемый своимъ удивительнымъ здравымъ смысломъ, также какъ и своимъ инстинктомъ, вездѣ понялъ, что первымъ условіемъ его дѣйствительнаго освобожденія, или, если вы мнѣ позволите это слово, его очеловѣченія, является коренная реформа его экономическихъ условій. Вопросъ о хлѣбѣ является для него по справедливости первымъ вопросомъ, ибо еще Аристотель замѣтилъ: человѣкъ, чтобы мыслить, чтобы сдѣлаться человѣкомъ, долженъ быть свободенъ отъ заботъ о матеріальной жизни. — Впрочемъ буржуа, кричащіе противъ матеріализма народа и проповѣдующіе

ему воздержаніе идеализма, знаютъ это очень хорошо, ибо они проповѣдуютъ словами, а не примѣромъ.— Второй вопросъ для народа это досугъ послѣ работы, это условіе *sine qua non* человѣчности; но хлѣбъ и досугъ не могутъ быть имъ получены иначе какъ чрезъ коренную переработку современнаго устройства общества, и это объясняетъ почему Революція, влекомая логическимъ развитіемъ своего собственнаго принципа, породила *соціализмъ*.

II.

Соціализмъ.

Французская Революція, провозгласивъ право и обязанность каждаго человѣческаго индивидуума сдѣлаться человѣкомъ, пришла въ своихъ послѣднихъ выводахъ къ Бабувизму. Бабефъ, одинъ изъ послѣднихъ энергичныхъ и чистыхъ гражданъ, которыхъ Революція создала и убила въ такомъ количествѣ, и имѣвшій счастье насчитывать въ числѣ своихъ друзей—такихъ людей, какъ Буонаротти, соединилъ въ себѣ, по странному сочетанію, политическія традиціи античнаго отечества съ совершенно современными идеями соціальной революціи. Видя, что Революція какъ то чахнетъ, за недостаткомъ кореннаго преобразования, тогда впрочемъ по всей вѣроятности и невозможнаго по экономической структурѣ общества, вѣрный съ другой стороны духу этой Революціи, которая кончила тѣмъ, что на мѣсто всякой личной инициативы поставила всемогущее дѣйствіе Государства, онъ измыслилъ политическую и соціальную систему, согласно которой республика, выражающая собой коллективную волю гражданъ, должна была конфисковать всякую личную собственность и управлять ею въ интересахъ всѣхъ, надѣлая каждаго въ равной мѣрѣ: воспитаніемъ, обученіемъ, средствами къ существованію, удовольствіями, и принуждая всѣхъ безъ исключенія, по мѣрѣ силъ и способностей каждаго, къ мускульному и нервному труду. Заговоръ Бабефа не удался, онъ былъ гильотинированъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями. Но его идеаль со-

ціалістической республики съ нимъ не умеръ. Воспринятая его другомъ Буонаротти, величайшимъ конспираторомъ этого столѣтія, эта идея была передана этимъ послѣднимъ, какъ священный залогъ, новымъ поколѣніямъ, и благодаря тайнымъ обществамъ, основаннымъ Буонаротти въ Бельгіи и Франціи, коммунистическія идеи зародились въ народномъ воображеніи. — Онѣ нашли съ 1830 до 1848 года талантливыхъ выразителей въ Кабетъ и Луи Бланъ, которые окончательно основали революціонный социализмъ. Другое социалистическое теченіе, вытекшее изъ того же революціоннаго источника, направляющееся къ той же цѣли, но совершенно инымъ путемъ, теченіе, которое мы бы охотно назвали доктринернымъ социализмомъ, было основано двумя замѣчательными людьми: Сенъ-Симономъ и Фурье. Сенъ-Симонизмъ былъ комментированъ, развитъ, переработанъ и основанъ въ видѣ почти практической системы, въ видѣ церкви, отцомъ Анфантеномъ, вмѣстѣ со многими друзьями, изъ которыхъ большая часть сдѣлалась нынѣ финансистами и государственными людьми, странно преданными Имперіи. — Фурьеризмъ нашелъ своего истолкователя въ „Мирной демократіи,“ издаваемой до 2 декабря г. Викторомъ Консидераномъ.

Заслуга этихъ двухъ социалистическихъ системъ, впрочемъ во многихъ отношеніяхъ различныхъ, заключается главнымъ образомъ въ глубокой, научной, строгой критикѣ современнаго устройства общества, чьи чудовищныя противорѣчія они смѣло раскрыли; — затѣмъ въ томъ важномъ фактѣ, что эти системы съ силой боролись и въ значительной мѣрѣ потрясли Христіанство, во имя возстановленія и оправданія матеріи и человѣческихъ страстей, оклеветанныхъ и въ то же время такъ хорошо практикуемыхъ христіанскими священниками. Сенъ-Симонисты хотѣли поставить на мѣсто Христіанства новую религію, основанную на мистическомъ культѣ плоти, съ новой іерархіей священниковъ, новыхъ эксплуататоровъ толпы привилегіями генія, способностей и таланта. Фурьеристы, много большіе и, можно сказать, даже искренніе демократы, придумали фаланстеры, управляемые избранными всеобщимъ голосованіемъ вождами, фаланстеры, гдѣ каждый,

по мысли фурьеристовъ, долженъ былъ найти себѣ работу и мѣсто въ соответствіи со своими вкусами.—Ошибки Сенъ-Симонистовъ слишкомъ очевидны, чтобы стоило о нихъ говорить. Двойная ошибка Фурьеристовъ заключалась во первыхъ въ томъ, что они искренно вѣрили, что единственно силой убѣжденія и мирной пропаганды они сумѣютъ до такой степени тронуть сердца богатыхъ, что тѣ въ концѣ концовъ сами прійдутъ сложить у порога фаланстера излишекъ своихъ богатствъ; во вторыхъ въ томъ, что они вообразили, что можно теоретически, а priori, построить социальный рай, въ которомъ на вѣки успокоилось бы человѣчество. Они не поняли, что, хотя для насъ и возможно предсказать великіе принципы будущаго развитія человѣчества, тѣмъ не менѣе практическое осуществленіе этихъ принциповъ должно быть предоставлено опытомъ будущаго.

Вообще регламентація была общей страстью всѣхъ социалистовъ до 1848 года, за исключеніемъ одного. Кабетъ, Луи Бланъ, Фурьеристы, Сенъ-Симонисты, всѣ были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, всѣ были болѣе или менѣе государственники.

Но вотъ явился Прудонъ, сынъ крестьянина, въ сто разъ большій революціонеръ и въ дѣлахъ и въ инстинктахъ, чѣмъ всѣ эти доктринерные, буржуазные социалисты; онъ вооружился критикой столь же глубокой и проницательной, сколь неумолимой, чтобы уничтожить всѣ ихъ системы. Противупоставивъ свободу власти, онъ въ противоположность этимъ государственнымъ социалистамъ, смѣло провозгласилъ себя анархистомъ и имѣлъ мужество бросить въ лицо ихъ деизму или пантеизму заявленіе, что онъ просто атеистъ, или точнѣе *позитивистъ*, подобно Огюсту Контю.

Социализмъ Прудона, основанный какъ на индивидуальной, такъ и коллективной свободѣ и на дѣятельности свободныхъ ассоціацій, не подчиненный другимъ законамъ, кромѣ какъ общимъ законамъ социальной экономіи, какъ открытымъ такъ и предстоящимъ открытію; стоящій внѣ всякой правительственной регламентаціи и всякаго покровительства со стороны Государства и подчиняющій политику экономическимъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ интересамъ обще-

ства, долженъ былъ съ теченіемъ времени прійти въ силу необходимой послѣдовательности къ федерализму.

Таково было положеніе соціальной науки до 1848 г. Полемика журналовъ, летучихъ листовъ и соціалистическихъ брошюръ виѣдрило въ умы рабочихъ классовъ массу новыхъ идей; умы были ими переполнены и когда разразилась революція 1848 года, соціализмъ проявился какъ мощная сила.

Какъ мы сказали, соціализмъ былъ послѣднимъ дѣтищемъ великой революціи: но до рожденія этого, послѣдняго, она произвела на свѣтъ своего болѣе прямого наслѣдника, своего старшаго сына, любимца Робеспьеровъ и Сенъ-Жюстовъ: чистый республиканизмъ, безъ примѣси соціалистическихъ идей, перенесенный изъ античнаго міра и вдохновляемый героическими традиціями великихъ гражданъ Греціи и Рима. Гораздо менѣе человѣчный, чѣмъ соціализмъ, этотъ республиканизмъ почти не принимаетъ въ расчетъ человѣка, а признаетъ лишь гражданина; и между тѣмъ какъ соціализмъ стремится основать *республику людей*, республиканизмъ желаетъ лишь *республику гражданъ*, хотя бы они, какъ это было при конституціяхъ, явившихся естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ конституціи 1793 года (съ момента что эта послѣдняя, послѣ минутнаго колебанія, сознательно замолчала соціальнѣйшій вопросъ) — хотя бы они въ качествѣ *активныхъ гражданъ* (мы пользуемся выраженіемъ Учредительнаго Собранія) основывали свое благополучіе на эксплуатаціи труда *пассивныхъ гражданъ*. Впрочемъ политическій республиканецъ не является, по крайпей мѣрѣ въ идеѣ, эгоистомъ лично для себя, но онъ долженъ имъ быть для отечества, которое онъ долженъ ставить въ своемъ свободномъ сердцѣ выше себя самого, выше всѣхъ индивидуумовъ, всѣхъ націй въ мірѣ, выше самого человѣчества. Слѣдовательно онъ будетъ всегда игнорировать международную справедливость; во всѣхъ спорахъ, будетъ ли его отечество право или нѣтъ, онъ будетъ становиться на его сторону, онъ будетъ желать, чтобы оно всегда имѣло верхъ и давило другіе народы своимъ могуществомъ и славой. Онъ сдѣлается по естественной послѣдова-

тельности завоевателемъ, — несмотря на то что опытъ вѣковъ показываетъ ему, что военные триумфаты фатально приводятъ къ цезаризму. Республиканецъ-соціалистъ ненавидитъ государственное величіе, могущество и военную славу, — онъ предпочитаетъ имъ свободу и благоденствіе. Федералистъ во внутренней политикѣ, онъ стремится и къ международной конфедерации, во первыхъ ради торжества справедливости, во вторыхъ потому что онъ убѣжденъ, что экономическая и социальная революція можетъ осуществиться, лишь переступивъ черезъ искусственныя и зловредныя границы Государствъ, посредствомъ солидарной дѣятельности всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большей части націй, составляющихъ цивилизованный міръ, и что всѣ рано или поздно должны будутъ соединиться подъ ея знаменемъ. Исключительно политическій республиканецъ это стойкъ; онъ не признаетъ правъ, а лишь обязанности или, подобно тому какъ въ республикѣ Маццини, онъ признаетъ лишь одно право: право быть самоотверженнымъ и жертвовать собой для отечества, жить лишь для служенія ему и съ радостью умирать за него, какъ говорится объ этомъ въ пѣснѣ, которой г. Александръ Дюма произвольно надѣлилъ Жирондистовъ: „Умереть за отечество это самый прекраснѣйшій, самый завиднѣйшій жребій“. Напротивъ того соціалистъ опирается на свое положительное право на жизнь и на всѣ, какъ интеллектуальныя и моральныя, такъ и физическія жизненныя наслажденія. Онъ любитъ жизнь, онъ хочетъ полностью ее использовать. Такъ какъ его убѣжденія составляютъ часть его самого и его обязанности по отношенію къ обществу неразрывно связаны съ его правами, то онъ сумѣетъ жить согласно со справедливостью, какъ Прудонъ, а въ случаѣ нужды умереть, какъ Бабефъ; но онъ никогда не скажетъ, что жизнь человечества должна быть жертвой и что смерть является самымъ сладкимъ жребіемъ. Для политическаго республиканца свобода лишь пустой звукъ; это свобода быть добровольнымъ рабомъ, преданной жертвой Государства; готовый всегда пожертвовать ради него собственной свободой, политическій республиканецъ легко жертвуетъ и свободой другихъ. Итакъ политическій республиканизмъ необходимо приводитъ

къ деспотизму. Для республиканца же социалиста свобода, соединенная съ благоденствіемъ и создающая всеобщую человѣчность посредствомъ человѣчности каждаго, это все, между тѣмъ какъ Государство является въ его глазахъ лишь инструментомъ, служителемъ благоденствія и свободы всѣхъ и каждаго. Соціалистъ отличается отъ буржуа *справедливостью*, ибо онъ требуетъ для себя лишь дѣйствительный плодъ своей работы; а отъ исключительнаго республиканца онъ отличается своимъ *открытымъ человѣческимъ эгоизмомъ*, живя откровенно и безъ фразъ для самого себя, и зная, что дѣлая это согласно со справедливостью, онъ служить всему обществу, а служа всему обществу, служить самому себѣ. Республиканецъ суровъ и часто изъ за патріотизма, — какъ священникъ изъ за религій—жестокъ. Соціалистъ естественъ, умѣренно патріотиченъ, но зато всегда очень человѣченъ. — Однимъ словомъ между республиканцемъ-соціалистомъ и политическимъ республиканцемъ цѣлая бездна: одинъ относится къ полурелигіозной формациі, относится къ прошлому; другой, позитивистъ или атеистъ, принадлежитъ будущему.

Этотъ антагонизмъ проявился въ полной мѣрѣ въ 1848 году. Съ самаго начала революціи республиканцы и социалисты не смогли прійти ни къ какому соглашенію: ихъ идеалы, всѣ ихъ инстинкты влекли ихъ въ діаметрально противоположныя стороны. Все время отъ февраля до іюня прошли въ дерганьяхъ туда и сюда, которыя внося междоусобную войну въ лагерь революціонеровъ и парализуя ихъ силы, естественно должны были склонить вѣсы на сторону выросшей до громадныхъ размѣровъ коалиціи реакціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ, соединенныхъ и сплавленныхъ съ тѣхъ поръ въ одну партію подъ знаменемъ страха. Въ іюнь и республиканцы соединились съ реакціей, чтобы раздавить социалистовъ. Они полагали, что одержали побѣду, а на самомъ дѣлѣ столкнули въ бездну свою дорогую республику. Генераль Каваньякъ, представитель чести знамени противъ революціи, былъ предшественникомъ Наполеона III. И это всѣ поняли, если не во Франціи, то во всемъ остальномъ мѣрѣ, ибо эта злополучная побѣда республиканцевъ надъ парижскими рабочими,

была отпразднована, какъ великое торжество, всѣми дворами Европы и офицеры прусской службы, съ генералами во главѣ, успѣшили отпривить адресъ съ братскими поздравленіями генералу Каваньяку.

Напуганная краснымъ страшилищемъ европейская буржуазія впала въ полное рабѣнство. По природѣ либеральная и бранчивая, она не обожаетъ военного режима, но она высказалась за него въ виду опасности народной эмансипаціи. Пожертвовавъ своимъ достоинствомъ и всѣми своими славными завоеваніями XVIII и начала этого вѣка, она полагала по крайней мѣрѣ, что покупаетъ миръ и спокойствіе, необходимые для успѣха ея торговыхъ и промышленныхъ предриятій: „Мы вамъ жертвуемъ своей свободой,“ какъ бы говорила она военнымъ державамъ, возставшимъ на развалинахъ третьей революціи, — „въ замѣнъ предоставьте намъ возможность спокойно эксплуатировать народныя массы и защитите насъ отъ ихъ стремленій, которыя могутъ казаться справедливыми въ теоріи, но которыя отвратительны съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ.“ Буржуазіи все обѣщали и даже сдержали слово. Почему же буржуазія, вся европейская буржуазія въ настоящее время недовольна?

Она не рассчитала, что военный режимъ дорого стоитъ, что уже въ силу своего внутренняго строенія, онъ парализуетъ, безпокоитъ, разоряетъ націи, и что, болѣе того, вѣрный логикъ, свойственной ему и которой онъ никогда не измѣнилъ, онъ имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ *войну*: войны династическія, войны честолюбія, войны завоевательныя или территоріальныя, войны равновѣсія—постоянное уничтоженіе и поглощеніе однихъ государствъ другими, рѣки человѣческой крови, сожженіе деревень, разореніе городовъ, опустошеніе цѣлыхъ провинцій,—и все это чтобы удовлетворить честолюбіе царствующихъ лицъ и ихъ фаворитовъ, чтобы ихъ обогащать, чтобы занять, дисциплинировать народы и заполнить исторію.

Теперь буржуазія понимаетъ это, и вотъ она недовольна режимомъ, установленію котораго она такъ сильно способствовала. Она устала отъ него; но чѣмъ она его замѣнить?

Конституціонная монархія отжила свое время, да она

никогда и не пользовалась особымъ успѣхомъ на континентѣ Европы; даже въ Англіи, этой исторической колыбели современнаго конституціонализма, нынѣ она разрушаема поднимающеюся демократіей, она поколеблена, она качается и не будетъ уже скоро въ состояніи противустоять приливу народныхъ страстей и требованій.

Республика? Но какая республика? Политическая ли только, или демократическая и социальная? Соціалистично ли настроены народы? Да, болѣе чѣмъ когда либо.

Въ 1848 году погибъ не социализмъ вообще, а только *государственный социализмъ*, тотъ регламентарскій, деспотическій социализмъ, который вѣрилъ и надѣялся, что Государство сможетъ удовлетворить потребности и законныя стремленія рабочихъ классовъ, что, вооруженное своимъ всемогуществомъ, оно захочетъ и будетъ въ состояніи установить новый социальный строй. Итакъ не социализмъ умеръ въ іюнѣ, напротивъ того Государство объявило себя банкротомъ передъ социализмомъ и, признавъ себя неспособнымъ заплатить ему долгъ, въ уплатѣ котораго обязалось, попробовало его убить, чтобы наиболѣе легкимъ образомъ освободиться отъ этого долга. Оно не могло его убить, но оно убило вѣру, которую социализмъ въ него имѣлъ, и тѣмъ самымъ уничтожило всѣ теоріи государственнаго или доктринернаго социализма, изъ которыхъ однѣ, какъ „Икарія“ Кабета или „Организація труда“ г. Луи Блана совѣтовали народу положиться во всемъ на Государство, — а другія доказали свою нелѣзность въ рядѣ смѣхотворныхъ опытовъ. Даже банкъ Прудона, который могъ бы благоденствовать при болѣе счастливыхъ условіяхъ, погибъ подъ давленіемъ всеобщей враждебности буржуа.

Социализмъ проигралъ это первое сраженіе по очень простой причинѣ: онъ былъ богатъ предчувствіями и отрицательными теоретическими идеями, онъ былъ тысячу разъ правъ, споря противъ привилегій; но ему совершенно недоставало положительныхъ, практическихъ идей, которыя необходимы, чтобы можно было построить на развалинахъ буржуазной системы новую систему, систему народной справедливости. Рабочіе, сражавшіеся въ іюнѣ за народную эмансипацію, были содвинены истиннымъ, а не идеей, — ихъ смущающа идея

составляли всё вмѣстѣ хаосъ, Вавилонскую башню, изъ которой ничего не могло выйти. Такова была главная причина ихъ пораженія. Надо изъ за этого сомнѣваться въ будущности и въ нынѣшней мощи социализма? Христианству, поставившему своей цѣлью основаніе царства справедливости на небѣ, нужно было нѣсколько столѣтій, чтобы завоевать Европу. Нужно ли удивляться, что социализмъ, поставившій себѣ гораздо болѣе трудную задачу— основаніе царства справедливости на землѣ, не одержалъ побѣду въ нѣсколько лѣтъ?

Господа, нужно ли доказывать, что социализмъ не умеръ? Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо лишь бросить взглядъ на то, что происходитъ въ настоящее время во всей Европѣ. Позади всѣхъ дипломатическихъ шашней и слуховъ о войнахъ, наполняющихъ Европу съ 1852 года, какой серьезный вопросъ занимаетъ всѣ страны, если не вопросъ социальный? Это великій незнакомецъ, чье приближеніе каждый чувствуетъ, который всѣхъ заставляетъ трепетать и о которомъ никто не смѣетъ говорить... Но онъ самъ за себя говоритъ и чѣмъ дальше, тѣмъ громче; не доказываютъ ли рабочія кооперативныя ассоціаціи, банки взаимопомощи и кредита труда, трэнъ-унионы, интернаціональная лига рабочихъ всѣхъ странъ, однимъ словомъ все это непрестанно усиливающееся рабочее движеніе въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи и Швейцаріи, не доказываетъ ли все это, что рабочіе не отказались отъ своей цѣли, не потеряли вѣру въ свое близкое освобожденіе, и что въ то же время они поняли что въ дѣлѣ приближенія часа своего освобожденія они не должны болѣе разсчитывать ни на Государства, ни на болѣе или менѣе лицемѣрное содѣйствіе привилегированныхъ классовъ—но на самихъ себя и на свои собственныя, произвольныя ассоціаціи?

Въ большинствѣ европейскихъ странъ движеніе это, повидимому, по крайней мѣрѣ, чуждое политикѣ, сохраняетъ исключительно экономической и, такъ, сказать, частный характеръ. Но въ Англіи оно твердо стало на пылающую почву политики и, организовавшись въ громадную лигу: „Лигу Реформы“, уже одержало большую побѣду противъ политически организованныхъ привилегій аристократіи и высшей буржуазіи. Съ чисто англій-

дѣйскимъ терпѣніемъ и практической послѣдовательностью, Reform League начертала передъ собою планъ дѣйствій; она никогда не унываетъ и не даетъ себя утратить или остановить никакому препятствію. „Не далѣе, какъ черезъ десять лѣтъ“, говорятъ они, беря въ расчетъ самыя большія препятствія, „мы будемъ имѣть всеобщее избирательное право, и тогда“... тогда они сдѣлаютъ социальную революцію!

Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, социализмъ, молчаливо подвигаясь впередъ путемъ частныхъ экономическихъ ассоціацій, уже достигъ до такой степени могущества въ средѣ рабочихъ классовъ, что Наполеонъ III съ одной стороны, а съ другою -- графъ Бисмаркъ, начинаютъ искать союза съ нимъ... Въ скоромъ времени въ Итали и въ Испаніи, послѣ плачевнаго фіаско всѣхъ другихъ политическихъ партій и въ виду ужаснаго экономическаго положенія обѣихъ странъ, всякій другой вопросъ исчезнетъ передъ вопросомъ экономическимъ и социальнымъ. — А въ Россіи и въ Польшѣ есть ли въ сущности другой вопросъ? Это онъ разрушилъ послѣднія надежды старой, исторической, дворянской Польши:—это онъ угрожаетъ и вскорѣ уничтожить уже столь непоколебимое существованіе этой ужасной Всероссійской Имперіи. Даже въ Америкѣ, не проявился ли въ полной мѣрѣ социализмъ въ предложеніи замѣчательнаго человѣка, бостонскаго сенатора г. Карла Сёмнера надѣлать землей освобожденныхъ негровъ изъ Штатовъ Юга?

Какъ вы видите, господа, вездѣ проявляется социализмъ, несмотря на іюньское пораженіе, онъ путемъ подземной работы постепенно проникъ въ самыя нѣдра политической жизни всѣхъ странъ и вездѣ даетъ о себѣ знать, какъ скрытая сила вѣка. Еще нѣсколько лѣтъ, и онъ проявится какъ сила открытая и всесильная.

За малымъ числомъ исключеній всѣ народы Европы, многіе даже не зная слова: социализмъ, проникнуты въ настоящее время социализмомъ, не знаютъ другого знамени, кромѣ того, которое имъ возвѣщаетъ прежде всего ихъ экономическое освобожденіе, и въ тысячу разъ охотяѣ отступились бы отъ всякаго другого вопроса, но не отъ этого. Итакъ только социалистическое знамя можетъ соединить ихъ для плодотворнаго творчества,

Не достаточно ли сказаннаго, господа, чтобы убедиться, что намъ непозволительно умолчать въ своей программѣ о социализмѣ, и что такое умолчаніе наложило бы на все наше дѣло печать безсилія? Провозгласивъ себя въ своей программѣ республиканцами федералистами, мы достаточно выказали себя революціонерами, чтобы отстранить отъ себя добрую часть буржуазіи: всѣхъ, кто спекулируетъ на нищетѣ и несчастьяхъ народовъ ухитряется извлекать выгоду даже изъ великихъ катастрофъ, пынѣ, болѣе чѣмъ когда либо, поражающихъ народы. Если мы оставимъ въ сторонѣ эту дѣятельную, подвижную, интригантскую, спекулятивную часть буржуазіи, то у насъ еще останется большинство буржуа: спокойныхъ, трудолюбивыхъ, дѣлающихъ иногда зло, но скорѣй по необходимости, чѣмъ по доброй волѣ, и которые бы ничего такъ не желали какъ быть освобожденными отъ этой фатальной необходимости, ставящей ихъ въ постоянное враждебное отношеніе съ рабочимъ народомъ и въ то же время разоряющей ихъ самихъ. Нельзя не отмѣтить, что въ настоящее время мелкая буржуазія, мелкая промышленность и мелкая торговля начинаютъ бѣдствовать почти такъ же, какъ и рабочіе массы, и если вещи будутъ двигаться въ томъ же направленіи, то это достойное уваженія буржуазное большинство по всей вѣроятности сольется въ экономическомъ отношеніи съ пролетаріатомъ. Крупная торговля, крупная промышленность и въ особенности крупная и безчестная спекуляція давятъ его, пожираютъ, толкаютъ въ бездну. Итакъ положеніе мелкой буржуазіи дѣлается все болѣе революціоннымъ и ея идеи, бывшія долго реакціонными, нынѣ вслѣдствіе ужасныхъ уроковъ начинаютъ озаряться свѣтомъ и необходимо должны будутъ принять противоположное направленіе. Самые умные начинаютъ понимать, что для сохранившей честность буржуазіи нѣтъ болѣе другого спасенія, кромѣ союза съ народомъ — и что она заинтересована въ социальномъ вопросѣ не менѣе и съ той же стороны, что и народъ.

Это постепенное измѣненіе въ возрѣніяхъ мелкой буржуазіи Европы является фактомъ, столь же утѣпительнымъ, какъ и неоспоримымъ. Но не надо обманыв-

ваться: инициатива новаго движенія будетъ принадлежать народу, а не ей; на западѣ—фабричнымъ и городскимъ рабочимъ; у насъ, въ Россіи, въ Польшѣ и въ большинствѣ славянскихъ земель — крестьянамъ. Мелкая буржуазія сдѣлалась слишкомъ трусливой, нерфшительной, скептической, чтобы взять на себя инициативу чего-либо; она даетъ себя увлечь, но сама ничего не увлечетъ; ибо она столь же бѣдна вѣрой и страстью, какъ и мыслями. Та страсть, которая разбиваетъ препятствія и творитъ новые міры, находится исключительно у народа. Итакъ, неоспоримо, народу будетъ принадлежать инициатива новаго движенія. И мы бы умолчали о народѣ? и мы бы ничего не сказали о социализмѣ, являющемся новой религіей народа?

Но, скажутъ намъ, социализмъ выказываетъ склонность заключить союзъ съ цезаризмомъ. Во-первыхъ, это клевета; напротивъ того именно цезаризмъ, видя на горизонтѣ появленіе грозной силы социализма, стремится завладѣть его симпатіями, чтобы эксплуатировать его въ свою пользу. Но не является ли это для насъ лишней причиной устремить сюда свою энергію, чтобы помѣшать этому чудовищному союзу, плодомъ котораго явилось бы конечно самое большое несчастье, какое только можетъ грозить свободѣ міра?

Мы должны высказаться въ пользу социализма, даже и не принимая въ расчетъ всѣхъ этихъ практическихъ мотивовъ, ибо социализмъ это *справедливость*. Когда мы говоримъ о справедливости, мы подразумѣваемъ не ту, которая заключена въ кодексахъ и въ римскомъ правѣ, основанномъ въ громадной степени на насильственныхъ фактахъ, совершенныхъ силою, освященныхъ временемъ и благословеніями какой-либо, христіанской или языческой церкви, и, какъ таковые, признанныхъ за абсолютные принципы, изъ которыхъ дедуктивно выведено все право *), — мы говоримъ о справедливости,

*) Въ этомъ отношеніи юридическая наука совершенно подобна теологіи: обѣ эти науки равнымъ образомъ исходятъ, одна изъ реального, но несогласнаго со справедливостью факта: изъ присвоенія силой, завоеванія; другая изъ факта фиктивного и нелѣпаго: изъ божескаго откровенія, какъ верховнаго принципа. Основываясь на этой нелѣпости или этой несправедливости, обѣ науки прибѣгаютъ къ самой строгой логикѣ, чтобы построить съ одной стороны юридическую, съ другой теологическую систему.

основывающейся единственно на совѣсти людей, на справедливости, которую вы найдете въ сознаниі каждаго человѣка и даже въ сознаниі дѣтей, и суть которой передается однимъ словомъ: *уравненіе*.

Эта столь всемірная справедливость, которая, однако, благодаря насильственнымъ захватамъ и религіознымъ вліяніямъ, никогда еще не имѣла перевѣса ни въ политическомъ, ни въ юридическомъ, ни въ экономическомъ мірѣ, должна послужить основаніемъ новаго міра. Безъ нея не можетъ быть ни свободы, ни республики, ни благоденствія, ни мира. Итакъ она должна первенствовать во всѣхъ нашихъ резолюціяхъ, дабы мы могли дѣятельно способствовать установленію мира.

Эта справедливость повелѣваетъ намъ взять на себя защиту интересовъ народа, до сихъ поръ столь ужасно пренебрегаемыхъ, и потребовать для него не только политическую свободу, но и экономическое и социальное освобожденіе.

Мы не предлагаемъ вамъ, господа, ту или иную социалистическую систему. Мы лишь просимъ васъ снова провозгласить этотъ великій принципъ Французской Революціи: каждый человѣкъ долженъ имѣть матеріальныя и духовныя средства для развитія всей своей человѣчности. Принципъ этотъ, по нашему мнѣнію, порождаетъ слѣдующую задачу:

Придать обществу такое устройство, чтобы каждый индивидуумъ, мужчина или женщина, находилъ, являясь въ жизнь, почти равныя средства для развитія своихъ различныхъ способностей и для примѣненія своей работы: создать такое устройство общества, которое бы поставило всякаго индивидуума, кто бы онъ ни былъ, въ невозможность эксплуатировать чужую работу, и позволяло бы ему участвовать въ пользованіи социальными богатствами, являющимися въ сущности ничѣмъ инымъ какъ произведеніемъ человѣческой работы, лишь постольку, поскольку онъ непосредственно способствовалъ ихъ производству.

Полное осуществленіе этой проблемы будетъ, конечно, дѣломъ столѣтій. Но исторія выдвинула ее, и отнынѣ мы не можемъ оставлять ее безъ вниманія, не обрекая себя на полное безсиліе.

Мы смѣшимъ прибавить, что мы энергично откло-

прямъ всякую попытку социальнѣй организаціи, которая была бы чужда самоѣ полной свободѣ, какъ индивидуумовъ, такъ и ассоціаціи, и требовала бы установленія регламентаторской власти, какого бы то ни было характера. Во имя свободы, которую мы признаемъ за единственное основаніе, единственный законный творческій принципъ всякой организаціи, мы всегда будемъ протестовать противъ всего, что хоть сколько-нибудь будетъ похоже на государственный социализмъ и коммунизмъ.

Единственная вещь, которую, по нашему мнѣнію, можетъ и должно сдѣлать Государство, это видоизмѣнить мало-по-малу наследственное право, съ цѣлью какъ можно скорѣе достигъ его полного уничтоженія. Въ виду того, что наследственное право является всецѣлымъ созданіемъ Государства, является однимъ изъ существенныхъ условій существованія принудительнаго и божественно установленнаго Государства, оно можетъ и должно быть уничтожено свободнымъ актомъ Государства;—другими словами Государство должно растопиться въ общество, организованное на началахъ справедливости. Наслѣдственное право, по нашему мнѣнію, необходимо должно быть уничтожено, ибо пока оно будетъ существовать, будетъ существовать *наслѣдственное* экономическое неравенство, не естественное неравенство индивидуумовъ, а искусственное неравенство классовъ,—а послѣднее необходимо будетъ всегда порождать наследственное неравенство въ развитіи и образованіи умовъ и будетъ продолжать быть источникомъ и осященіемъ всѣхъ политическихъ и социальныхъ неравенствъ. Задачей справедливости является установить равенство для cadaго, насколько такое равенство будетъ зависѣть отъ экономическаго и политическаго устройства общества,—равенство для cadaго въ исходной точкѣ жизненнаго существованія, такъ, чтобы каждый, руководимый собственной природою, былъ сыномъ своихъ собственныхъ дѣлъ. По нашему мнѣнію единственнымъ наследникомъ умирающихъ долженъ быть общественный фондъ для образованія и обученія дѣтей обоихъ половъ, включая сюда и содержаніе ихъ отъ рожденія до совершеннолѣтія. Въ качествѣ славянъ и русскихъ, мы можемъ прибавить

вить, что у насъ основной соціальной идеей, основанной на всеобщемъ и традиціонномъ инстинктѣ населенія, является идея, что земля, собственность всего народа, можетъ быть во владѣніи лишь тѣхъ, кто обрабатываетъ ее собственными руками.

Мы убѣждены, господа, что этотъ принципъ справедливъ, что онъ является существеннымъ и неизбѣжнымъ условіемъ всякой серьезной соціальной реформы и что поэтому западная Европа непременно должна будетъ, въ свою очередь, его признать и воспринять, несмотря на трудности его реализаціи въ нѣкоторыхъ странахъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи большинство крестьянъ уже пользуется земельной собственностью, но вскорѣ большая часть этихъ самыхъ крестьянъ не будетъ пользоваться почти ничѣмъ, вслѣдствіе того раздробленія земли, которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ преобладающей въ настоящее время во Франціи политико-экономической системы. Впрочемъ, мы воздерживаемся отъ всякаго предложенія по земельному вопросу, какъ и вообще мы воздерживаемся отъ всякихъ предложеній, затрогивающихъ тотъ или иной научный или политико-соціальный вопросъ, убѣжденные что всѣ эти вопросы должны сдѣлать въ нашей газетѣ предметомъ серьезной и глубокой критики.—Мы ограничимся сегодня предложеніемъ вамъ сдѣлать слѣдующую декларацію:

„Убѣжденный, что серьезное осуществленіе въ мірѣ свободы, справедливости и мира невозможно до тѣхъ поръ, покуда огромное большинство людей остается обездоленнымъ въ отношеніи всѣхъ благъ, лишеннымъ образованія и приговореннымъ къ политическому и соціальному ничтожеству и къ фактическому, если не юридическому рабству, вслѣдствіе нищеты и необходимости работать безъ отдыха и перерыва, производя всѣ богатства, составляющія нынѣ гордость міра, и получая столь малую часть ихъ, что ее едва достаетъ для обезпеченія хлѣба на завтрашній день;

„Убѣжденные, что для всей массы населенія, столь ужасно эксплуатируемой въ продолженіи столѣтій, вопросъ хлѣба является вопросомъ умственного освобожденія, свободы и человѣчности;

„Убѣжденные, что свобода безъ социализма, это при-

виллегія, несправедливость, и что социализмъ безъ свободы это рабство и скотство;

„Лига провозглашаетъ необходимость коренной социальной и экономической реформы, которая бы вела къ освобожденію народнаго труда изъ-подъ ига капитала и собственниковъ и была основана на самой строгой справедливости, но не юридической, теологической и метафизической, а просто человѣческой, на позитивной наукѣ и самой полной свободѣ.

„Она объявляетъ въ то же время, что ея газета широко откроетъ свои столбцы для всѣхъ серьезныхъ статей по экономическимъ и социальнымъ вопросамъ, если только эти статьи будутъ искренно воодушевлены желаніемъ самаго широкаго народнаго освобожденія, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и съ точки зрѣнія политической и интеллектуальной“.

Изложивъ свои взгляды на *федерализмъ* и социализмъ, мы считаемъ, господа, своей обязанностью рассмотреть вмѣстѣ съ вами еще третій вопросъ, который мы считаемъ нераздѣльно связаннымъ съ двумя первыми вопросами, — т. е. религіозный вопросъ, и мы просимъ у васъ позволенія резюмировать всѣ наши взгляды по этому вопросу въ одномъ словѣ, которое покажется вамъ можетъ быть варварскимъ.

III.

Антитеологизмъ.

Господа, мы убѣждены, что въ міръ не произошло ни одного крупнаго политическаго и социального измѣненія, которое бы не было сопровождаемо и часто предупреждаемо аналогичнымъ движеніемъ въ философскихъ и религіозныхъ идеяхъ, управляющихъ сознаниемъ индивидуумовъ и общества.

Всѣ религіи со своими богами были всегда ничѣмъ инымъ, какъ созданиемъ вѣрующей и легковѣрной фантазіи человѣка, еще не достигшаго уровня чистаго раз-

сужденія и свободной, основанной на наукѣ, мысли. Поэтому религіозное небо было лишь миражемъ, въ которомъ воспламененный вѣрой человѣкъ находилъ свое собственное изображеніе, но увеличенное, опрокинутое и такъ сказать *обожествленное*.

Итакъ, исторія религій, исторія возвышенія и упадка слѣдовавшихъ другъ за другомъ боговъ является ничѣмъ инымъ, какъ исторіей развитія ума и коллективнаго сознанія людей. По мѣрѣ того, какъ они открывали въ себѣ ли, или внѣ себя, какую-нибудь силу, способность или качество, они приписывали его своимъ богамъ, увеличивъ его, расширявъ, сверхъ всякой мѣры, актомъ своей религіозной фантазіи, подобно тому, какъ это дѣлають дѣти. Такимъ образомъ, благодаря великодушію и скромности людей, небо обогатилось добычей, отнятой у земли, и по естественной послѣдовательности обстоятельствъ, чѣмъ небо становилось богаче, тѣмъ бѣднѣе становилось человѣчество. Какъ только божество было признано, оно естественно было провозглашено господиномъ, источникомъ, распредѣлителемъ всѣхъ вещей: реальный міръ сталъ существовать какъ его отблескъ и человѣкъ, его бессознательный творецъ, колѣнопреклонился передъ своимъ твореніемъ и объявилъ себя рабомъ, созданиемъ божества.

Христіанство является религіей по преимуществу, именно потому, что оно представляетъ, проявляетъ въ себѣ природу и сущность всякой религіей, каковы: систематическое, абсолютное обираніе, уничтоженіе и порабощеніе человѣчества въ пользу божества, — высшій принципъ не только всякой религіи, но и всякой метафизики, какъ теистической, такъ и пантеистической. Такъ какъ Богъ—все, то реальный міръ и человѣкъ—ничто. Такъ какъ Богъ—истина, справедливость и безконечная жизнь, то человѣкъ—ложь, неправедность и смерть. Такъ какъ Богъ господинъ, то человѣкъ—рабъ. Неспособный самъ отыскать путь справедливости и истины, онъ долженъ получить ихъ, какъ откровеніе свыше, посредствомъ посланниковъ и избранниковъ божьей милости. Кто говоритъ объ откровеніи, говорить о свыше вдохновенныхъ пророкахъ и священникахъ, а разъ эти послѣдніе признаны за представите-

лей божества на землѣ, за учителей и вождей человечества на пути къ вѣчной жизни, то они тѣмъ самымъ получаютъ право руководить, повелѣвать и управлять человечествомъ въ его земномъ существованіи. Всѣ люди обязаны въ нихъ слѣпо вѣрить и безпрекословно имъ повиноваться; будучи рабами Бога, люди должны быть также рабами церкви и государства, поскольку это послѣднее благословлено церковью. Изъ всѣхъ существующихъ или существовавшихъ религій, одно христіанство въ совершенствѣ это поняло, а изъ всѣхъ христіанскихъ сектъ только римскій католицизмъ провозгласилъ и осуществилъ этотъ принципъ съ полной послѣдовательностью. Вотъ почему христіанство является религіей абсолютной, послѣдней религіей; вотъ почему апостольская римская церковь является единой послѣдовательной законной и божественной.

Итакъ, какъ это ни противно всѣмъ полу-философамъ, всѣмъ такъ называемымъ религіознымъ мыслителямъ: *существованіе Бога логически связано съ самоотреченіемъ человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицаніемъ человеческой свободы и необходимо приводитъ не только къ теоретическому, но и къ практическому рабству.*

Итакъ если только мы не хотимъ рабства, мы не можемъ и не должны дѣлать никакихъ уступокъ теологій, ибо имѣя дѣло съ этимъ мистическимъ и строго послѣдовательнымъ алфавитомъ, всякій, начавъ съ А фатально дойдетъ до Z, всякій желающій обожать Бога будетъ долженъ отказаться отъ свободы и достоинства человѣка:

Богъ существуетъ, значить человѣкъ—рабъ.

Человѣкъ разуменъ, справедливъ, свободенъ,—значить Бога нѣтъ.

Мы смѣло утверждаемъ, что никто не сможетъ выйти изъ этого круга; и въ такомъ случаѣ пусть выбираютъ.

Да и исторія намъ показываетъ, что священники всѣхъ религій, за исключеніемъ лишь религій преслѣдуемыхъ, всегда были въ союзѣ съ тиранніей. И даже преслѣдуемые священники, хотя они и сражались и проклинали притѣсняющія ихъ власти, тѣмъ не менѣе осдичиняли своихъ послѣдователей принудительной дисциплиной, и тѣмъ самымъ приготовляли элементы

новой тиранин. Духовное рабство какого угодно характера, будетъ всегда имѣть своимъ естественнымъ послѣдствіемъ рабство политическое и социальное. — Въ настоящее время Христіанство подъ всѣми своими формами, а также изшедшая изъ него доктринерная и деистическая метафизика, которая въ сущности ничто другое, какъ замаскированная теологія, являются безъ всякаго сомнѣнія самымъ громаднымъ препятствіемъ для освобожденія общества. Поэтому то всѣ правительства, всѣ государственные люди Европы, которые сами не являются ни теологами, ни деистами, которые въ глубинѣ своихъ сердецъ не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ Діавола, со страстью, съ остервененіемъ покровительствуютъ метафизикѣ и религіи, какой бы то ни было религіи, лишь бы она, по примѣру всѣхъ другихъ, проповѣдывала смиреніе, подчиненіе и терпѣніе.

Остервененіе съ которымъ всѣ правительства защищаютъ религію показываетъ, насколько для насъ необходимо бороться съ ней и уничтожить ее.

Нужно ли вамъ, господа, напоминать, какъ деморализирующе и губительно дѣйствуютъ на народъ религіозныя вліянія? Они убиваютъ въ немъ разумъ, это главное орудіе человѣческаго освобожденія, и, наполняя умы божественными нелѣпостями, доводятъ народъ до отупѣнія, главнаго основанія всякаго рабства. Они убиваютъ въ людяхъ энергію къ труду, являющуюся для человѣка спасеніемъ и величайшей славой. Вѣдь только въ трудѣ человѣкъ становится творцомъ, создаетъ свой міръ, создаетъ основанія и условія своего человѣческаго существованія и завоевываетъ какъ свободу, такъ и человѣчность. Религія убиваетъ въ людяхъ производительную мощь, ввѣдряя въ нихъ презрѣніе къ земной жизни въ виду небснаго блаженства, и уча ихъ, что трудъ—это послѣдствіе проклятія или заслуженное наказаніе, а бездѣйствіе—божеская привиллегія.— Религія убиваетъ въ людяхъ справедливость, эту строгую хранительницу братства, это необходимое условіе мира, наклоня всегда вѣсы въ сторону болѣе сильныхъ, на которыхъ по преимуществу изливается божественная благодать, заботливость и благословеніе. Наконецъ она убиваетъ въ нихъ человѣчность, замѣняя ее въ ихъ сердцахъ божественною жестокостью.

Все религии основаны на крови, ибо все, как известно, существенно опирается на идею жертвоприношения, т. е. постоянного закланія человечества ради ненасытной мстительности Божества. Въ этомъ кровавомъ таинствѣ, человекъ всегда является жертвой, а священникъ, тоже человекъ, но человекъ возвышенный благодатью,—божественнымъ палачомъ. Это намъ объясняетъ, почему священники всехъ религій, и даже самые лучшіе, самые человѣчные, самые кроткіе изъ нихъ, имѣютъ почти всегда въ глубинѣ сердца, и если не въ сердцѣ, то по крайней мѣрѣ въ умѣ и въ воображеніи—а известно какое вліяніе имѣютъ эти послѣдніе на сердце,—нѣчто жестокое и кровожадное: и вотъ, когда повсюду возбуждался вопросъ объ уничтоженіи смертной казни, то все священники, римско-католическіе, московско-православные, протестантскіе—все единогласно высказались за ея сохраненіе.

Христіанская религія, болѣе чѣмъ всякая другая, была основана на крови и исторически окрещена въ крови. Посчитайте милліоны жертвъ, которыхъ эта религія любви прощенія заклала ради удовлетворенія жестокой мести своего Бога. Вспомните пытки, которыя она выдумала и примѣнила. И развѣ нынѣ она сдѣлалась болѣе кроткой. Нѣтъ, но, поколебленная равнодушіемъ и скептицизмомъ, она лишь сдѣлалась безсильной, или лучше сказать гораздо менѣе сильной, ибо къ несчастью она не лишена еще, даже и въ настоящее время, способности вредить. И посмотрите на страны, въ которыхъ, гальванизированная реакціонными страстями, она съ виду словно воскресаетъ: не является ли ея первымъ словомъ—лишеніе и кровь, ея вторымъ словомъ—отреченіе отъ человѣческаго разума, а ея заключеніемъ—рабство? Покуда христіанство и христіанскіе священники, покуда какая бы то ни было божеская религія, будетъ продолжать имѣть хотя бы малѣйшее вліяніе на народныя массы, до тѣхъ поръ не восторжествуютъ на землѣ разумъ, свобода, человѣчность и справедливость. Ибо покуда народныя массы останутся погруженными въ религіозныя суевѣрія, до тѣхъ поръ они будутъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ всехъ земныхъ деспотизмовъ, соединившихся противъ освобожденія человечества.

Итакъ, намъ чрезвычайно важно освободить массы отъ религіозныхъ суевѣрій, и не только изъ за любви къ нимъ, но также и изъ за любви къ самимъ себѣ, ради спасенія нашей свободы и безопасности. Но эта цѣль можетъ быть достигнута лишь двумя путями: распространеніемъ рациональной науки и пропагандой социализма.

Мы подразумеваемъ подъ рациональной наукой ту, которая освободилась отъ всѣхъ призраковъ метафизики и религіи и въ то же время отличается отъ чисто экспериментальныхъ и критическихъ наукъ. Она отличается отъ нихъ во первыхъ тѣмъ, что не ограничиваетъ свои изысканія тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ предметомъ, но старается охватить весь доступный познанію міръ; до того же что лежитъ за границами познанія ей нѣтъ никакого дѣла. Во вторыхъ она отличается отъ экспериментальныхъ наукъ тѣмъ, что не пользуется какъ эти послѣднія, исключительно аналитическимъ методомъ, но позволяетъ себѣ приобогатить и къ синтезу, пользуясь довольно часто аналогіей и дедукціей. Впрочемъ она придаетъ своимъ синтетическимъ выводамъ чисто гипотетическое значеніе, до тѣхъ поръ, пока они не подтверждены самымъ строгимъ экспериментальнымъ или критическимъ анализомъ.

Гипотезы рациональной науки отличаются отъ гипотезъ метафизики въ томъ отношеніи, что эта послѣдняя, выводя свои гипотезы какъ логическія слѣдствія изъ абсолютной системы, претендуетъ заставить природу имъ подчиниться. Напротивъ того гипотезы рациональной науки вытекаютъ не изъ трансцендентной системы, а изъ синтеза, являющагося ничѣмъ инымъ, какъ резюме или общимъ выводомъ изъ множества доказанныхъ на опытѣ фактовъ. Поэтому эти гипотезы никогда не могутъ имѣть всенепремѣннаго, обязательнаго характера; напротивъ того онѣ предлагаются въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было отбросить сейчасъ же, какъ только онѣ являются опровергнутыми новыми опытами.

Рациональная философія или всемірная наука не ведетъ себя ни аристократически, ни начальнически, какъ то дѣлала покойная госпожа метафизика.

Эта послѣдняя, организуясь всегда сверху внизъ, путемъ дедукціи и синтеза, на словахъ правда признавала автономію и свободу отдѣльныхъ наукъ, но на дѣлѣ страшно ихъ стѣсняла. Доходило до того, что она заставляла ихъ признавать законы и даже факты, которыхъ нельзя найти въ природѣ. Съ другой стороны она препятствовала имъ заниматься опытнымъ изслѣдованіями, результаты которыхъ свели бы къ небытію ея спекуляціи.—Какъ видите, метафизика дѣйствовала по методу централизованныхъ Государствъ.

Напротивъ того рacionales философія является чисто демократической наукой. Она организуется свободно снизу вверхъ, и опытъ признаетъ своимъ единственнымъ основаніемъ. Ничто, не анализированное и не подтвержденное опытомъ или самой строгой критикой, не можетъ быть ею воспринято. Поэтому Богъ, Безконечное, Абсолютъ,—всѣ эти столь любимые объекты метафизики, совершенно устраняются изъ рациональной науки. Она съ равнодушіемъ отворачивается отъ нихъ, она смотритъ на нихъ, какъ на призраки или миражи. Но и призраки и миражи играютъ существенную роль въ развитіи человѣческаго ума. Человѣкъ обыкновенно достигаетъ познанія простой истины, лишь послѣ того, какъ онъ создалъ и пересоздалъ всѣ возможныя иллюзіи. А такъ какъ картина развитія человѣческаго ума является реальнымъ предметомъ науки,—то естественная философія удѣляетъ мѣсто и разсмотрѣнію заблужденій. Она занимается ими лишь съ точки зрѣнія исторіи и старается въ то же время показать намъ какъ фізіологическія, такъ и историческія причины зарожденія, развитія и упадка религиозныхъ и метафизическихъ идей, а также ихъ временную и относительную необходимость для развитія человѣческаго духа. Такимъ образомъ она отдаетъ имъ всю справедливость, которой они достойны; потомъ отворачивается отъ нихъ навсегда.

Ея предметъ это реальный, доступный познанію міръ. По мысли рациональнаго философа въ міръ существуетъ лишь одно существо и одна наука. Поэтому онъ стремится соединить и соподчинить всѣ отдѣльныя науки въ единую систему. Это соподчиненіе всѣхъ позитивныхъ наукъ въ единую систему человѣческаго

знанія образуетъ *Позитивную философію* или всемірную науку. Наслѣдница и въ то же время совершенная разрушительница религій и метафизики, эта философія, уже издавна предчувствуемая и подготовляемая лучшими умами, была въ первый разъ явлена въ видѣ цѣлостной системы великимъ французскимъ мыслителемъ, Огюстомъ Контомъ, который умѣлой и смѣлой рукой начерталъ ея первый планъ.

Координація наукъ, устанавливаемая позитивной философіей, не является простой постановкой въ рядъ; нѣтъ, это своего рода органическое сцѣпленіе, начинающееся съ самой абстрактной науки, съ той, которая занимается фактами самаго простого рода, а именно съ математики, и постепенно восходящее къ наукамъ сравнительно болѣе конкретнымъ, занимающимся болѣе сложными фактами. Отъ чистой математики переходимъ къ механикѣ, къ астрономіи, потомъ къ физикѣ, къ химіи, геологіи и біологіи, (т. е. къ сравнительной классификаціи, анатоміи и физиологіи растеній и животныхъ). Наконецъ достигаешь социологіи, которая обнимаетъ собой всю человѣческую исторію, какъ развитіе человѣческаго Существа, коллективнаго и индивидуальнаго въ политической, экономической, социальной, религіозной, артистической и научной жизни. Между всѣми эти, слѣдующими одна за другой науками, начиная съ математики и кончая социологіей, нѣтъ ни одного разрыва непрерывности. Единое Существо, единая наука и въ сущности единый методъ, который лишь усложняется по мѣрѣ того, какъ факты становятся болѣе сложными. Каждая послѣдующая наука широко и всецѣло опирается на предыдущей наукѣ, и представляется, насколько позволяетъ это усмотрѣть современное состояніе нашихъ реальныхъ познаній, ея необходимымъ распространеніемъ.

Любопытно отмѣтить, что порядокъ наукъ, установленный Огюстомъ Контомъ, почти такой же, какъ порядокъ наукъ въ Энциклопедіи Гегеля. Этотъ величайшій метафизикъ настоящихъ и прошлыхъ временъ счастливо и достопамятно довелъ развитіе спекулятивной философіи до ея кульминаціоннаго пункта, такъ что подвигаемая своей собственной діалектикой, она необходимо должна была прійти послѣ этого къ само-

уничтоженію. Но между Огюстомъ Контомъ и Гегелемъ есть громадное различіе. Этотъ послѣдній, въ качествѣ истиннаго метафизика спиритуализировалъ матерію и природу, выводя ихъ изъ логики, т. е. изъ духа. Напротивъ того Огюстъ Контъ матеріализировалъ духъ, основывая его единственно на матеріи.—Въ этомъ его безмѣрная заслуга и слава.

Такимъ образомъ Психологія, эта столь важная наука, служившая базой для метафизики, и рассматриваемая спекулятивной философіей, какъ міръ почти абсолютный, свободный и независимый отъ всякаго матеріальнаго вліянія, въ системѣ Огюста Конта основывается единственно на физиологіи и является ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ этой послѣдней. Такимъ образомъ то, что называется умомъ, воображеніемъ, чувствомъ, ощущеніемъ и волей является въ нашихъ глазахъ лишь различными способностями, функциями или дѣятельностями человѣческаго тѣла.

Рассматриваемые съ этой точки зрѣнія, человѣческій міръ, его развитіе и исторія представляются намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, болѣе естественно, болѣе широко, болѣе человѣчно, болѣе плодливо въ поученіяхъ для будущаго. Раньше мы рассматривали этотъ міръ какъ проявленіе теологической, метафизической и юридико-политической идеи; въ настоящее время мы должны возобновить его изученіе, взявъ за исходную точку природу, а за путеводную нить нашу собственную физиологію.

На этой новой дорогѣ научнаго развитія уже предчувствуется появленіе новой науки: соціологіи, — т. е. науки объ общихъ законахъ, управляющихъ развитіемъ человѣческаго общества. Соціологія будетъ послѣдней ступенью и увѣнчаніемъ позитивной философій. Исторія и статистика доказываютъ намъ, что социальное тѣло, подобно всякому другому естественному тѣлу, повинуется въ своихъ эволюціяхъ и трансмутацияхъ общимъ законамъ, которые, какъ кажется столь же фатальны, какъ и законы физическаго міра. Выявленіе этихъ законовъ изъ массы прошедшихъ и настоящихъ историческихъ фактовъ, вотъ задача соціологіи. Помимо громаднаго интереса, представляемаго ею для ума, она общаетъ въ будущемъ и большую практическую пользу.

Подобно тому, какъ мы не можемъ властвовать надъ природой и видоизмѣнять ее согласно нашимъ прогрессивнымъ вѣждамъ, иначе какъ лишь благодаря пріобрѣтенному нами знанію ея законовъ, такъ же точно мы будемъ въ состояніи осуществить въ соціальной средѣ свободу и благоденствіе, лишь опираясь на постоянные, естественные законы, управляющіе этой средой. Съ мѣновенія, что мы признали несуществованіе бездны, которая въ воображеніи теологовъ и метафизиковъ раздѣляетъ духъ и природу, мы должны разсматривать человеческое общество, какъ тѣло, правда гораздо болѣе сложное, чѣмъ другія, по столь же естественное и повиновающееся тѣмъ же законамъ, съ прибавленіемъ законовъ, исключительно ему свойственныхъ. Разъ это признано, становится яснымъ, что знаніе и строгое изслѣдованіе этихъ законовъ необходимы, дабы предпринимаемая нами соціальныя переустройства были живучи.

Но съ другой стороны мы знаемъ, что соціологія еще поворожденная наука, что она еще въ поискахъ за своими основаніями. Если мы будемъ судить объ этой наукѣ, самой трудной изъ всѣхъ, по примѣру другихъ, то мы должны будемъ признать что потребуется нѣсколько, и по крайней мѣрѣ одно, столѣтіе, чтобы она могла окончательно утвердиться и сдѣлаться наукой серіозной и болѣе или менѣе полной и самодовлѣющей. И такъ какъ же поступать? Надо ли чтобы страдающее человечество ожидало избавленія отъ давящихъ его несчастій въ продолженіе столѣтія или болѣе, до тѣхъ поръ пока окончательно установившаяся, позитивная соціологія не объявитъ ему, что она наконецъ можетъ дать ему указанія и инструкціи для рациональнаго переустройства соціальной жизни?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Во первыхъ, чтобы ждать еще нѣсколько столѣтій, надо бы имѣть терпѣніе... повинаясь старой привычкѣ мы чуть было не сказали: терпѣніе нѣмцевъ, но были остановлены воспоминаніемъ, что въ настоящее время другіе народы еще превзошли нѣмцевъ въ выказываньи этой добродѣтели. Во вторыхъ, если мы даже предположимъ у себя возможность и терпѣніе ожидать, то чѣмъ бы явилось общество, представляющее собой лишь примѣненіе на практикѣ науки, хотя бы самой полной и совершенной въ мірѣ?—ничто-

жествомъ. Представьте себѣ міръ, не заключающій въ себѣ ничего, кромѣ того что человѣческой умъ до сихъ поръ замѣтилъ, узналъ и понялъ,—не являлся ли бы этотъ міръ дряннымъ домишкой по сравненію съ тѣмъ, который существуетъ?

Мы полны уваженія къ наукѣ; мы смотримъ на нее, какъ на одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, какъ на одну изъ лучшихъ славъ человѣчества. Наукой человѣкъ отличается отъ животнаго, своего меньшаго брата въ настоящемъ, своего предка въ прошедшемъ, и становится способнымъ быть свободнымъ. Тѣмъ не менѣе необходимо признать, что у науки есть границы, и напомнить ей, что она только часть. Все—это жизнь: безконечная жизнь міровъ или дабы не потерять въ безконечномъ и не опредѣленномъ: жизнь нашей солнечной системы, или хотя бы нашего земного шара, наконецъ все болѣе и болѣе ограничиваясь, скажемъ: человѣческой міръ,—движеніе, развитіе, жизнь человѣческаго общества на землѣ. Все это несравненно шире, глубже и богаче науки и никогда не будетъ ею исчерпано.

Жизнь, взятая въ этомъ всеобъемлющемъ смыслѣ не является примѣненіемъ той или другой человѣческой или божеской теоріи. Мы охотно сказали бы что жизнь это творчество, если бы не боялись дать двусмысленности. Сравнивая народы, творящіе собственную исторію съ художниками, мы спросили бы, развѣ ждали великіе поэты для созданія своихъ великихъ произведеній, чтобы наука раскрыла законы поэтического творчества? Не создали ли Эсхиль и Софокль свои великолѣпныя трагедіи много раньше, чѣмъ Аристотель построилъ на основаніи ихъ твореній свою первую эстетику? Теоріями ли вдохновлялся Шекспиръ? А Бетховенъ не расширилъ ли онъ созданіемъ своихъ симфоній самыя основанія контрапункта. И чѣмъ бы было произведение искусства, созданное по правиламъ самой лучшей эстетики въ мірѣ? Повторяемъ еще разъ,—ничтожествомъ. Но народы, творящіе свою исторію, по всей вѣроятности не бѣднѣ инстинктомъ, не слабѣ творческой мощью, не зависимѣ отъ гг. ученыхъ, чѣмъ художники!

Если мы колеблемся употребить ли слово: твореніе, то только потому что боимся, что ему припишутъ

смысль, который мы никакъ не можемъ допустить. Кто говоритъ о твореніи, говоритъ, какъ будто, и о творцѣ, а мы отвергаемъ существованіе единого творца по отношенію къ человѣческому міру такъ же точно, какъ и по отношенію къ физическому, составляющему на нашъ взглядъ съ первымъ одинъ нераздѣльный міръ. Даже говоря о народахъ, творящихъ свою собственную исторію, мы сознаемъ, что употребляемъ метафорическое выраженіе, не собственное сравненіе. Каждый народъ является коллективнымъ существомъ, обладающимъ, какъ физиологико-психологическими, такъ и политико-соціальными особенностями, которыя индивидуализируютъ его, отдѣляя отъ всѣхъ другихъ народовъ. Но это не единое и нераздѣльное существо, въ реальномъ смыслѣ слова. Какъ ни развито его коллективное сознаніе, какъ ни концентрирована въ минуту великаго національнаго кризиса народная страсть или воля, какъ ни направлена она вся къ одной цѣли, никогда эта концентрація не сравняется съ концентраціей силъ въ реальномъ индивидуумѣ. Однимъ словомъ ни одинъ народъ, какъ бы онъ ни чувствовалъ себя единымъ, не можетъ сказать: я хочу! но долженъ сказать: мы хотимъ! И если вы услышите, что говорятъ отъ имени всего народа: онъ хочетъ! будьте увѣрены, что за этимъ словомъ скрывается какой-нибудь узурпаторъ: человѣкъ или партія.

Итакъ, мы не подразумеваемъ здѣсь подъ словомъ: твореніе, ни теологическое или метафизическое твореніе, ни художественное, научное или какое-либо другое твореніе, за которымъ скрывается творящій индивидуумъ. Мы подразумеваемъ подъ этимъ словомъ просто безконечно-сложный комплексъ безчисленнаго множества очень различныхъ причинъ, большихъ или малыхъ, изъ которыхъ часть извѣстна, но громадное большинство остается неизвѣстнымъ, и которыя, скомбинировавшись между собой въ опредѣленный моментъ, скомбинировавшись, понятно не безъ причины, но безъ преднамѣренія, безъ предначертаннаго плана, создали данный фактъ.

Но, скажутъ, въ такомъ случаѣ исторія и судьбы человѣческаго общества должны представлять собой хаосъ и быть игрушкой случая? Напротивъ, лишь когда

исторія свободна отъ всякаго божескаго и человѣческаго произвола, лишь тогда она являетъ нашимъ глазамъ все свое подавляющее величiе, всю законмѣрность своего необходимаго развитiя, подобно органической природѣ, чьимъ непосредственнымъ продолженiемъ она является. Природа, несмотря на неисчерпаемое богатство и разнообразiе составляющихъ ее существъ, нисколько не представляетъ собой хаоса, а напротивъ великолѣпно организованный мiръ, гдѣ каждая часть сохраняетъ, такъ сказать, необходимое логическое отношенiе со всѣми остальными. Но, скажутъ, значить былъ устроитель? Нисколько; устроитель, хотя бы и Богъ, могъ бы лишь испортить своимъ личнымъ произволомъ естественное устройство и логическое развитiе вещей. И мы видимъ, что во всѣхъ религiяхъ главное свойство божества это быть превыше, то-есть противъ всякой логики и всегда имѣть совсѣмъ особенную логику: а именно логику естественной невозможности или нелѣпости *). Ибо, что такое логика, если не естественный ходъ и развитiе вещей, т. е. естественный путь, посредствомъ котораго множество опредѣляющихъ причинъ производятъ фактъ. Итакъ, мы можемъ высказать слѣдующую простую и въ то же время рѣшительную аксиому: *Все, что естественно логично, и все что логично существуетъ и должно осуществиться въ реальномъ мiрѣ: въ природѣ въ узкомъ смыслѣ и въ ея дальнѣйшемъ развитiи — въ естественной исторiи человѣческаго общества.*

Итакъ, вопросъ въ томъ, что логично въ природѣ и въ исторiи? Это не такъ легко опредѣлить, какъ можно думать при первомъ взглядѣ. Ибо, чтобы знать это въ совершенствѣ такъ, чтобы никогда не ошибаться, надо бы обладать познанiемъ всѣхъ причинъ, влiянiй, дѣй-

*) Сказать, что Богъ не противъ логики, это значить утверждать, что онъ совершенно тождественъ съ логикой, что онъ самъ ничто иное какъ логика, т. е. естественный ходъ и развитiе реальныхъ вещей. Другими словами это значить сказать, что Бога нѣтъ. Существованiе Бога можетъ имѣть значенiе, лишь какъ отрицанiе естественныхъ законовъ. Отсюда вытекаетъ слѣдующая неоспоримая дилемма: Богъ существуетъ, значить нѣтъ естественныхъ законовъ и мiръ представляетъ собой хаосъ; мiръ не есть хаосъ, онъ обладаетъ внутреннимъ устройствомъ. — значить Бога нѣтъ.

ствій и противодѣйствиі, опредѣляющихъ природу какой-либо вещи или факта, не исключая ни одной причины, хотя бы самой отдаленной или слабой. А какая философія или наука можетъ похвалиться, что она въ состояніи объять и исчерпать все это своимъ анализомъ? Чтобы претендовать на это, надо быть очень бѣднымъ умомъ или очень мало сознавать безконечное богатство дѣйствительнаго міра.

Надо ли изъ-за этого сомнѣваться въ наукѣ? Надо ли отбрасывать ее, потому что она даетъ намъ лишь то, что можетъ дать? Это было бы новымъ безуміемъ и много болѣе зловреднымъ, чѣмъ первое. Если вы потеряете науку, то за неимѣніемъ знаній, вы возвратитесь къ состоянію вашихъ предковъ, гориллъ, и вамъ придется положить нѣсколько тысячъ лѣтъ на повтореніе всего пути, которымъ шло человѣчество, освѣщенное фантазмагорическими сіяніями религіи и метафизики, пока не достигло, правда, несовершенной, но зато очень достовѣрной истины, которой мы въ настоящее время обладаемъ.

Самымъ большимъ и рѣшительнымъ триумфомъ, достигнутымъ наукой въ наши дни, является, какъ мы уже сказали, подведеніе психологіи подъ біологію. Наука установила, что всѣ интеллектуальные и моральные акты, отличающіе человѣка отъ всѣхъ другихъ породъ животныхъ, каковы мысль, проявленіе человѣческаго пониманія и проявленія сознательной воли, имѣютъ своимъ единственнымъ источникомъ чисто матеріальную, хотя несовершенную, организацію человѣка, безъ всякаго спиритуальнаго или внѣматеріальнаго воздѣйствія. Психическіе акты являются, однимъ словомъ, ничѣмъ инымъ, какъ продуктами различныхъ комбинацій чисто фізіологическихъ функцій мозга.

Значеніе этого открытія безмѣрно какъ для науки, такъ и для жизни. Благодаря ему становится наконецъ возможной вся наука о человѣческомъ мірѣ, т. е. антропологія, психологія, логика, мораль, соціальная экономія, политика, эстетика, теологія, метафизика, исторія, однимъ словомъ вся соціологія. Между человѣческимъ и естественнымъ миромъ нѣтъ больше разрыва непрерывности. Но подобно тому какъ міръ орга-

нической, являющийся непрерывнымъ и прямымъ развитіемъ неорганическаго міра, однако существенно отличается отъ него введеніемъ новаго активнаго элемента; *органической матеріи*, произведенной не вмѣшательствомъ какой-нибудь внѣматеріальной причины, но до нынѣ намъ неизвѣстными комбинаціями той же самой неорганической матеріи, и производящей въ свою очередь на основаніи и въ условіяхъ этого неорганическаго міра, котораго она является высшимъ результатомъ, все богатство растительной и животной жизни; такъ же точно человѣческой міръ, являясь ничѣмъ инымъ, какъ непосредственнымъ продолженіемъ органическаго міра, существенно отличается отъ него новымъ элементомъ: *мыслью*, произведенной чисто физиологической дѣятельностью мозга и производящей въ то же время среди этого матеріальнаго міра и въ органическихъ и неорганическихъ условіяхъ, которыхъ она является такъ сказать послѣднимъ резюме, все то, что мы называемъ интеллектуальнымъ и моральнымъ, политическимъ и социальнымъ развитіемъ человѣка—исторію человѣчества.

Для людей, мыслящихъ въ самомъ дѣлѣ логично и чей умъ достигъ уровня современной науки, единство Міра или Сущаго является съ этихъ поръ установленнымъ фактомъ. Но нельзя не признать, что этотъ до того простой и очевидный фактъ, что все противорѣчащее ему представляется намъ теперь уже нелѣпымъ, что этотъ фактъ находится въ самомъ кричащемъ противорѣчьи со всемірнымъ сознаніемъ человѣчества. Всемірное сознаніе человѣчества, проявляясь въ исторіи въ самыхъ различныхъ формахъ, всегда однако единогласно высказывалось за существованіе двухъ различныхъ міровъ: міра духовнаго и міра матеріальнаго, міра божескаго и міра реальнаго. Начиная съ грубыхъ фетишистовъ, обожавшихъ въ окружавшемъ ихъ мірѣ проявленіе сверхъестественной силы, воплощенной въ какомъ-нибудь матеріальномъ объектѣ, всѣ народы вѣрили, всѣ народы вѣрятъ до сего дня въ существованіе какого то божества.

Это подавляющее единогласіе имѣетъ, по мнѣнію многихъ людей, болѣе вѣса чѣмъ какія бы то ни было научныя доказательства. И если логика малаго числа

последовательныхъ, но одинокихъ мыслителей противорѣчить всеобщему мнѣнію,—тѣмъ хуже, говорятъ они, для этой логики. Ибо всеобщее согласіе, всемірное пріятіе какой-нибудь идеи всегда считалось самымъ побѣдоноснымъ доказательствомъ ея истинности, и считалось не безъ основанія, ибо мнѣніе всего міра и всѣхъ временъ не можетъ быть ошибочнымъ. Оно должно имѣть корень въ какой-то потребности, существенно присущей природѣ человѣчества. Но если правда, что повинуюсь этой потребности, человѣкъ необходимо долженъ вѣрить въ существованіе Бога, то въ такомъ случаѣ тотъ, кто не вѣритъ въ Бога, является ненормальнымъ исключеніемъ, является чудовищемъ, хотя бы его невѣріе основывалось на логикѣ.

Вотъ излюбленная аргументація теологовъ и метафизиковъ нашихъ дней, и даже славнаго Маццини, который не можетъ обойтись безъ Бога. Онъ нуждается въ Богѣ, чтобы основать свою аскетическую республику и убѣдить народныя массы согласиться на нее, народныя массы, чьей свободой и благоденствіемъ онъ систематически жертвуетъ ради величія идеальнаго Государства.

Такъ значитъ древность и общераспространенность вѣрованія въ Бога являются, впротивность всякой наукѣ и всякой логикѣ, неоспоримыми доказательствами существованія Бога. Но почему же? До появленія Коперника и Галилея весь міръ, за исключеніемъ можетъ быть Пизагорейцевъ, вѣрилъ, что солнце обращается вокругъ земли. Развѣ всеобщее вѣрованье доказывало истинность этого предположенія? Отъ зарожденія историческаго общества до нашихъ дней, всегда и вездѣ незначительное властвующее меньшинство эксплуатировало вынужденный трудъ рабочихъ массъ, рабовъ или наемниковъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что эксплуатация паразитами чужого труда не есть несправедливость, грабежъ, воровство? Вотъ два примѣра, дока зывающіе, что аргументація нашихъ современныхъ деистовъ ничего не стоитъ.

И въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего болѣе всемірнаго, болѣе древняго, какъ нелѣпости; напротивъ того истина относительно гораздо моложе, являясь всегда результатомъ, продуктомъ историческаго развитія, а не его

исходной точкой. Ибо человекъ, двоюродный братъ, если не прямой потомокъ гориллы по своей родословной, изшелъ изъ глубокой ночи животной инстинктивности и лишь постепенно достигъ до свѣта разума. Это намъ объясняетъ всѣ его прошедшія сумасбродства и утѣшаетъ насъ отчасти въ его настоящихъ заблужденіяхъ. Все историческое развитіе человека ничто иное, какъ удаленіе отъ чистой животности посредствомъ созданія своей человѣчности. Отсюда слѣдуетъ, что древность какой-нибудь идеи не только не можетъ говорить въ пользу этой идеи, но напротивъ должна намъ сдѣлать ее подозрительной. Что касается до общераспространенности заблужденія, то она доказываетъ лишь одно: тождественность человѣческой природы во всѣ времена и во всѣхъ климатахъ. Не позволяя себя подавить соображенію, что всѣ народы во всѣ эпохи вѣрили и вѣрятъ въ Бога,—это фактъ конечно безспорный, но который не можетъ перевѣсить въ нашихъ глазахъ ни логику, ни науку,—мы должны просто отсюда заключить, что идея божества, порожденная конечно нами самими, является необходимымъ заблужденіемъ въ поступательномъ движеніи человечества. Мы должны спросить себя, какимъ образомъ и почему она родилась, почему она остается необходимой для громаднаго большинства человѣческаго рода и до сихъ поръ?

Покуда мы не будемъ въ состояніи дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ образовалась идея сверхъестественнаго или божественнаго міра, какимъ образомъ она должна была необходимо родиться въ естественномъ развитіи человѣческаго ума и человѣческаго общества, до тѣхъ поръ, какъ бы мы ни были научно убѣждены въ нелѣпости этой идеи, мы никогда не сможемъ уничтожить ее въ мнѣніи толпы. Въ самомъ дѣлѣ, не зная секрета ея происхожденія, мы никогда не будемъ въ состояніи атаковать ее въ самыхъ глубинахъ человѣческаго существа. Приговоренные къ бесплодной, безконечной борьбѣ, мы должны будемъ довольствоваться сраженіемъ съ ней на поверхности, въ ея тысячныхъ проявленіяхъ. Нелѣпость ея, едва пораженная ударами здраваго смысла, будетъ сейчасъ же возрождаться въ новой и не менѣе безумной

формѣ, ибо покуда корень вѣрованья въ Бога остается невредимымъ, до тѣхъ поръ онъ всегда будетъ давать новые отпрыски. Такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ кругахъ современнаго цивилизованнаго общества, спиритизмъ стремится въ настоящее время занять мѣсто развалившагося Христіанства.

Болѣе того, ради насъ самихъ намъ необходимо отдать себѣ отчетъ въ происхожденіи вѣры въ Бога. Ибо, покуда мы не узнали причины историческаго, естественнаго зарожденія этой идеи въ человѣческомъ обществѣ, то, сколь бы мы не называли себя атеистами, мы всегда можемъ подпасть вліянію голоса всеобщаго сознанія, чей секретъ или естественная причина намъ неизвѣстенъ. И въ виду естественной слабости индивидуума противъ окружающей его социальной среды, мы рискуемъ рано или поздно сдѣлаться рабомъ религіозной нелѣпости.—Примѣры этихъ плачевныхъ обращеній не рѣдки въ современномъ обществѣ.

Господа, мы болѣе чѣмъ когда-либо убѣждены въ нетерпящей отлагательства необходимости вполне разрѣшить слѣдующій вопросъ:

Человѣкъ составляетъ одно цѣлое со всей природой и является лишь произведеніемъ неопредѣленнаго количества исключительно матеріальныхъ причинъ. Какимъ же образомъ могла родиться, установиться и глубоко укорениться въ человѣческомъ сознаніи идея дуализма:—предположеніе существованія двухъ противоположныхъ міровъ, одного духовнаго, другого матеріальнаго, одного божественнаго, другого естественнаго?

Мы настолько убѣждены, что отъ разрѣшенія этого важнаго вопроса зависитъ наше окончательное и полное освобожденіе отъ цѣпей всякой религіи, что просимъ у васъ позволенія изложить свои мысли по этому вопросу.

Многимъ покажется, пожалуй, страннымъ, что въ политическомъ, социалистическомъ сочиненіи, обсуждаются вопросы метафизики и теологіи. Но по нашему глубочайшему убѣжденію эти вопросы не могутъ быть отдѣлены отъ вопросовъ социальныхъ и политическихъ. Реакціонный міръ, толкаемый непобѣдимой логикой, становится все болѣе религіознымъ. Онъ поддержи-

ваецъ въ Римѣ папу, онъ преслѣдуетъ въ Россіи естественныя науки, онъ ставитъ во всѣхъ странахъ свои военныя, гражданскія, политическія и социальныя несправедливости подъ защиту Бога, онъ защищаетъ въ свою очередь Бога въ церквахъ и въ школахъ, съ помощью лицемерно религіозной, раболыпной, низкопоклонной, тяжелой, педантичной науки и всѣми другими средствами, находящимися въ распоряженіи Государства. Царство Бога на небѣ съ соотвѣтствующимъ ему явнымъ или тайнымъ царствомъ кнута и узаконенной эксплуатаціей рабочихъ массъ на землѣ—вотъ каковъ религіозный, социальный, политическій и совершенно логичный идеалъ реакціонныхъ партій въ Европѣ. Впротивность этому и въ силу обратной причины революція должна быть атеистична. Ибо историческій опытъ и логика доказали, что достаточно одного господина на небѣ, чтобы тысячи господъ расплодись на землѣ.

Наконецъ не является ли социализмъ по самому существу своему, въ качествѣ осуществленія на землѣ, а не на небѣ человѣческаго благоденствія и всѣхъ человѣческихъ стремленій, не является ли онъ завершеніемъ и слѣдовательно отрицаніемъ всякой религіи, которая не будетъ болѣе имѣть никакой причины къ существованію, разъ ея стремленія будутъ осуществлены?

Изагая свои мысли насчетъ происхожденія религіи, мы стараемся быть, какъ можно болѣе краткими и умѣренно-отвлеченными.

Не погружаясь въ глубины философскихъ размышленій, мы считаемъ возможнымъ признать за аксіому слѣдующее положеніе: *Все что существуетъ, всѣ существа, составляющія неопредѣленную цѣлость Вселенной, всѣ существующія въ мірѣ вещи, какова бы ни была ихъ природа въ отношеніи качества или количества, вещи большія, среднія или безконечно малыя, близкія или безконечно далекія,—воздѣйствуютъ другъ на друга, помимо желанія и даже сознанія, посредствомъ непосредственныхъ или опосредствованныхъ дѣйствій и противодѣйствій. Эти то непрестанныя дѣйствія и противодѣйствія, комбинируясь въ единое движеніе, составляютъ то, что мы называемъ всеобщей связностью, жизнью и причинностью.* Называйте,

если это васъ забавляетъ, эту всемірную связность Богомъ или абсолютномъ; намъ важно лишь, чтобы вы не придавали этому Богу другого значенія, кромѣ того, которое только что нами установлено:—значенія всемірной, естественной, необходимой, но отнюдь не предопредѣленной, не предвидѣнной связности безконечнаго множества частныхъ дѣйствій и противодѣйствій. Эта, всегда движущаяся и дѣятельная связность, эта всемірная жизнь можетъ быть нами разумно предполагаема, но никогда не можетъ быть охвачена даже нашимъ воображеніемъ, и еще менѣе понята. Ибо мы можемъ познавать лишь то, что подпадаетъ нашимъ чувствамъ, а эти послѣднія охватываютъ лишь чрезвычайно малую часть Вселенной. Само собою разумѣется, мы понимаемъ эту связность, не какъ абсолютную и первую причину, но, напротивъ того, какъ производную, снова и снова производимую одновременнымъ дѣйствіемъ всѣхъ частныхъ причинъ—дѣйствіемъ, которое то и составляетъ всемірную причинность. Опредѣливъ ее такимъ образомъ, мы можемъ теперь сказать, не боясь какой бы то ни было двусмысленности, что всемірная жизнь творитъ міры. Это она опредѣлила геологическое, климатологическое и географическое строеніе нашей земли, и покрывъ ея поверхность всѣми великолѣпными органической жизни, продолжаетъ *творить* въ человѣческомъ мірѣ, создавая общество со всѣми его прошедшими, настоящими и будущими развитіями.

Теперь ясно, что въ твореніи, понятномъ въ этомъ смыслѣ, нѣтъ мѣста ни предвзятымъ планамъ, ни предустановленнымъ, предусмотрѣннымъ законамъ. Въ дѣйствительномъ мірѣ вначалѣ случаются факты, произведенные стеченіемъ безчисленныхъ вліяній и условій,—потомъ уже является вмѣстѣ съ мыслящимъ человѣкомъ сознаніе этихъ фактовъ и болѣе или менѣе подробное и совершенное знаніе, *какимъ образомъ* они произошли. Когда же мы замѣчаемъ, что въ какомъ нибудь родѣ фактовъ часто или почти всегда повторяется одинъ и тотъ же ходъ процесса, то мы называемъ это *закономъ* природы.

Подъ словомъ *природа* мы подразумеваемъ не какую либо мистическую, пантеистическую или субстанціаль-

ную идею, но просто на просто сумму всѣхъ существъ, фактовъ и производящихъ эти факты процессовъ. Очевидно, что въ природѣ, опредѣленной такимъ образомъ, одни и тѣ же законы всегда воспроизводятся въ извѣстныхъ родахъ фактовъ. Это происходитъ безъ сомнѣнія благодаря стеченію тѣхъ же условій и вліяній, и можетъ быть также благодаря разъ на всегда установившимся тенденціямъ непрестанно текучаго творенія,—тенденціямъ, которыя въ силу частаго повторенія сдѣлались постоянными. Только благодаря этому постоянству въ ходѣ естественныхъ процессовъ, человѣчскій умъ могъ констатировать и познать то, что мы называемъ механическими, физическими, химическими и физиологическими законами; только благодаря ему объяснимо почти постоянное повтореніе животныхъ и растительныхъ родовъ, породъ и разновидностей, производимыхъ до сихъ поръ органической жизнью на землѣ. Это постоянство и эта повторяемость выдерживаются однако не вполне. Они всегда оставляютъ широкое мѣсто для такъ называемыхъ — и не вполне точно называемыхъ—аномалій и исключеній. Названіе это очень неправильно, ибо факты къ которымъ оно относится, показываютъ лишь, что эти общія правила, припаятыя нами за естественные законы, являются не болѣе, какъ абстракціями, извлеченными нашимъ умомъ изъ дѣйствительнаго теченія вещей, и не въ состояніи охватить, исчерпать, объяснить все безпредѣльное богатство этого теченія. Кромѣ того, какъ это превосходно доказалъ Дарвинъ, эти такъ называемыя аномаліи, посредствомъ частаго сочетанія между собой и тѣмъ самымъ дальнѣйшаго укрѣпленія своего типа, создаютъ, такъ сказать, новые пути творенія, новые образы воспроизведенія и существованія, и являются именно путемъ, посредствомъ котораго органическая жизнь рождаетъ новыя разновидности и породы. Такимъ то образомъ органическая жизнь начала съ созданія едва организованной клѣточки и проводя ее черезъ всѣ трансформациі вначалѣ растительной, а потомъ животной организаціи, сдѣлала изъ нее человека.

Останется ли человѣкъ послѣднимъ и самымъ совершеннымъ органическимъ созданіемъ на землѣ? Кто

можетъ отвѣчать за это? кто можетъ поклясться, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ отъ самой высшей разновидности человѣческой породы не произойдетъ порода 'существовъ, вышихъ чѣмъ человѣкъ, которые будутъ относиться къ человѣку, какъ онъ относится къ гориллѣ? Но во всякомъ случаѣ пусть наше тщеславіе успокоится. Образъ дѣйствій природы очень медлителенъ, а въ настоящемъ состояніи человѣчества ничто не указываетъ, что бы оно могло породить изъ себя высшую породу существовъ. Впрочемъ развѣ природа не продолжаетъ свой непрерывающійся трудъ непрестаннаго творенія въ историческомъ развитіи человѣческаго рода? Не ея вина, если мы въ нашемъ умѣ отдѣлили міръ человѣческаго общества отъ того, что мы исключительно называемъ естественнымъ міромъ.

Причина этого раздѣленія лежитъ въ самой природѣ нашего разума, который существеннымъ образомъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ всѣхъ другихъ породъ. Впрочемъ мы должны признать, что человѣкъ не единственное земное животное, одаренное умомъ. Напротивъ того сравнительная психологія доказываетъ, что не существуетъ животнаго, которое было бы совершенно лишено ума и что чѣмъ ближе какая либо порода по своей организаціи и въ особенности по строенію своего мозга къ человѣку, тѣмъ болѣе развитъ и значителенъ ея умъ. Но только въ человѣкѣ умъ достигаетъ до того, что можетъ быть названъ мыслительной способностью, что можетъ комбинировать представленія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ объектовъ, данныхъ намъ чувствами, создавать изъ нихъ группы, затѣмъ сравнивать и наново комбинировать эти различныя группы, которыя уже не являются реальными существами—объектами нашихъ чувствъ, но лишь понятіями, созданными первымъ дѣйствіемъ способности, называемой разсудкомъ, сохраненными нашей памятью, и послѣдующее комбинированье при помощи этой самой способности образуетъ то, что мы называемъ идеями. Наконецъ изъ всего этого человѣческой умъ выводитъ слѣдствія или логически необходимыя примѣненія. Увы, мы часто встрѣчаемъ людей, не достигшихъ еще всецѣлаго обладанія этой способностью, но

мы никогда не видѣли и даже не слышали, чтобы какое нибудь животное низшей породы обладало этой способностью, развѣ что приведуть въ примѣръ Валаамову ослицу и нѣкоторыя другія животныя, въ которыя вѣрить и которыхъ уважать убѣждаетъ насъ какая либо религія. Итакъ мы можемъ сказать, безъ боязни быть опровергнутыми, что изъ всѣхъ животныхъ, существующихъ на землѣ, одинъ человѣкъ мыслить.

Онъ одинъ одаренъ способностью абстракціи, укрѣпленной и развитой въ человѣческой породѣ копейно вѣковымъ упражненіемъ. Способность эта мало по малу внутренно возвышаетъ человѣка надъ всѣми окружающими предметами, надъ всѣмъ, такъ называемымъ внѣшнимъ міромъ, и даже надъ нимъ самимъ, надъ человѣкомъ, поскольку онъ индивидуумъ, и позволяетъ ему постичь, создать идею всеобщности Существовъ, Вселенной, Безконечнаго или Абсолюта,—идею совершенно абстрактную и, если хотите, лишенную всякаго содержанія. Тѣмъ не менѣе эта идея является всеильной и служить причиною всѣхъ дальнѣйшихъ завоеваній человѣка, ибо она одна отрываетъ человѣка отъ пресловутаго блаженства и тупоумной невпности въ животномъ рабѣ, и ведетъ его къ триумфамъ и безконечнымъ мученіямъ безпредѣльнаго развитія...

Благодаря этой способности человѣкъ возвышается надъ непосредственнымъ давленіемъ, производимымъ всѣми внѣшними предметами на cadaго индивидуума, и такимъ образомъ можетъ сравнивать одни предметы съ другими и изслѣдовать ихъ взаимоотношенія. Вотъ начало *анализа* и *экспериментальной* науки. Благодаря этой способности человѣкъ раздвояется въ самого себя, возвышается надъ своими собственными побужденіями, инстинктами и различными аппетитами, поскольку они преходящи и частны, и это даетъ ему возможность сравнивать ихъ, подобно тому какъ онъ сравниваетъ внѣшніе предметы и движенія, и становится на сторону однихъ противъ другихъ, сообразуясь съ образовавшимся въ немъ социальнымъ идеаломъ. Вотъ уже пробужденіе *сознанія* и того, что мы называемъ *волей*.

Обладаетъ ли человѣкъ въ самомъ дѣлѣ свободной волей? Да и нѣтъ, въ зависимости отъ того какъ понимать это выраженіе. Если подъ свободной волей под-

разумѣвается *liberum arbitrium*, т. е. предполагаемая способность человѣческаго индивидуума свободно самоопредѣляться, независимо отъ всякаго внѣшняго вліянія; если, подобно тому, какъ это дѣлали всѣ религіи и всѣ метафизики, вы претендуете чрезъ эту свободу воли вырвать человѣка изъ потока всемірной причинности, опредѣляющей существованіе всѣхъ вещей и дѣлающей ихъ зависящими другъ отъ друга, то мы не можемъ сдѣлать ничего иного, какъ лишь отбросить эту свободу въ качествѣ нелѣпности, ибо ничто не можетъ существовать внѣ всемірной причинности.

Непрестанное дѣйствіе и противодѣйствіе всего на всякую отдѣльную точку и всякой отдѣльной точки на все составляютъ, какъ мы сказали, жизнь, высшій, творческій законъ и всеединство міровъ, которое всегда въ одно и то же время и производитъ все и зато производимо всѣмъ. Вѣчно дѣятельная, вѣчно всемогущая эта всемірная связность, эта всезапная причинность, которую мы будемъ называть съ этихъ поръ просто *природой*, создала, какъ мы сказали, среди безчисленнаго множества другихъ міровъ нашу землю, со всей лѣстницей существъ отъ минерала до человѣка. Она постоянно воспроизводитъ ихъ, развиваетъ, кормитъ, сохраняетъ, потомъ, когда наступаетъ ихъ срокъ, и часто даже раньше, чѣмъ онъ наступилъ, она ихъ уничтожаетъ и лучше сказать перерабатываетъ въ новыя существа. Итакъ она, это всемогущество, по отношенію къ которому не можетъ быть никакой независимости или автономіи. Она это всевышнее существо, обнимающее и проникающее своимъ непреоборимымъ дѣйствіемъ все существованіе существъ, и между живыми существами нѣтъ ни одного, который бы не носилъ въ себѣ, понятно въ болѣе или менѣе развитомъ состояніи, чувство или ощущеніе этого всевышняго вліянія и абсолютной зависимости.—Ну такъ вотъ это то ощущеніе, вотъ это то чувство и составляютъ основаніе всякой религіи.

Религія, какъ видите, подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ вещамъ имѣетъ свой первый источникъ въ животной жизни. Невозможно сказать про какое бы то ни было животное, кромѣ человѣка, что оно имѣетъ

религію; ибо самая грубая религія предполагаетъ все-таки извѣстную степень мыслительной способности, до каковой степени не возвышается ни одно животное, кромѣ человѣка. Но равно невозможно отрицать, что въ существованіи всѣхъ безъ исключенія животныхъ заключаются всѣ, такъ сказать, матеріальные, составные элементы религіи, за исключеніемъ конечно ея идеальной стороны, той именно, которая рано или поздно ее уничтожить,— мысли. Въ самомъ дѣлѣ, какова дѣйствительная сущность всякой религіи? Это именно чувство абсолютной зависимости преходящаго индивидуума отъ вѣчной и всемогущей природы.

Намъ трудно наблюсти это чувство и анализировать всѣ его проявленія въ животныхъ низшихъ породъ. Однако мы можемъ сказать, что инстинктъ самосохраненія, наблюдаемый въ сравнительно самыхъ бѣдныхъ организаціяхъ, конечно въ меньшей степени чѣмъ въ высшихъ организаціяхъ, является ничѣмъ инымъ, какъ своего рода обычной мудростью, образующейся въ каждомъ индивидуумѣ подъ влияніемъ этого чувства, которое, какъ мы сказали, является ничѣмъ инымъ, какъ религіознымъ чувствомъ. Въ животныхъ, одаренныхъ болѣе полной организаціей и болѣе близкихъ къ человѣку, это чувство проявляется болѣе чувствительнымъ образомъ, напримѣръ въ инстинктивномъ и паническомъ страхѣ, охватывающемъ ихъ иногда при приближеніи какой нибудь великой, естественной катастрофы, каковы землетрясеніе, лѣсной пожаръ, сильная буря. Вообще можно сказать, что страхъ является однимъ изъ преобладающихъ чувствъ въ животной жизни. Всѣ животныя, живущія на свободѣ, дики, и это доказываетъ, что они живутъ въ непрестанномъ, инстинктивномъ страхѣ, что они всегда ощущаютъ присутствіе опасности, т. е. ощущаютъ присутствіе всемогущаго влияния, которое ихъ преслѣдуетъ, проникаетъ и охватываетъ всегда и вездѣ. Этотъ страхъ, страхъ Бога, какъ сказали бы теологи, есть начало мудрости т. е. религіи. Но у животныхъ онъ не становится религіей, ибо имъ недостаетъ той мощи мыслительной способности, которая фиксируетъ чувство, опредѣляетъ его объектъ и перерабатываетъ его въ сознаніе, въ мысль.— Итакъ совершенно справедливо утверждаютъ, что человѣкъ

по природѣ религіозенъ; онъ религіозенъ подобно всѣмъ другимъ животнымъ,—но онъ одинъ, на этой землѣ, имѣеть сознание своей религіозности.

Говорятъ, что религія это первое пробужденіе разума; справедливо, но только это пробужденіе разума въ формѣ неразумія. Религія, какъ мы только что видѣли, начинается со страха. И въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, пробуждаясь съ первыми лучами того внутренняго солнца, которое мы называемъ самосознаніемъ, и медленно, шагъ за шагомъ выходя изъ магнетическаго полусна, въ которомъ находился, ведя свое чисто инстинктивное существованіе и находясь въ состояніи полнѣйшей невинности, т. е. животности;—будучи къ тому же рожденнымъ, подобно всякому животному, въ страхѣ передъ внѣшнимъ міромъ, который правда его производитъ и кормить, но который въ то же время его угѣсняетъ, давить и грозить каждую минуту поглотить,—человѣкъ необходимо долженъ былъ обратить свою зарождающуюся мыслительную способность именно на этотъ страхъ.

Можно предполагать, что у первобытнаго человѣка, при первомъ пробужденіи его разума; этотъ инстинктивный страхъ долженъ былъ быть сильнѣе, чѣмъ у животныхъ другихъ породъ. Во первыхъ потому, что онъ рождается менѣе вооруженнымъ, чѣмъ другія животныя, и что его дѣтство продолжается много болѣе. И затѣмъ потому, что эта самая мыслительная способность, едва разцвѣтшая и еще не достигшая достаточной степени зрѣлости и силы, чтобы познавать и утилизировать внѣшніе предметы, должна была тѣмъ не менѣе вырвать человѣка изъ единенія и инстинктивной гармоніи съ природой, въ которой онъ находился, подобно своему двоюродному брату гориллѣ, откуда мысль не пришла его разбудить изъ этого состоянія. Итакъ мыслительная способность изолировала его посреди этой природы, которая становясь для него такимъ образомъ чуждой должна была ему показаться сквозь призму его воображенія, возбужденнаго и расширеннаго дѣйствіемъ этой самой начинающейся мысли, въ видѣ темной, таинственной силы, безконечно болѣе враждебной и угрожающей, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

Для насъ чрезвычайно трудно, если не невозможно, отдать себѣ точный отчетъ въ первыхъ религіозныхъ чувствахъ и воображеніяхъ дикаго человѣка. Въ своихъ подробностяхъ они, безъ сомнѣнія, должны были быть столь же разнообразны, сколь разнообразны были характеры первобытныхъ народностей, которыя ихъ испытали, а также сколь разнообразны были климаты, природы мѣстностей, и всѣ другія внѣшнія обстоятельства и опредѣленія, въ средѣ которыхъ эти чувства развивались. Но такъ какъ при всемъ этомъ это все же были человѣческія чувства и воображенія, то они должны были, несмотря на это великое разнообразіе въ подробностяхъ, обладать извѣстнымъ числомъ тождественныхъ, общихъ для всѣхъ нихъ чертъ, которыя мы и стараемся опредѣлить. Каково бы ни было происхожденіе различныхъ человѣческихъ группъ и расселенія человѣческихъ расъ по землѣ; имѣли ли всѣ люди родоначальникомъ одного Адама—гориллу или двоюроднаго брата гориллы, или же они произошли отъ нѣсколькихъ индивидуумовъ, созданныхъ природой въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена, независимо другъ отъ друга,—это не мѣняетъ дѣла. Способность, создающая и составляющая собственно человѣчность въ людяхъ, а именно: размышленіе къ абстракціи, разумъ, мысль, однимъ словомъ способность къ созданію идей остается, также точно какъ и законы, опредѣляющіе проявленіе этой способности, всегда и вездѣ тождественна, всегда и вездѣ та же самая,—такъ никакое человѣческое развитіе не можетъ быть противоположнымъ этимъ законамъ. Это даетъ намъ право предположить, что главнѣйшія фазы, наблюденныя въ первобытномъ религіозномъ развитіи одного какого нибудь народа, должны были воспроизвестись въ развитіи всѣхъ другихъ земныхъ народностей.

Судя по единогласнымъ отзывамъ путешественниковъ, какъ тѣхъ, которые въ прошломъ столѣтіи посѣтили острова Океаніи, такъ и тѣхъ, которые въ наши дни проникли во внутренность Африки,—*Фетишизмъ* долженъ быть самой первой религіей, религіей всѣхъ дикихъ племенъ, которые всего менѣе удалились отъ природнаго состоянія. Но *Фетишизмъ* является ничѣмъ инымъ какъ *религіей страха*. Онъ является первымъ

человѣческимъ выраженіемъ того ощущенія абсолютной зависимости, смѣшанной съ инстинктивнымъ ужасомъ, которое мы находимъ въ основаніи всякой животной жизни и которое, какъ мы уже сказали, составляетъ религіозное отношеніе индивидуумовъ самыхъ низшихъ породъ къ всемогуществу природы. Кто не знаетъ, какое вліяніе и впечатлѣніе производятъ на всѣхъ живыхъ существъ, не исключая даже растеній, великія регулярныя явленія природы, каковы восходъ и заходъ солнца, лунный свѣтъ, повтореніе времени года, чередованье холода и тепла, особенныя воздѣйствія океана, горъ, пустынь, или же естественныя катастрофы, каковы бури, затменія, землетрясенія, а также столь разнообразныя и взаимно разрушительныя отношенія животныхъ между собой и съ растительными породами. Все это составляетъ для каждаго животного совокупность условій существованія, характеръ, природу и, намъ почти хочется сказать, особенный культъ, ибо у всѣхъ животныхъ, у всѣхъ живыхъ существъ, вы найдете своего рода обожаніе природы, смѣсь страха и радости, надеждъ и безпокойства, и которое въ отношеніи чувства очень похоже на человѣческую религію. Здѣсь нѣтъ недостатка даже въ заклинаніяхъ и въ молитвахъ. Посмотрите на прирученную собаку, умоляющую своего господина о ласкѣ или взглядѣ; развѣ это не изображеніе человѣка, стоящаго на колѣняхъ передъ своимъ Богомъ? Не переноситъ ли эта собака при помощи своего воображенія и даже начатковъ мыслительной способности, развитой въ ней опытомъ, не переноситъ ли она давящее ея естественное всемогущество на своего хозяина, подобно тому, какъ вѣрующій человѣкъ переноситъ его на Бога. Въ чемъ же различіе между религіознымъ чувствомъ человѣка и собаки? Не въ размышленіи даже, а лишь въ степени размышленія, или другими словами въ способности фиксировать это размышленіе, понять его какъ абстрактную мысль и обобщить чрезъ наименованіе,—ибо человѣческая рѣчь имѣетъ ту особенность, что она не способна обозначить дѣйствительные предметы, непосредственно дѣйствующіе на наши чувства, а можетъ лишь выражать понятія или абстрактныя общности. А такъ какъ рѣчь и мысль являются двумя

различными, но нераздѣльными формами одного и того же акта человѣческаго размышленія, то это послѣднее, фиксируя предметъ животнаго страха и обожанія или перваго естественнаго человѣческаго культа, его обобщаетъ, перерабатываетъ его въ нѣчто абстрактное и стремится обозначить какимъ нибудь именемъ. Предметамъ дѣйствительнаго обожанія того или другого индивидуума всегда остается *этотъ* камень, *этотъ*, а не другой кусокъ дерева; но съ мгновенья, какъ онъ былъ названъ словомъ, онъ становится предметомъ абстрактнымъ или понятіемъ: *камнемъ* вообще, *кускомъ дерева*.—Такимъ то образомъ съ первымъ пробужденіемъ мысли, выражаемой въ рѣчи, начинается собственно человѣческій міръ, міръ отвлеченій.

Благодаря этой способности къ отвлеченію, сказали мы, человѣкъ, рожденный природой, созданный природой, творить для себя, среди этой самой природы и даже въ ея условіяхъ, второе существованіе, согласное съ его идеаломъ и усовершенствующееся вмѣстѣ съ нимъ.

Все что живетъ, прибавимъ мы для лучшаго поясненія нашей мысли, стремится осуществиться во всей полнотѣ своего существа. Человѣкъ, существо живое и вмѣстѣ мыслящее, долженъ для своего полного осуществленія вначалѣ познать самого себя. Вотъ причина громаднаго опозданія, наблюдаемаго нами въ его развитіи, и которое дѣлаетъ, что чтобы достигнуть современнаго общественнаго состоянія въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ,—состоянія столь мало еще приближающагося къ идеалу, къ которому мы нынѣ стремимся,—человѣку потребовалось употребить нѣсколько сотенъ вѣковъ... Хочется сказать, что человѣкъ въ поискахъ самого себя, блуждая черезъ всѣ физиологическія и историческія измѣненія, долженъ былъ исчерпать всѣ возможныя глупости, всѣ возможныя несчастія, раньше чѣмъ быть въ состояніи осуществить то малое количество разума и справедливости, что царить въ мірѣ.

Послѣднимъ предѣломъ, высшей цѣлью всего человѣческаго развитія является *свобода*. Ж. Ж. Руссо и его ученики ошибались, ища ее въ началѣ исторіи, когда человѣкъ еще совершенно лишенный самосозна-

нія и слѣдовательно неспособный заключить какой бы то ни было контрактъ, подчинялся въ полной мѣрѣ той фатальности естественной жизни, которой поработаны всѣ животныя, и отъ которой человѣкъ могъ, въ извѣстномъ смыслѣ, освободиться лишь благодаря послѣдовательному пользованію разумомъ. Человѣческій разумъ, развиваясь, правда, съ большою медлительностью въ продолженіи всей исторіи, мало по малу познавалъ законы, управляющіе внѣшнимъ міромъ, а также законы, присущіе нашей собственной природѣ; онъ ихъ себѣ, такъ сказать, присвоивалъ, переработывая ихъ въ идеѣ—почти произвольныя созданія нашего собственного ума—и дѣлалъ то, что *не переставая подчиняться этимъ законамъ, человѣкъ подчинялся теперь лишь собственнымъ мыслямъ*. Передъ лицомъ природы это является для человѣка единственно возможнымъ достоинствомъ и свободой. Никогда не будетъ другой; ибо естественныя законы неизмѣнны, фатальны; они составляютъ самое основаніе всякаго существованія и нашего собственного существа, такъ что никто не можетъ возмутиться противъ нихъ, не впадая въ то же мгновеніе въ нелѣпость, не убивая навѣрняка самого себя. Но познавая ихъ и присвоивъ ихъ своему уму, человѣкъ возвышается надъ непосредственнымъ давленіемъ внѣшняго міра, и становясь въ свою очередь творцомъ, повинуюсь съ этихъ поръ лишь собственнымъ идеямъ, онъ болѣе или менѣе переработываетъ этотъ міръ сообразно своимъ возрастающимъ потребностямъ, и налагаетъ на него какъ бы отображеніе своей человѣчности.

Такимъ образомъ то, что мы называемъ *человѣческимъ* міромъ, не имѣетъ другого непосредственнаго творца кромѣ человѣка, который создаетъ его, завоевывая мало по малу отъ внѣшняго міра и отъ своей собственной животности свою свободу и человѣческое достоинство. Онъ завоевываетъ ихъ, влекомый силой, независимой отъ него, непреоборимой и равно присущей всѣмъ живымъ существамъ. Эта сила—это всемірный потокъ жизни, тотъ самый, который мы называемъ всемірной причинностью, природой, и который проявляется во всѣхъ живыхъ существахъ, растеніяхъ или животныхъ, стремленіемъ каждаго индивидуума осуществить для

себя условія необходимыя для жизни своей породы т. е. удовлетворить своимъ потребностямъ. Это стремленіе, существенное и главное проявленіе жизни, составляетъ основаніе того, что мы называемъ *волей*. Фатальная и непреборимая во всѣхъ животныхъ, не исключая самого цивилизованнаго человѣка, инстинктивная, можно бы почти сказать, механическая въ низшихъ организаціяхъ, болѣе сознательная въ высшихъ породахъ, она достигаетъ полнаго самосознанія лишь въ человѣкѣ, который благодаря своему разуму—высшающему его надъ каждымъ изъ его инстинктивныхъ побужденій и позволяющему ему сравнивать, критиковать и упорядочивать свои собственные побужденія—одинъ между всѣми земными животными, обладаетъ сознательнымъ самоопредѣленіемъ, *свободной волей*.

Само собой разумѣется, эта свобода человѣческой воли, не имѣетъ по отношенію ко всемірному потоку жизни, по отношенію къ этой абсолютной причинности, въ которой каждая отдѣльная воля является какъ бы ручьемъ, другого значенія, кромѣ того, которое ей даетъ ея сознательность, противопоставляя ее механическому дѣйствию или даже инстинкту. Человѣкъ схватываетъ и сознаетъ естественныя потребности, и онѣ, отражаясь въ его мозгу, вновъ возникаютъ тамъ посредствомъ реактивнаго физиологическаго процесса, еще мало извѣстнаго, въ видѣ логической послѣдовательности его собственныхъ мыслей. Это постиженіе даетъ ему, среди его абсолютной и непрестанной зависимости, ощущеніе самоопредѣленія, сознательной, произвольной воли и свободы.—Не прибѣгая къ полному или частичному самоубійству ни одинъ человѣкъ не сможетъ освободиться отъ своихъ естественныхъ влеченій, но онъ можетъ ихъ регулировать и, видоизмѣнять, стараясь все болѣе согласовать ихъ съ тѣмъ, что онъ называетъ въ различныя эпохи своего интеллектуальнаго и моральнаго развитія, справедливымъ и прекраснымъ.

Въ сущности, главныя черты самого утонченнаго человѣческаго существованія и самаго непробуднаго животнаго существованія суть и всегда останутся тѣ же самыя: рождаться, развиваться и расти, работать, чтобы ѣсть и пить, чтобы имѣть кровь и вооруженіе, поддерживать свое индивидуальное существованіе въ

равновѣсін съ соціальною жизнью своей породы, любить, воспроизводиться, затѣмъ умирать... Къ этимъ элементамъ для человѣка присоединяется еще новый: размышленіе познание, — способность и потребность, встрѣчающіяся правда въ меньшей, но уже очень чувствительной степени, въ породахъ животныхъ, наиболѣе близкихъ по организациі къ человѣку, ибо какъ кажется въ природѣ не существуетъ абсолютныхъ различій, и всѣ различія сводятся въ послѣднемъ анализѣ къ различію въ количествѣ, — но которыя только въ человѣкѣ достигаютъ такой повелительной и преобладающей силы, что мало по малу они передѣлываютъ всю жизнь. Какъ прекрасно замѣтилъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашихъ дней, Лудвигъ Фейербахъ, человѣкъ дѣлаетъ все, что дѣлаютъ животныя, но только онъ дѣлаетъ это все болѣе и болѣе *человѣчно*. Въ этомъ все различіе, но оно громадно. *) Оно заключаетъ въ себѣ всю цивилизацію, со всѣми чудесами промышленности, науки и искусствъ; со всѣми развитіями, религіозными, эстетическими, философскими, политическими, экономическими и соціальными человѣчества, — однимъ словомъ всю всемірную исторію. Человѣкъ создаетъ этотъ историческій міръ посредствомъ дѣятельной силы, которую вы найдете во всѣхъ живыхъ существахъ, которая составляетъ самое основаніе всей

*) Никогда не достаточно повторять это многимъ приверженцамъ современнаго натурализма или матеріализма, которые — въ виду того, что человѣкъ въ наши дни открылъ свою полную и всецѣлую родственность со всѣми другими породами животныхъ и свое непосредственное и премое происхожденіе изъ земли, въ виду того, что онъ отказался отъ нелѣпыхъ и пустыхъ претензій спиритуализма, который подъ предлогомъ дарованія ему абсолютной свободы, приговаривалъ его къ вѣчному рабству, — воображаютъ, что это даетъ имъ право отбросить всякое уваженіе къ человѣку. Эгихъ людей можно сравнить съ лакеями, которые, открывъ плебейское происхожденіе человѣка, заставившаго себя уважать своими личными достоинствами, считаютъ себя въ правѣ относиться къ нему какъ къ равному, по той простой причинѣ, что они не понимаютъ другого благородства, кромѣ того, которое производитъ въ ихъ глазахъ аристократическое рожденіе. Иные столь счастливы, открывъ родственность человѣка съ гориллой, что они хотѣли бы всегда сохранить его въ животномъ состояніи и отказываются понять, что все историческое назначеніе, все достоинство и свобода человѣка заключаются въ томъ, чтобы удалиться отъ этого состоянія,

органической жизни и стремится ассимилировать себя и переработать согласно потребностямъ каждаго вѣшній міръ. Сила эта, конечно инстинктивна и фатальна, ибо она предшествуетъ всякой мысли, но, просвѣщенная человѣческимъ разумомъ и опредѣленная сознательной волей, она перерабатывается въ чловѣкъ и для чловѣка въ *сознательный и свободный трудъ*.

Единственно благодаря мысли чловѣкъ достигаетъ сознанія своей свободы въ произведшей его естественной средѣ: но только посредствомъ *труда* онъ эту свободу осуществляетъ. Мы сдѣлали замѣчаніе, что дѣятельность, составляющая трудъ, т. е. *медленную работу трансформирования поверхности нашей планеты физической силой каждаго живого существа сообразно съ потребностями каждаго*, встрѣчается, болѣе или менѣе развитой, на всѣхъ ступеняхъ органической жизни. Но она начинается быть *собственно чловѣческимъ трудомъ* только тогда, когда, направленная чловѣческимъ разумомъ и сознательной волей, она перестаетъ служить однимъ лишь недвижнымъ и фатально органическимъ потребностямъ исключительно животной жизни, но начинаетъ еще служить потребностямъ *мыслящаго существа, которое завоевываетъ свою чловѣчность, утверждая и осуществляя въ міръ свою свободу*.

Осуществленіе этой безмѣрной, безконечной задачи не является только дѣломъ интеллектуальнаго и моральнаго развитія, но также дѣломъ матеріальнаго освобожденія. Чловѣкъ становится въ самомъ дѣлѣ чловѣкомъ, онъ завоевываетъ возможность своего развитія и внутренняго совершенствованія лишь при условіи, что онъ болѣе или менѣе разорвалъ рабскія цѣпи, налагаемая природой на своихъ дѣтей. Цѣпи эти—голодъ, всякаго рода лишенія, физическая боль, вліяніе климатовъ, временъ года и вообще тысячи условій животной жизни, удерживающихъ чловѣческое существо въ почти абсолютной зависимости отъ окружающей его среды. Эти цѣпи—это постоянныя опасности, которыя въ видѣ естественныхъ явленій со всѣхъ сторонъ угрожаютъ и давятъ чловѣка, это непрестанный страхъ, составляющій основаніе всего животнаго существованія, и до того подавляющій естественнаго, дикаго индивидуума, что онъ ничего въ себѣ не находитъ, что

бы можно было противопоставить этому страху, чѣмъ бы можно было бороться съ нимъ... однимъ словомъ не отсутствуетъ ни одинъ элементъ самаго полнаго рабства. Первый шагъ, дѣлаемый человѣкомъ по пути къ освобожденію отъ этого рабства состоитъ, какъ мы уже сказали, въ абстрактивномъ актѣ разума, который, внутренно возвышая человѣка надъ окружающими вещами, позволяетъ ему изслѣдовать ихъ взаимоотношенія и законы. Но вторымъ шагомъ является непосредственно матеріальный актъ, опредѣленный волей и направленный болѣе или менѣе глубокимъ знаніемъ вѣшняго міра: это примѣненіе мускульной силы человѣка къ пересозданію этого міра сообразно своимъ прогрессирующимъ потребностямъ. Эта борьба человѣка, сознательнаго труженника, противъ матери природы не является бунтомъ противъ нея или ея законовъ. Человѣкъ пользуется приобретенными имъ познаніями этихъ законовъ лишь съ цѣлью укрѣпить себя и обезопасить отъ грубыхъ нападеній и случайныхъ катастрофъ, а также отъ періодическихъ, правильныхъ явленій физическаго міра. Только самое внимательное изслѣдованіе и изученіе законовъ природы дѣлаетъ его способнымъ покорить ее въ свою очередь, заставить ее служить своимъ цѣлямъ и имѣть возможность видоизмѣнить поверхность земного шара во все болѣе и болѣе благопріятную для развитія человѣчества среду.

Какъ видите, способность къ отвлеченію, источникъ всѣхъ нашихъ знаній и идей, является также единственной причиной всякаго человѣческаго освобожденія. Но первое пробужденіе этой способности, являющейся ничѣмъ инымъ, какъ разумомъ, не производитъ немедленно свободу. Когда она начинаетъ дѣйствовать въ человѣкѣ, медленно освобождаясь отъ пелены животной инстинктивности, то она вначалѣ проявляется не въ видѣ логическаго мышленія, имѣющаго сознаніе и познаніе о своей собственной дѣятельности, но въ видѣ *мышленія вообразительнаго* или неразумія. Какъ таковая, она освобождаетъ человѣка отъ естественнаго рабства, тяготящаго надъ нимъ съ колыбели, лишь цѣной немедленнаго подчиненія его новому рабству, въ тысячу разъ еще болѣе суровому и ужасному—рабству религіи.

Именно вообразительное мышление человѣка перерабатываетъ естественный культъ, элементы и слѣды котораго мы нашли у всѣхъ животныхъ, въ культъ человѣческой, въ его элементарной формѣ—въ формѣ фетишизма. Мы обратили вниманіе на животныхъ, инстинктивно обожающихъ великія явленія природы, дѣйствительно оказывающія непосредственное и могущественное вліяніе на ихъ существованіе, но мы никогда не слышали о животныхъ, обожающихъ безобидный кусокъ дерева, клубокъ тряпокъ, кость или камень. Между тѣмъ, мы находимъ этотъ культъ въ первобытной религіи дикарей и даже въ католицизмѣ. Какъ объяснить эту, повидимому, столь странную аномалію, представляющую намъ, съ точки зрѣнія здраваго смысла и пониманія дѣйствительныхъ вещей, человѣка стоящимъ гораздо болѣе низко, чѣмъ самыя скромныя животныя?

Эта нелѣпость является продуктомъ вообразительнаго мышленія дикаго человѣка. Онъ не только чувствуетъ, подобно другимъ животнымъ, всемогущество природы, онъ дѣлаетъ его предметомъ своихъ непрестанныхъ размышленій, онъ его закрѣпляетъ и обобщаетъ въ какомъ-нибудь наименованіи, онъ дѣлаетъ изъ него центръ, вокругъ котораго группируются всѣ его дѣтскія фантазіи. Еще неспособный охватить своей бѣдной мыслью вселенную, и даже земной шаръ, и даже то весьма ограниченное пространство, внутри котораго онъ родился и живетъ, онъ повсюду ищетъ, гдѣ же именно мѣстопробываніе этого всемогущества, ощущеніе котораго, теперь уже сознательное и закрѣпленное, его тяготитъ. И посредствомъ игры, примѣчанія своей невѣжественной фантазіи, чью сущность намъ бы было очень трудно въ настоящее время понять, онъ переноситъ это всемогущество на кусокъ камня, свертокъ тряпокъ, на этотъ камень... это чистый фетишизмъ, самая религіозная т. е. самая нелѣпая изъ всѣхъ религій.

Вслѣдъ за фетишизмомъ и часто въ одно время съ нимъ, идетъ *культъ колдуновъ*. Это культъ, если не много болѣе разумный, во всякомъ случаѣ болѣе естественный, и который удивляетъ насъ меньше чистаго фетишизма, ибо мы къ нему привыкли. Мы вѣдь еще сегодня окружены колдунами, каковы спириты, медіумы,

ясновидящіе со своими магнетизерами и даже священники римской католической, а также восточной греческой церкви, которые утверждают, что они имѣютъ власть заставить Бога, съ помощью какихъ-то таинственныхъ формулъ, сойти на воду или же воплотиться въ хлѣбъ и винъ.

Не являются ли всѣ эти *поработители* божества, покоряющагося ихъ заклинаніямъ, настоящими колдунами? Правда ихъ божество, продуктъ болѣе чѣмъ тысячелѣтнаго развитія, гораздо болѣе сложно, чѣмъ божество первобытныхъ колдуновъ, чьей единственной сущностью является уже закрѣпленное, но еще неопредѣленное представленіе всемогущества, безъ какого-либо другого интеллектуальнаго или моральнаго атрибута. Различіе добра и зла, справедливаго и несправедливаго, здѣсь еще неизвѣстно. Незвѣстно, что такое божество любитъ и что оно ненавидитъ, что оно хочетъ и чего не хочетъ; оно ни добро, ни зло, — оно всемогуще и больше ничего. Однако, божественный характеръ уже начинаетъ обрисовываться; божество эгоистично и тщеславно, оно любитъ лесть, колѣнопреклоненіе, униженіе и закланіе людей, ихъ обожаніе и жертвоприношеніе, — и оно преслѣдуетъ и жестоко наказываетъ тѣхъ, которые не хотятъ покоряться ему: бунтующихъ, горделивыхъ, нечестивыхъ. Какъ извѣстно это основная черта божественнаго характера во всѣхъ древнихъ и современныхъ богахъ, созданныхъ человѣческимъ неразуміемъ. Существовало ли когда-нибудь въ мірѣ столь завистливое, тщеславное, эгоистичное, кровавое существо какъ Егова евреевъ или Богъ, отецъ христіанъ?

Въ культѣ первобытнаго колдовства, божество или это неопредѣлимое всемогущество является вначалѣ нераздѣльной съ личностью колдуна; онъ самъ Богъ, подобно Фетишу. Но съ теченіемъ времени роль сверхъестественнаго человѣка, человѣка-Бога, становится невозможной для дѣйствительнаго человѣка и въ особенноти для дикаря, который не имѣетъ никакихъ средствъ укрыться отъ нескромнаго любопытства върущихъ и остается съ утра до вечера открытымъ для наблюдений. Здравый смыслъ, практическій умъ, продолжающіе развиваться въ дикомъ народѣ на ряду съ

его религіознымъ воображеніемъ, въ концѣ концовъ показываютъ ему невозможность, чтобы человѣкъ, доступный всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и немощностямъ, былъ Богомъ.— Колдунъ остается для народа сверхъестественнымъ существомъ, но только въ нѣкоторыхъ минуты, когда онъ одержимъ духомъ. Но какимъ духомъ?!

Духомъ всемогущества, Богомъ... Итакъ, божество находится въ обыкновенное время внѣ колдуна.—Гдѣ его искать?—Фетишь, Богъ—вещь уже не удовлетворяетъ, колдунъ, человѣкъ—Богъ также.—Всѣ эти видоизмѣненія могли заполнить собой въ первобытное время нѣсколько столѣтій.— Дикарь, уже сильно подвинувшійся впередъ, развившійся, обогатившійся опытомъ и традиціями многихъ вѣковъ, ищетъ теперь уже божество вдали отъ себя, но все еще среди реально существующихъ предметовъ: въ солнцѣ, въ лунѣ, въ звѣздахъ.—Религіозная мысль начинаетъ уже обнимать вселенную.

Какъ мы сказали, человѣкъ могъ достигнуть этого лишь послѣ длиннаго ряда вѣковъ. Его отвлекательная способность, его разумъ развились, укрѣпились, изоцрились въ практическомъ познаніи окружающихъ его вещей и въ изслѣдованіи ихъ отношеній и взаимной причинности. Периодическое возвращеніе извѣстныхъ явленій природы дало ему первое понятіе о нѣкоторыхъ естественныхъ законахъ. Человѣкъ начинаетъ интересоваться совокупностью явленій и ихъ причинъ; онъ ищетъ ихъ объясненія. Въ то же время онъ начинаетъ имѣть познаніе о себѣ самомъ, и благодаря той же способности къ абстракціи, которая позволяетъ ему внутренно подниматься мыслью надъ самимъ собой и дѣлать себя объектомъ размышленія, онъ начинаетъ отдѣлять свое матеріальное и жизненное существо отъ своего мыслящаго существа, свою внѣшность отъ своего внутренняго существа, свое тѣло отъ своей души.—Но разъ это различіе открыто имъ и закрѣплено въ его мысли, то онъ естественно, необходимо переноситъ его въ своего Бога и начинаетъ искать невидимую душу этого видимаго міра.—Такимъ образомъ долженъ былъ родиться религіозный пантеизмъ индусовъ.

Мы должны остановиться на этомъ пунктѣ, ибо

именно здѣсь начинается собственно религія въ полномъ смыслѣ этого слова, и вмѣстѣ съ ней настоящая теологія и метафизика. До сихъ поръ религіозное воображеніе человѣка, одержимое непрестаннымъ представленіемъ всемогущества, двигалось естественнымъ путемъ, ища причину и источникъ этого всемогущества путемъ экспериментальнаго изслѣдованія, вначалѣ въ самыхъ близкихъ предметахъ, въ фетишахъ, потомъ въ колдунахъ, еще позже въ звѣздахъ, но всегда приписывая всемогущество какому-нибудь дѣйствительному и видимому, хотя бы и отдаленному, предмету. Теперь оно предполагаетъ существованіе духовнаго, внѣмїрнаго невидимаго Бога. Съ другой стороны, до сихъ поръ его боги были ограниченными, опредѣленными существами, среди множества другихъ небожественныхъ существъ, не одаренныхъ всемогуществомъ, но не менѣе реально существующихъ. Теперь онъ въ первый разъ полагаетъ всемірное божество: Существо Существо, сущность и творецъ всѣхъ ограниченныхъ и обособленныхъ Существовъ,—всемірная душа всей вселенной, Великое Все. Итакъ, вотъ начало истиннаго Бога и вмѣстѣ съ нимъ истинной религіи.

Мы должны теперь изслѣдовать путь, которымъ человѣкъ достигъ этого результата, дабы познать по самому его историческому происхожденію, истинную природу Божества.

Весь вопросъ сводится къ слѣдующему: какимъ образомъ зарождаются въ человѣкѣ представленіе о мірѣ и идея его единства? Начнемъ съ констатированія, что представленіе вселенной для животнаго не можетъ существовать, ибо это не есть предметъ, непосредственно воспринимаемый чувствами, подобно всѣмъ реальнымъ предметамъ, большимъ или малымъ, далекимъ или близкимъ, — это существо абстрактное и которое слѣдовательно можетъ существовать лишь для абстрактивной способности—т. е. для одного лишь человѣка. Рассмотримъ же какимъ образомъ это представленіе образуется въ человѣкѣ. Человѣкъ видитъ себя окруженнымъ внѣшними предметами; онъ самъ, поскольку онъ живое тѣло, является такимъ предметомъ для своей собственной мысли. Всѣ эти предметы, съ которыми онъ послѣдовательно и медленно знакомится, находятся между собой

въ правильныхъ взаимоотношеніяхъ, которыя опъ также болѣе или менѣе познаетъ; и тѣмъ не менѣе несмотря на эти отношенія, сближающія ихъ, но не соединяющія, не сливающія ихъ въ одно, предметы остаются внѣ другъ друга.

Итакъ внѣшній міръ представляетъ человѣку лишь безконечное разнообразіе предметовъ, дѣйствій и раздѣльныхъ отношеній безъ малѣйшей видимости единства,—это неопредѣленное соединеніе, но не единство. Откуда является единство? Оно заложено въ умѣ человѣка. Человѣческая мыслительная способность одарена способностью къ абстракціи, которая позволяетъ ему, послѣ того какъ онъ медленно обошелъ и отдѣльно изслѣдовалъ, одинъ за другимъ, множество предметовъ, охватить ихъ въ мгновеніе ока въ единомъ представленіи, соединить ихъ въ одной и той же мысли.—Итакъ именно мысль человѣка создаетъ единство и переноситъ его въ многообразіе внѣшняго міра.

Отсюда вытекаетъ, что это единство является вещью не конкретной и реальной, но абстрактной, созданной единственно отвлекательной способностью человѣка. Мы говоримъ *отвлекательная* способность, ибо для того, чтобы соединить столько различныхъ предметовъ въ единое представленіе, наша мысль должна отвлечься отъ всего, что составляетъ различіе между этими предметами, т. е. отъ ихъ раздѣльнаго, реальнаго существованія, и удержать лишь то, что они имѣютъ общаго; откуда вытекаетъ, что чѣмъ болѣе предметовъ объемлетъ мыслимое нами единство, чѣмъ болѣе оно возвышается, чѣмъ болѣе разрѣшается то общее, что заключается въ немъ, что составляетъ его положительное опредѣленіе, его содержаніе,—тѣмъ абстрактнѣе и лишеннѣе реальности оно становится. Жизнь со всѣми своими переходящими вздыманіями и великолѣпіями находится внизу, въ многообразіи,—смерть со своей вѣчной и несравненнѣйшей монотоніей находится вверху, въ единствѣ.—Поднимайтесь въ силу той же способности къ абстракціи все выше и выше, уйдите за предѣлы земнаго міра, охватите въ одной мысли солнечный міръ, представьте себѣ это всевышнее единство; что же вамъ останется для его заполнения?—Дикарь былъ бы очень затрудненъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ!

Но мы отвѣтимъ за него: останется матерія съ тѣмъ, что мы называемъ абстрактной силой, матерія со своими различными феноменами, каковы свѣтъ, теплота, электричество и магнетизмъ, которые, какъ это теперь доказано, являются различными проявленіями одной и той же вещи. — Но если въ силу той же способности къ отвлеченію, не останавливающейся ни передъ какимъ предѣломъ, вы подниметесь выше нашей солнечной системы и соедините въ своей мысли не только эти милліоны солнць, видимые нами на небосклонѣ въ видѣ свѣтящихся точекъ, но еще безконечность другихъ солнечныхъ системъ, которыя мы не видимъ и никогда не увидимъ, но чье существованіе мы предполагаемъ, ибо наша мысль по той самой причинѣ, что она не знаетъ предѣловъ для своей способности къ абстракціи, отказывается вѣрить, чтобы вселенная, т. е. совокупность всѣхъ существующихъ міровъ могла бы имѣть предѣлъ или конецъ, — потому, сдѣлавъ тою же мыслью, отвлечение отъ отдѣльныхъ существованій каждаго изъ существующихъ міровъ, если вы попытаетесь представить себѣ единство этого безконечнаго міра — что вамъ останется, для его опредѣленія и завершенія? Одно слово, одна абстракція: неопредѣленное Существо, т. е. недвижность, пустота, абсолютное небытіе — Богъ.

Итакъ Богъ — это абсолютная абстракція, это собственный продуктъ человѣческой мысли, которая, въ качествѣ отвлекательной способности, превзошла всѣ извѣстныя существа, всѣ существующіе міры, и освободившись тѣмъ самымъ отъ всякаго реальнаго содержанія, сдѣлавшись уже ничѣмъ инымъ, какъ абсолютнымъ міромъ, она, не узнавая себя въ этой величественной обнаженности, противопоставляетъ себя самой себѣ — какъ *единственное и всевышнее Существо*.

Намъ могутъ возразить, что мы сами утверждали, на предыдущихъ страницахъ, реальное единство вселенной и опредѣлили его, какъ всемірную связность и причинность, какъ единственное всемогущество, управляющее всѣми вещами и ощущаемое болѣе или менѣе всѣми живыми существами, а теперь какъ будто бы отрицаемъ его. Но нѣтъ, мы его вовсе не отрицаемъ, мы лишь утверждаемъ, что между этимъ реаль-

нымъ всемірнымъ единствомъ и идеальнымъ единствомъ, къ которому приходитъ путемъ абстракціи религіозная и философская метафизика, нѣтъ ничего общаго. Мы опредѣлили первое, какъ неопредѣленную совокупность вещей или лучше, какъ сумму непрестанныхъ видоизмѣненій всѣхъ реальныхъ существъ, также какъ ихъ постоянныхъ дѣйствій и противодѣйствій, которыя комбинируясь въ одно движеніе, образуютъ, какъ мы сказали, такъ называемую всемірную связность или причинность. Мы прибавили, что мы понимаемъ эту причинность не какъ первичную и абсолютную причину, но напротивъ того какъ *производную*, постоянно производимую и воспроизводимую одновременнымъ дѣйствіемъ всѣхъ частныхъ причинъ—дѣйствіемъ, которое то и составляетъ собственно *всемірную причинность*—вѣчно творящую и творимую. Опредѣливъ ее такимъ образомъ, мы рѣшились сказать, не боясь болѣе никакого недоразумѣнія, что эта всемірная причинность творитъ міры. И хотя мы очень настойчиво прибавляли, что она это дѣлаетъ безъ какой-либо предшествующей мысли или воли, безъ какого-либо плана, безъ какой-либо преднамѣренности или предопредѣленности со своей стороны — ибо она сама не имѣетъ никакого отдѣльнаго и предшествующаго существованія внѣ своей непрестанной реализаціи и является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютной производной — тѣмъ не менѣе мы теперь видимъ, что это выраженіе: творитъ не является ни счастливымъ, ни точнымъ и что несмотря на всѣ прибавленныя объясненія, оно можетъ еще дать поводъ къ недоразумѣніямъ, — до того мы привыкли связывать съ этимъ словомъ: твореніе мысль о сознательномъ творцѣ, о творцѣ отдѣльномъ отъ своего произведенія. — Мы должны были бы сказать, что каждый міръ, каждое существо безсознательно, произвольно производится, рождается, развивается, живетъ, умираетъ и переходитъ въ новыя существа, объемлемое и направляемое всемогущимъ, абсолютнымъ вліяніемъ всемірной связности, — и, чтобы выразить нашу мысль еще болѣе точно, мы прибавимъ теперь, что *реальное единство вселенной является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютной связностью и безконечностью его реальныхъ трансформаций, ибо непрестанная трансформация*

каждаго отдѣльнаго существа составляетъ единственную, подлинную реальность каждая, и вселенная ничто иное, какъ исторія безъ границъ, безъ начала и безъ конца.

Подробности этой исторіи безконечны. Человѣкъ всегда долженъ будетъ ограничиваться познаніемъ ихъ безконечно малой части. Наше звѣздное небо со своимъ множествомъ солнць, образуетъ лишь незамѣтную точку въ неизмѣримости пространства, и хотя мы обвинаемъ его взглядомъ, мы никогда о немъ почти ничего не узнаемъ. Мы принуждены ограничиваться нѣкоторымъ познаніемъ нашей солнечной системы; относительно которой мы предполагаемъ, что она въ совершенной гармоніи съ остальными частями вселенной; ибо если бы не было этой гармоніи, то или она должна бы установиться, или же наша солнечная система погибла бы. Эту послѣднюю мы знаемъ уже очень недурно съ точки зрѣнія небесной механики и начинаемъ знакомиться съ ней также съ точекъ зрѣнія физической, химической и даже геологической. Наша наука съ трудомъ перейдетъ этотъ предѣлъ. Если мы ищемъ болѣе конкретныхъ познаній, мы должны придерживаться нашего земного шара. Мы знаемъ, что онъ созданъ во времени, и мы предполагаемъ, что черезъ нѣкоторое, неизвѣстное намъ число вѣковъ онъ долженъ погибнуть,—какъ рождается и погибаетъ или лучше трансформируется все, что существуетъ.

Какимъ образомъ нашъ земной шаръ, бывшій вначалѣ раскаленной, газообразной, несравненно болѣе легкой, чѣмъ воздухъ, матеріей, какимъ образомъ онъ охладился, образовался, чрезъ какой нескончаемый рядъ геологическихъ переворотовъ долженъ онъ былъ пройти, прежде чѣмъ быть въ состояніи произвести на своей поверхности все это безконечное богатство органической жизни, начиная съ первой и самой простой клѣточки и кончая человѣкомъ? Какъ онъ видоизмѣнялся, и продолжаетъ ли онъ свое развитіе въ историческомъ и социальномъ мірѣ человѣка? Куда мы направляемся, толкаемые верховнымъ, фатальнымъ закономъ непрестаннаго видоизмѣненія?

Вотъ единственные доступные намъ вопросы, вотъ единственные вопросы, которые могутъ и должны быть

дѣйствительно охвачены, детально разработаны и разрѣшены человѣкомъ. Являясь, какъ мы уже сказали, лишь незамѣтной точкой въ безграничномъ и неопредѣлимомъ вопросѣ вселенной, эти вопросы являютъ тѣмъ не менѣе нашему уму истинно безконечный міръ--- не въ божественномъ т. е. абстрактномъ смыслѣ этого слова, не въ смыслѣ верховнаго существа, созданія религіозной абстракціи, нѣтъ, напротивъ того, беконечный по богатству своихъ подробностей, которыхъ никогда не будутъ въ состояніи исчерпать никакое наблюденіе и никакая наука.

И для того, чтобы познать *этотъ* міръ, *нашъ* безконечный міръ недостаточно одной абстракціи. Она бы снова привела насъ къ Богу, къ Верховному Существу, къ небытію. Необходимо, не переставая примѣнять нашу способность къ абстракціи, безъ которой мы бы никогда не смогли возвыситься отъ болѣе частнаго рода вещей къ болѣе общему роду вещей и слѣдовательно никогда не смогли бы понять естественную іерархію существъ,—необходимо, говоримъ мы, чтобы умъ съ уваженіемъ и любовью погружался въ мелочное изученіе деталей и безконечно малыхъ подробностей, безъ которыхъ намъ невозможно представить себѣ живую реальность существъ. Итакъ, только соединяя эти двѣ способности, эти двѣ, повидимому, столь противоположныя направленія: абстракцію и внимательный, добросовѣстный, терпѣливый анализъ, можемъ мы возноситься до реального понятія о *нашемъ* не *внѣшнемъ*, но *внутренно безконечномъ* мірѣ и составить себѣ до нѣкоторой степени достаточное преставленіе о *нашей* вселенной---о нашемъ земномъ шарѣ или, если хотите, о нашей солнечной системѣ. Итакъ очевидно, что если наше чувство и наше воображеніе и могутъ дать намъ приблизительно образъ, по необходимости болѣе или менѣе ложное представленіе объ этомъ мірѣ, если они и могутъ даже, посредствомъ своего рода инстинктивной догадки, дать намъ почувствовать тѣнь, отдаленное подобіе истины, то чистую и всецѣлую истину можетъ намъ дать одна наука.

Въ чемъ же причина этой властной любознательности, толкающей человѣка къ познанію окружающаго его міра, преслѣдованію съ неутомимой страстью открытія

секретовъ этой природы, чьимъ послѣднимъ и самымъ совершеннымъ созданіемъ на нашей землѣ онъ самъ является. Является ли эта любознательность простой роскошью, пріятнымъ времяпрепровожденіемъ или же одной изъ существенныхъ потребностей нашей природы? Мы, не колеблясь, утверждаемъ, что изъ всѣхъ потребностей, присущихъ природѣ человѣка, это наиболѣе человѣчная, и что дѣйствительно становится человѣкомъ, что онъ дѣйствительно отличается отъ животныхъ всѣхъ другихъ породъ лишь благодаря этой неутомимой жаднѣ знанія. Чтобы осуществить себя во всей полнотѣ своего существа, человѣкъ долженъ, какъ мы сказали, себя познать, а онъ никогда себя дѣйствительно не познаетъ, пока онъ не познаетъ окружающую его природу, произведеніемъ которой онъ самъ является.—Итакъ, если человѣкъ не хочетъ отказаться отъ своей человѣчности, *познавать*, онъ долженъ проникнуть мыслью въ видимый міръ, и, не предаваясь надеждѣ достигъ когда нибудь до его сущности, углубляться все болѣе и болѣе въ изученіе его устройства и законовъ, ибо наша человѣчность пріобрѣтается лишь этой цѣной. Человѣку нужно познать всѣ низшія, предыдущія и современныя ему области, всѣ механическія, физическія, химическія, геологическія и органическія эволюціи на всѣхъ ступеняхъ развитія растительной и животной жизни,—т. е. всѣ причины и условія его собственнаго рожденія и его существованія, дабы онъ могъ понять свою собственную природу и свое назначеніе на землѣ — его отечествѣ и единственномъ мѣстожителствѣ,— дабы въ этомъ мірѣ слѣпой фатальности онъ могъ основать царство свободы.

Такова задача человѣка: она неисчерпаема, она безконечна и совершенно достаточна для удовлетворенія самыхъ честолюбивыхъ умовъ и сердець. Мимолетное и непримѣтное существо среди безбрежнаго океана всемірной текучести и видоизмѣняемости, съ невѣдомой вѣчностью позади него и невѣдомой вѣчностью впереди него, человѣкъ мыслящій, дѣятельный, сознающій свое человѣческое назначеніе остается гордымъ и спокойнымъ въ сознаніи своей свободы, которую онъ самъ завоевываетъ просвѣщая, подкрѣпляя, освобождая и

въ случаѣ нужды возмущая окружающій его міръ. Вотъ его утѣшеніе, его награда, его единственный рай. Если вы его спросите, каково его внутреннее убѣжденіе и послѣднее слово относительно реальнаго единства вселенной, то онъ вамъ скажетъ, что оно заключается въ *вѣчной и вселенской текучести* въ безначальномъ, безграницномъ и безконечномъ движеніи. . . . Итакъ это абсолютная противоположность всякому ученію о Провидѣніи,—отрицаніе Бога.

Во всѣхъ религіяхъ, раздѣляющихъ между собой міръ и обладающихъ болѣе или менѣе развитой теологіей—за исключеніемъ впрочемъ Буддизма, чья странная и совершенно непопаята иѣсколькисотными милліонами послѣдователей доктрина устанавливаетъ религію безъ Бога,—во всѣхъ системахъ метафизики, Богъ является намъ какъ всевышнее существо, предвѣчно существовавшее и все предопредѣлившее, все въ себѣ содержащее, являющееся сущностью мысли и дѣйственной воли во всемъ существующемъ и предшествовавшее всему существующему, являющееся источникомъ и вѣчно причиной всякаго творенія и пребывающее неподвижнымъ и вѣчно равнымъ самому себѣ въ всемірномъ движеніи сотворенныхъ міровъ. Какъ мы видѣли, этотъ Богъ находится въ дѣйствительномъ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ той его части, которая доступна человѣку. Итакъ человѣкъ, будучи не въ состояніи найти его внѣ самаго себя, долженъ былъ найти его въ себѣ самомъ. Какимъ образомъ онъ его искалъ? — Отвлекаясь отъ всѣхъ живыхъ, реальныхъ вещей, отъ всѣхъ видимыхъ, извѣстныхъ міровъ.—Но мы видѣли, что въ концѣ этого бесплоднаго путешествія, человѣческая способность къ абстракціи не встрѣчаетъ болѣе ничего, кромѣ единственнаго предмета: она встрѣчаетъ себя самое, но освобожденную отъ всякаго содержанія и лишенную всякаго движенія за немѣннимъ предметомъ, который бы можно еще превзойти,—себя самое, какъ абсолютно неподвижное, абсолютное Небытіе.—Но религіозная фантазія говоритъ: Верховное Существо—Богъ.

Къ тому же, какъ мы уже сдѣлали замѣчаніе, человѣческая мысль наведена на это заключеніе примѣромъ того различія или даже противоположенія, кото-

рыя уже въ значительной мѣрѣ развитое мышленіе начинаетъ дѣлать между внѣшнимъ, тѣлеснымъ чело- вѣкомъ и его внутреннимъ міромъ, заключающимъ въ себѣ его мысль и волю. Естественно не подозрѣвая, что этотъ послѣдній является ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ и послѣднимъ, всегда обновляемымъ, воспроизводимымъ выраженіемъ человѣческаго орга- низма; видя напротивъ того, что въ ежедневной жизни тѣло кажется всегда повинующимся внушеніямъ мысли и воли; предполагая слѣдовательно, что душа есть, если не творецъ, то по крайней мѣрѣ всегдашній го- сподинъ тѣла, для котораго не остается другого на- значенія, какъ служить ей и проявлять ее,—религіоз- ный человѣкъ,—съ момента, что его способность къ отвлеченію дошла, описаннымъ нами образомъ, до идеи всемірнаго и всевышняго существа, которое, какъ мы доказали, является ничѣмъ инымъ, какъ этой самой способностью къ абстракціи, противопоста- вляющей себѣ самое себя, какъ объектъ,—естественно принимаетъ ее за душу всей вселенной—Бога.

Такимъ образомъ появился въ первый разъ въ исто- ріи истинный Богъ—всемірное, вѣчное, неизмѣнное существо, созданное двойнымъ дѣйствіемъ религіоз- наго воображенія и человѣческой способности къ от-влеченію. Но съ минуты, что Богъ былъ такимъ обра- зомъ познанъ и утверждёнъ, человѣкъ, забывая или лучше сказать даже не зная о своемъ собственномъ интеллектуальномъ дѣйствіи, которое единственно и создало Бога, и не узнавая себя болѣе въ своемъ соб- ственномъ созданіи: *во всемірномъ абстрактумѣ*, началъ его обожать. Роли тотчасъ же перемѣнились: сотворен- ный сталъ предполагаемымъ творцомъ, а настоящій творецъ, человѣкъ занялъ мѣсто между множествомъ другихъ несчастныхъ тварей, въ качествѣ бѣдной твари, еле-еле привилегированной по сравненію съ остальными.

Разъ Богъ былъ признанъ, то дальнѣйшее послѣ- довательное и прогрессивное развитіе различныхъ тео- логій уже понятно и естественно объясняется, какъ отраженіе историческаго развитія человѣчества. Ибо, разъ мысль о сверхъестественномъ и всевышнемъ су- ществѣ завладѣла воображеніемъ человѣка и устано-

вилась въ немъ какъ религіозное убѣжденіе, до того, что реальность этого существа кажется ему болѣе несомнѣнной, чѣмъ реальность дѣйствительныхъ вещей, которыя онъ видитъ и осязаетъ руками,—то естественно необходимо, эта мысль должна сдѣлаться главнымъ основаніемъ всего человѣческаго существованія, что она видоизмѣняетъ, проникаетъ его и властвуетъ надъ нимъ исключительнымъ и абсолютнымъ образомъ. Верховное существо тотчасъ же представляется, какъ абсолютный господинъ, какъ мысль, воля, источникъ, какъ творецъ и управитель всѣхъ вещей. Ничто не можетъ болѣе соперничать съ нимъ и все должно по сравненію съ нимъ сойти на нѣтъ. Правда всякой вещи находится лишь въ немъ одномъ и каждое отдѣльное существо, сколь бы ни было оно могущественно, и даже самъ человѣкъ могутъ съ этихъ поръ существовать лишь съ божьяго соизволенія. Все это впрочемъ совершенно логично ибо въ противномъ случаѣ Богъ не былъ бы всевышнимъ, всемогущимъ, абсолютнымъ существомъ, т. е. онъ во все бы не существовалъ.

Съ этихъ поръ, по естественной послѣдовательности мысли, человѣкъ приписываетъ Богу всѣ качества, всѣ силы, всѣ добродѣтели, которыя онъ открываетъ въ себѣ или внѣ себя. Мы видѣли, что Богъ, полагаемый, какъ верховное существо, и являющійся въ дѣйствительности ничѣмъ инымъ, какъ лишь абсолютнымъ абсолютизмомъ,—совершенно лишенъ всякаго содержанія и атрибутовъ, пусть и несуществующа, какъ само небытіе. И вотъ какъ таковой, онъ наполняется и обогащается всеми реальностями существующаго міра, котораго онъ является лишь абстракціей, по котораго Господомъ и Владыкой онъ представляется религіозной фантазіи. Отсюда вытекаетъ, что Богъ это абсолютный грабитель, и что—такъ какъ антропоморфизмъ составляетъ самую сущность всякой религіи,—небо, мѣстопребываніе безсмертныхъ Боговъ, является ничѣмъ инымъ, какъ невѣрнымъ зеркаломъ, которое отсылаетъ вѣрующему человѣку его собственное отраженіе въ опрокинутомъ и увеличенномъ видѣ.

Ибо дѣйствіе религіи заключается не только въ томъ, что она отнимаетъ у земли естественныя богат-

ства и силы, а у человѣка его способности и добродѣтели по мѣрѣ, какъ онъ открываетъ ихъ въ своемъ историческомъ развитіи, чтобы тотчасъ же перенести ихъ на небо и сдѣлать изъ нихъ божественные атрибуты или существа. Производя это перенесеніе, религія еще кореннымъ образомъ измѣняетъ природу этихъ силъ или качествъ, она ихъ извращаетъ, портитъ, давая имъ направленіе, діаметрально противоположное ихъ первоначальному направленію.

Такимъ-то образомъ человѣческій разумъ, единственный органъ, которымъ мы обладаемъ для познанія истины, становится божественнымъ разумомъ, дѣлается для насъ совершенно непонятнымъ и вѣснается въ сознаніе вѣрующихъ, какъ откровеніе нелѣпаго. Такимъ-то образомъ уваженіе къ небу переходитъ въ презрѣніе къ землѣ, а обожаніе божества въ уничтоженіе человѣчества. Человѣческая любовь, эта громадная естественная связь, которая связывая всѣ индивидуумы, всѣ народы, и дѣлая счастье и свободу каждаго зависящими отъ свободы и счастья всѣхъ другихъ, должна не смотря на различія цвѣта и расъ, соединить рано или поздно всѣхъ людей во всеобщемъ братствѣ,--эта любовь, сдѣлавшись божественной любовью и религіознымъ милосердіемъ, тотчасъ же становится бичемъ человѣчества: вся кровь, пролитая во имя религіи, съ начала исторіи, всѣ эти миллионы человѣческихъ жертвъ, закланные ради большей славы Боговъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ... Наконецъ сама справедливость, эта будущая мать равенства, разъ только она перенесена религіозной фантазіей въ небесныя области и передѣлана въ божественную справедливость, тотчасъ же возвращается на землю уже подъ теологической формой благодати, и беря всегда и вездѣ сторону самыхъ сильныхъ, сѣетъ съ этихъ поръ среди людей лишь насилія, привилегіи, монополіи и всѣ чудовищныя неравенства, освященныя историческимъ правомъ.

Мы не претендуемъ отрицать историческую необходимость религіи, мы не утверждаемъ, что она была абсолютнымъ зломъ въ исторіи. Если она зло, то она была и къ несчастью и понынѣ остается для громаднаго большинства невѣжественнаго человѣчества зломъ

неизбѣжнымъ, подобно всякимъ вообще ошибкамъ и уклоненіямъ въ сторону, неизбѣжнымъ въ развитіи всякой человѣческой способности. Религія, какъ мы сказали, это первое пробужденіе человѣческаго разума подъ формой божественнаго безумія; это первый проблескъ человѣческой истины сквозь божественныя покровы лжи; это первое проявленіе человѣческой морали, справедливости и права сквозь историческія несправедливости божественной благодати; наконецъ эта школа свободы подъ унижительнымъ и тягостнымъ игомъ божества, игомъ, которое въ концѣ концовъ необходимо будетъ свергнуть, чтобы взаправду завоевать разумный разумъ, истинную истину, полную справедливость и дѣйствительную свободу.

Въ религіи, человѣкъ животное, выйдя изъ звѣринаго состоянія, дѣлаетъ первый шагъ къ человѣчности; но покуда онъ останется религіознымъ, онъ никогда не достигнетъ своей цѣли, ибо всякая религія приговариваетъ его къ неслѣпости, и, извращая направленіе его шаговъ, заставляетъ его искать божественное вмѣсто человѣческаго. Въ религіи, народы, едва освободившись отъ естественнаго рабства, въ которомъ остаются погруженными животныя другихъ породъ, тотчасъ же находятъ новое рабство, рабство по отношенію къ сильнымъ людямъ и кастамъ, привилегированнымъ божественнымъ избраніемъ.

Однимъ изъ главныхъ атрибутовъ бессмертныхъ Боговъ является, какъ извѣстно, званіе законодателей человѣческаго общества, основателей Государства. Человѣкъ, по увѣренію почти всѣхъ религій, былъ бы неспособенъ распознать, что хорошо и что плохо, что справедливо и что несправедливо, если бы онъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ. Итакъ необходимо было, чтобы само божество, тѣмъ или другимъ способомъ, спустилось на землю, чтобы просвѣтить человѣка и основать въ человѣческомъ обществѣ политическій и социальный строй. Отсюда вытекаетъ слѣдующее побѣдоносное заключеніе: всѣ законы и всѣ предержащія власти освящены небомъ и имъ должно

всегда и во что бы то ни стало оказывать слѣдное повиненіе.

Это очень удобно для правителей и очень неудобно для управляемыхъ. А такъ какъ мы принадлежимъ къ послѣднимъ, то всѣ наши интересы требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія основательности этого утвержденія, которое всѣхъ насъ обратило въ рабовъ. Мы должны найти средство освободиться отъ его ига.

Вопросъ теперь уже для насъ чрезвычайно упростился: Богъ ли существуетъ или является ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ нашей способности къ абстракціи, соединенной съ религіознымъ чувствомъ, доставшимся намъ по наслѣдству отъ животныхъ. Богъ является лишь всемірнымъ абстрактумомъ, лишеннымъ всякаго движенія и самодѣятельности. Богъ это абсолютное Небытіе, представленное въ видѣ всевышняго существа и возвеличенное одной лишь религіозной фантазіей;—абсолютно лишенное всякаго содержанія и обогащающееся всѣми реальностями земли;—возвращающее человѣку въ извращенномъ, испорченномъ, божественномъ видѣ то, что оно раньше у него отняло. Богъ не можетъ быть ни добръ, ни золь, ни справедливъ, ни несправедливъ. Онъ не можетъ ничего желать, ничего устанавливать, ибо въ сущности онъ ничто, и становится всѣмъ лишь благодаря религіозному легковѣрью. Поэтому, если это послѣднее нашло въ немъ идеи справедливости добра, то только потому, что раньше само вложило ихъ въ него, не подозревая объ этомъ; думая, что получаетъ, оно само вкладывало. Но, чтобы вложить эти идеи въ Бога, человѣкъ долженъ былъ ихъ имѣть! Гдѣ онъ ихъ нашелъ? Конечно въ себѣ самомъ. Но все, что онъ имѣетъ, онъ получилъ сперва отъ своей животности,—ибо его духъ ничто иное, какъ выявленіе, слово его животной природы. Итакъ идеи справедливаго и хорошаго должны имѣть подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ вещамъ, корень въ самой животности человѣка.

И въ самомъ дѣлѣ, элементы того, что мы называемъ моралью, находятся уже въ животномъ мірѣ. Во всѣхъ породахъ животныхъ, безъ малѣйшаго исключенія, и лишь съ громадной разицей въ отношеніи

развитости, мы встрѣчаемъ два противоположные инстинкта: инстинктъ самосохраненія индивидуума и инстинктъ сохраненія породы, или, говоря человѣческимъ языкомъ, *эгоистическій инстинктъ и инстинктъ социальный*. Съ точки зрѣнія науки, какъ и съ точки зрѣнія самой природы, эти два инстинкта равно естественны и слѣдовательно законны, и, что всего важнѣе, равно необходимы въ естественной экономіи существъ. Индивидуальный инстинктъ является основнымъ условіемъ сохраненія породы; ибо если бы всѣ индивидуумы не защищались всѣми силами противъ всѣхъ лишеній, всѣхъ внѣшнихъ опасностей, непрестанно угрожающихъ ихъ существованію, то не могла бы существовать и сама порода, которая живетъ лишь въ индивидуумахъ и черезъ индивидуумовъ. Но если бы захотѣли судить объ этихъ двухъ стремленіяхъ, стоя на абсолютной точкѣ зрѣнія исключительнаго интереса породы, то сказали бы, что социальный инстинктъ хорошъ, а индивидуальный, поскольку онъ ему противоположенъ, дуренъ. У муравьевъ, у пчелъ добродѣтель преобладаетъ надъ порокомъ, ибо у нихъ социальный инстинктъ, какъ кажется, совершенно подавляетъ индивидуальный инстинктъ. Совершенно противоположное видимъ мы у дикихъ звѣрей, и мы не ошибемся, если скажемъ, что въ животномъ мірѣ вообще преобладаетъ эгоизмъ. Напротивъ того инстинктъ породы пробуждается лишь на короткій срокъ и длится лишь столько времени, сколько необходимо для воспроизведенія и воспитанія семьи.

Иначе обстоитъ дѣло съ человѣкомъ. Какъ кажется, и это одно изъ доказательствъ великаго превосходства человѣка надъ всѣми другими породами животныхъ,— оба противоположные инстинкта: эгоизмъ и общественность оба въ человѣкѣ и гораздо могущественнѣе и гораздо нераздѣльнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ во всѣхъ животныхъ низшихъ породъ. Человѣкъ въ своемъ эгоизмѣ свирѣпѣе самыхъ кровожадныхъ звѣрей, и въ то же время онъ еще болѣе общественъ, чѣмъ пчелы и муравьи.

Проявленіе въ какомъ либо животномъ большей силы эгоизма т. е. большей индивидуальности является несомнѣннымъ доказательствомъ сравнительно боль-

шаго совершенства его организма и знакомъ болѣе развитой сознательности. Каждая порода животныхъ подчинена, какъ таковая, специальному естественному закону, т. е. развивается и сохраняется особыми, только ей свойственными путями, которые отличаютъ ее отъ всѣхъ прочихъ животныхъ породъ. Законъ этотъ не имѣетъ реальнаго существованія помимо живыхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ управляемой имъ породѣ; вся реальность этого закона въ этихъ индивидуумахъ, но онъ абсолютно управляетъ ими и они являются его рабами. Въ самыхъ низшихъ породахъ этотъ законъ проявляется какъ фактъ скорѣй растительной, чѣмъ животной жизни; онъ почти совершенно чуждъ для индивидуумовъ, являясь почти внѣшнимъ закономъ, которому индивидуумы, если только къ нимъ можно примѣнить это названіе, повинуются такъ сказать механически. Но чѣмъ болѣе усложняются породы, приближаясь въ прогрессивномъ рядѣ все болѣе къ человѣку, тѣмъ болѣе индивидуализируется управляющій ими специальный, родовой инстинктъ, тѣмъ болѣе онъ осуществляется и проявляется въ каждомъ индивидуумѣ, который тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленный характеръ, болѣе обособленную физиономію, такъ что продолжая повиноваться этому закону такъ же фатально, какъ и другимъ, индивидуумъ съ момента, что этотъ законъ проявляется въ немъ подъ видомъ его собственнаго стремленія, подъ видомъ скорѣй внутренней, чѣмъ внѣшней необходимости,—не смотря на то, что эта внутренняя необходимость всегда производится въ немъ, безъ того, чтобы онъ это подозрѣвалъ, множествомъ внѣшнихъ причинъ,—чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, болѣе автономнымъ, болѣе одареннымъ произвольнымъ движеніемъ, чѣмъ индивидуумы низшихъ породъ. Онъ начинаетъ ощущать свою *свободу*.

Итакъ мы можемъ сказать, что сама природа въ своихъ прогрессивныхъ видоизмѣненіяхъ стремится къ освобожденію, и что уже въ естественномъ мірѣ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, большая индивидуальная свобода является несомнѣннымъ знакомъ превосходства. Существомъ, сравнительно, самымъ индивидуальнымъ

и самымъ свободнымъ, съ точки зрѣнія животнаго царства, является безспорно человѣкъ.

Мы сказали, что человѣкъ это самое индивидуальное изъ земныхъ существъ, — но онъ же является и самымъ *соціальнымъ* изъ всѣхъ существъ. Большой ошибкой со стороны Ж. Ж. Руссо было предположеніе, что первобытное общество было основано посредствомъ свободнаго договора, заключеннаго дикарями между собой. Но Руссо не единственный, кто это утверждаетъ. Большинство современныхъ юристовъ и публицистовъ, изъ школы Канта, или изъ всякой другой индивидуалистической и либеральной школы, не признаючи ни общества, основаннаго на божественномъ правѣ теологовъ, ни общества, опредѣляемаго гегелианской школой, какъ болѣе или менѣе мистичная реализація объективной Морали, ни первобытно-животнаго общества натуралистовъ, берутъ *volens volens* и за неимѣніемъ другого основанія, — за свою исходную точку *молчаливый контрактъ*. Молчаливый контрактъ! Т. е. контрактъ безъ словъ и, слѣдовательно, безъ мысли, безъ воли, — возмутительная нелѣпость! Безсмысленная фикція, и, что хуже, злая фикція. Недостойное надувательство! ибо оно предполагаетъ, что въ то время, когда я еще не былъ въ состояніи ни желать, ни думать, ни говорить, — я, только тѣмъ что далъ себя осричь безъ протеста, уже далъ согласіе на вѣчное рабство какъ свое, такъ и всего своего потомства!

Послѣдствія *общественнаго договора* по истинѣ злополучны, ибо они приводятъ къ абсолютному властвованью Государства. И однако, взятый за исходную точку принципъ кажется чрезвычайно либеральнымъ. Индивидуумы, до заключенія этого контракта, предполагаются пользующимися всецѣлой свободой, ибо, согласно этой теоріи, только естественный человѣкъ, дикарь и обладаетъ полной свободой. Мы высказали свое мнѣніе объ этой естественной свободѣ, которая является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютной зависимостью человѣка гориллы отъ постояннаго давленія вишняго міра. Но предположимъ, что человѣкъ истинно свободенъ въ исходной точкѣ своей исторіи; зачѣмъ бы тогда образовываться обществу? Ствѣчаютъ, что для того, чтобы гарантировать индивидууму безопасность отъ возмож-

ныхъ вторженій внѣшняго міра, со включеніемъ сюда всѣхъ другихъ людей, вошедшихъ или невошедшихъ въ ассоціаціи, если только они не принадлежать къ образовавшемуся новому обществу.

Итакъ вотъ каковы эти первобытные люди, совершенно свободные, каждый самъ по себѣ и для себя самого, но которые пользуются этой безграничной свободой лишь покуда не встрѣтятся другъ съ другомъ, лишь посколькѣ остаются погруженными въ абсолютное индивидуальное одиночество. Свобода одного не нуждается въ свободѣ другого, напротивъ того, каждая изъ этихъ индивидуальныхъ свободъ довольствуется сама собой, существуетъ сама по себѣ, такъ что свобода каждаго необходимо представляется отрицаніемъ свободы всѣхъ другихъ, и всѣ свободы, встрѣчаясь одна съ другой, должны взаимно ограничиваться и уменьшаться, должны противорѣчить одна другой и взаимно уничтожаться...

Дабы не уничтожиться совершенно, они заключаютъ между собой явный или молчаливый контрактъ, чрезъ который они отдаютъ часть самихъ себя, чтобы обезпечить остальное. Этотъ контрактъ становится основаніемъ общества или лучше сказать Государства; ибо надо замѣтить, что въ этой теоріи нѣтъ мѣста для общества, въ ней существуетъ только Государство, или лучше сказать общество въ ней совершенно поглощено Государствомъ.

Общество, это естественный образъ существованія людей независимо отъ всякаго контракта. Оно управляется нравами и традиціонными обычаями, но никогда не законами. Оно медленно прогрессируетъ, движимое импульсами индивидуальной инициативы, а не мыслью и волей законодателя. Существуютъ, правда, законы, произвольно управляющіе обществомъ, но это законы естественные, присущіе соціальному тѣлу, какъ физическіе законы присущи матеріальнымъ тѣламъ. Большая часть этихъ законовъ до сихъ поръ не открыта, а между тѣмъ они управляли человѣческимъ обществомъ съ его рожденія, независимо отъ мысли и воли составляющихъ его людей. Отсюда вытекаетъ, что ихъ не надо сравнивать съ законами политическими и юридическими, провозглашенными какой

нибудь законодательной властью, которые въ разбираемой нами теоріи признаются логическими выводами изъ перваго контракта, сознательно заключеннаго людьми.

Государство не является непосредственнымъ произведеніемъ природы, и мы попытаемся въ дальнѣйшемъ показать, какимъ образомъ религіозное сознаніе создаетъ его въ средѣ естественнаго общества. По мнѣнію либеральныхъ публицистовъ первое Государство было создано свободной и сознательной волей людей; по мнѣнію абсолютистовъ, оно является сознаніемъ божества. Въ обоихъ случаяхъ оно главенствуетъ надъ обществомъ и стремится его совершенно поглотить.

Во второмъ случаѣ это поглощеніе попятно само собой: божественное установленіе необходимо должно пожрать всякое естественное устройство. Что любощитве, такъ это то, что индивидуалистическая школа своимъ свободнымъ контрактомъ приходитъ къ тому же результату. И въ самомъ дѣлѣ эта школа начинаетъ съ отрицанія самого существованія естественнаго общества, которое бы предшествовало заключенію контракта—ибо подобное общество предполагаетъ между индивидуумами естественныя отношенія и слѣдовательно взаимное ограниченіе ихъ свободъ, что противорѣчитъ абсолютной свободѣ, которую каждый, согласно этой теоріи, пользуется до заключенія контракта, и что было бы не болѣе не менѣе, какъ этотъ самый контрактъ, существующій въ видѣ естественнаго факта и даже предшествующій свободному контракту. Итакъ, согласно этой теоріи, человѣческое общество начинается лишь съ заключенія контракта. Но тогда что такое общество? Это чистое, логическое осуществленіе контракта со всѣми его предначертаніями и законодательными и практическими слѣдствіями,—это Государство.

Разсмотримъ его поближе. Что оно изъ себя представляетъ? Сумму отрицаній индивидуальныхъ свободъ всѣхъ его членовъ; или же сумму жертвъ, дѣлаемыхъ всѣми его членами, отказывающимися отъ доли своихъ свободъ въ пользу общаго блага. Мы видѣли, что согласно индивидуалистической теоріи, свобода cadaго составляетъ границу или естественное отрицаніе свободы всѣхъ другихъ: ну такъ вотъ, это абсолютное ограниченіе, это отрицаніе свободы cadaго во имя сво-

боды цѣлаго или общаго права, -- это и есть Государство. Итакъ тамъ гдѣ начинается Государство, тамъ кончается индивидуальная свобода и наоборотъ.

Мнѣ отвѣтить, что Государство, представитель общественнаго блага или всеобщаго интереса, отнимаетъ у каждаго часть его свободы, лишь для того, чтобы обезпечить ему остальное. Но это остальное, это, если хотите, безопасность, но никакъ не свобода. Свобода недѣлима: нельзя урѣзать часть ее, не убивая цѣлаго. Эта малая часть, которую вы урѣзываете, эта самая сущность свободы, это все. Въ силу естественнаго, необходимаго и непреоборимаго влеченія вся моя свобода, концентрируется тотчасъ же именно въ той части, которую вы урѣзываете, сколь бы ни была эта часть мала. Это исторія жены Синей Бороды, которая имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлый дворецъ съ полной и всецѣлой свободой проникать всюду, видѣть и трогать все, за исключеніемъ маленькой комнатки, которую всевластная воля ея ужаснаго мужа запретила ей открывать подъ страхомъ смерти. И вотъ, отворотившись отъ всѣхъ великолѣпій дворца, все ея вниманіе сосредоточилось на этой плохой, маленькой комнатѣ; она открыла ее и была права, открывая ее, ибо это было необходимое проявленіе ея свободы, между тѣмъ, какъ запрещеніе входить туда было вопіющимъ нарушеніемъ этой самой свободы. И еще это исторія грѣхопаденія Адама и Евы: запрещеніе вкусить плодъ съ древа познанія, безъ другого мотива, кромѣ какъ что такова воля Господа, являлась со стороны Бога актомъ ужаснаго деспотизма, и если бы наши прародители послушались, весь человѣческій родъ оставался бы погруженнымъ въ самое унижительное рабство. Напротивъ того ихъ не послушаніе насъ освободило и спасло. Это было, говоря миѣтически, первымъ актомъ человѣческой свободы.

Но, скажутъ мнѣ, Государство, демократическое Государство, основанное на свободномъ голосованіи всѣхъ гражданъ, не можетъ быть отрицаніемъ ихъ свободы? А почему же нѣтъ? Это будетъ совершенно зависѣть отъ назначенія и власти, которую граждане предоставятъ Государству. Республиканское Государство, основанное на всеобщемъ избирательномъ правѣ, можетъ

быть очень деспотичнымъ, болѣе даже деспотичнымъ, чѣмъ монархическое Государство, если подѣ предположимъ, что оно представитель всеобщей воли, оно будетъ давить волю и свободное движеніе каждаго изъ своихъ членовъ всею тяжестью своего коллективнаго могущества.

Но Государство, скажутъ еще, ограничиваетъ свободу своихъ членовъ лишь постольку, поскольку эта свобода направлена къ несправедливости, ко злу. Оно мѣшаетъ имъ убивать другъ друга, грабить другъ друга и оскорблять другъ друга и вообще дѣлать зло, но оно, напротивъ того предоставляетъ имъ полную и всецѣлую свободу дѣлать добро. Это опять все также исторія Синей Бороды или запретнаго плода: что такое зло, что такое добро?

Съ точки зрѣнія разбираемой нами системы, до заключенія контракта не существовало различія между добромъ и зломъ, и тогда каждый индивидуумъ оставался одиноко погруженнымъ въ свою свободу и въ свое абсолютное право и нисколько не былъ обязанъ оказывать какое либо вниманіе къ свободѣ другого, развѣ только то, котораго требовала его слабость или относительная сила,—другими словами его благоразуміе и личный интересъ *). Тогда, согласно все той же теоріи, эгоизмъ былъ верховнымъ закономъ, единственнымъ правомъ: добро опредѣлялось успѣхомъ, зло—одной только неудачей, и справедливость была ничѣмъ инымъ, какъ признаніемъ совершившагося факта, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ, жестокъ и отвратителенъ,---

*) Подобныя отношенія, которыя впрочемъ никогда не могли существовать между первобытными людьми, ибо социальная жизнь предшествовала пробужденію индивидуальнаго сознанія и сознательной воли людей и потому что внѣ общества ни одинъ членъ вѣческой индивидуумъ никогда не могъ пользоваться ни абсолютной, ни даже относительной свободой, —подобныя отношенія, говоримъ мы, совершенно тождественны съ тѣми, которыя существуютъ въ настоящее время между современными Государствами, изъ которыхъ каждое считаетъ себя облегченнымъ свободой, абсолютной въ своей власти и въ своемъ правѣ и исключающей свободу всѣхъ другихъ Государствъ. Поэтому оно оказываетъ всѣмъ другимъ Государствамъ лишь то вниманіе, котораго требуетъ его собственный интересъ,--что и производитъ между всѣми государствами постольку скрытую или открытую войну.

совершенно подобно тому, какъ въ политической морали, имѣющей въ настоящее время преобладаніе въ Европѣ.

Различіе между добромъ и зломъ начинается, согласно этой системѣ лишь по заключенію общественнаго договора. Тогда все, что было признано составляющимъ общее благо, было провозглашено добромъ, а все, что противно этому благу,—зломъ. Договаривающіеся члены, сдѣлавшись гражданами, связавъ себя болѣе или менѣе торжественнымъ обѣщаніемъ, тѣмъ самымъ наложили на себя обязанности: обязанность подчинять свои частные интересы всеобщему благу, нераздѣльному интересу всѣхъ, и свои личныя права всеобщему праву, единственный представитель котораго, Государство было тѣмъ самымъ облечено властью подавлять всѣ возстанія индивидуальнаго эгоизма, но съ обязанностью защищать каждаго изъ своихъ членовъ въ неприкосновенности его правъ, пока эти послѣднія не входятъ въ противорѣчіе со всеобщимъ правомъ.

Теперь мы рассмотримъ, что должно изъ себя представлять такимъ образомъ устроенное Государство, какъ въ его отношеніяхъ къ другимъ, подобнымъ ему, Государствамъ, такъ и въ его отношеніяхъ къ управляемому имъ населенію. Это изслѣдованіе представляется намъ тѣмъ болѣе интереснымъ и полезнымъ, что Государство, такъ какъ оно опредѣляется въ этой теоріи, это именно современное Государство, поскольку оно отбросило религіозную идею, это *свѣтское или атеистическое Государство*, провозглашенное современными публицистами. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ его мораль?—Это, какъ мы сказали, современное Государство, освободившееся изъ подъ ига церкви, и слѣдовательно отбросившее всемірную или космополитическую мораль христіанской религіи, и, прибавимъ мы, еще не дошедшее до гуманитарной идеи, не проникшее гуманитарной моралью, что впрочемъ ему невозможно сдѣлать не уничтожая себя. Невозможно, ибо въ своемъ отрѣзанномъ существованіи и обособленной концентрации, государство является слишкомъ узкимъ, чтобы быть въ состояніи охватить, вмѣстить интересы всего человѣчества и слѣдовательно и всечеловѣческую мораль.

Современные Государства достигли именно выше-описаннаго состоянія. Христіанство служить имъ лишь предлогомъ и фразой, или средствомъ обманывать простецовъ, ибо они преслѣдуютъ цѣли, не имѣющія никакого отношенія къ религіознымъ идеямъ. И великіе государственные люди нашихъ дней: Пальмерстоны, Муравьевы, Кавуры, Бисмарки, Наполеоны очень бы смѣялись, если бы кто нибудь принялъ въ серьезъ ихъ религіозныя убѣжденія. Они бы смѣялись еще болѣе, если бы имъ приписали гуманитарныя чувства, намѣренія и стремленія, которыя они не пропускаютъ случая публично обозвать глупостью. Что же остается для образованія ихъ морали? Единственно, государственный интересъ. Съ этой точки зрѣнія, которая, за очень малыми исключеніями была точкой зрѣнія государственныхъ людей, *ложныхъ людей* всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, все что служитъ къ сохраненію, возвеличенію и укрѣпленію государства, какъ бы это ни было свято-татственно съ религіозной точки зрѣнія, какъ бы это ни казалось возмутительно съ точки зрѣнія человѣческой морали,—является *добромъ*, и наоборотъ все что противорѣчитъ государственному интересу, хотя бы въ другихъ отношеніяхъ это было самой святой и самой человѣчески-справедливой вещью,—является *зломъ*. Такова въ своей неподдѣльности мораль и вѣковая практика всѣхъ Государствъ.

Такова же мораль Государства, основаннаго на теоріи общественнаго договора. Согласно этой системѣ, добро и справедливость начинаютъ существовать лишь съ заключенія контракта и являются ничѣмъ инымъ, какъ содержаніемъ и цѣлью контракта, т. е. *общимъ благомъ* и *общественнымъ правомъ* всѣхъ заключившихъ его индивидуумовъ, съ оставленіемъ въ сторону *всѣхъ не принимавшихъ участія въ заключеніи контракта*. Слѣдовательно подъ добромъ въ этой системѣ понимается лишь наибольшее удовлетвореніе коллективнаго эгоизма частной и ограниченной ассоціаціи, которая, будучи основана на частичномъ пожертвованіи индивидуальнымъ эгоизмомъ со стороны каждаго изъ ея членовъ, выключаетъ изъ своей среды, въ качествѣ иностранцевъ и естественныхъ враговъ, огромное большин-

ство человѣческаго рода, входящее или невходящее въ подобныя же ассоціаціи.

Существованіе одного какого нибудь ограниченнаго Государства предполагаетъ и, въ случаѣ нужды, вызываетъ образованіе нѣсколькихъ другихъ Государствъ, ибо очень естественно, чтобы индивидуумы, находящіеся внѣ перваго Государства и угрожаемые съ его стороны въ своемъ существованіи и свободѣ, соединились въ свою очередь противъ него. И вотъ чело-вѣчество разбивается на неопредѣленное число Государствъ, чуждыхъ, враждебныхъ и угрожающихъ по отношенію другъ къ другу. Между ними нѣтъ общественнаго договора, нѣтъ общаго права, ибо въ противномъ случаѣ они бы перестали быть абсолютно независимыми другъ отъ друга Государствами и сдѣлались бы соединенными частями одного великаго Государства, Но если только это великое Государство не охватитъ все чело-вѣчество, оно будетъ противъ себя имѣть другія великія, внутренне федеративныя Государства, которыя необходимо будутъ относиться къ нему съ тою же враждебностью. Итакъ война останется верховнымъ закономъ и внутренней необходимостью въ жизни чело-вѣчества.

Каждое Государство, федеративно или нѣтъ его внутреннее устройство, должно стремиться, подъ страхомъ гибели, сдѣлаться самымъ могущественнымъ. Оно должно пожирать, дабы не быть пожраннымъ, завоевывать, чтобы не быть завоеваннымъ, поработать, чтобы не быть поработаннымъ, ибо двѣ равныя, но и въ то же время противоположныя силы не могутъ существовать, не уничтожая другъ друга.

Итакъ Государство это самое вопіющее, самое циническое и самое полное отрицаніе чело-вѣчества. Оно разрываетъ всемірную солидарность всѣхъ людей на землѣ, и соединяетъ часть ихъ лишь съ цѣлью уничтоженія, завоеванія и поработенія всѣхъ остальныхъ. Оно беретъ подъ свое покровительство лишь своихъ собственныхъ гражданъ, признаетъ чело-вѣческое право, чело-вѣчность и цивилизацію лишь внутри своихъ собственныхъ границъ; не признавая внѣ себя самого никакого права, оно логически присваиваетъ себѣ право самой свирѣпой безчеловчности по отношенію ко всѣмъ

иностраннымъ народностямъ, которыхъ оно можетъ по своему произволу грабить, уничтожать или поработать. Если оно и выказываетъ по отношенію къ нимъ великодушіе и человеѣчность, то никакъ не изъ за чувства долга; ибо оно имѣетъ обязанности лишь по отношенію къ самому себѣ во первыхъ; и во вторыхъ къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые его свободно основывали, которые продолжаютъ его свободно составлять, или даже, какъ это всегда въ концѣ концовъ случается, сдѣлались его подданными. Такъ какъ интернаціональное право не существуетъ, такъ какъ оно никакъ не можетъ существовать серьезнымъ и дѣйствительнымъ образомъ, не подкапывая въ самомъ основаніи принципъ абсолютной верховности Государства, то Государство не можетъ имѣть никакихъ обязанностей по отношенію къ иностраннымъ народностямъ. Итакъ, если оно человеѣчно обращается съ покореннымъ народомъ, если оно лишь на половину его обираетъ и уничтожаетъ, если оно не низводитъ его до послѣдней степени рабства, то оно поступаетъ такъ изъ политики, можетъ быть изъ осторожности, или по чистому великодушію, по никогда не по долгу,—ибо оно имѣетъ абсолютное право располагать покоренными народами по своему произволу.

Это вопіющее отрицаніе человеѣчности, составляющее сущность Государства, является съ точки зрѣнія Государства высшимъ долгомъ и самой большою добродѣтелью: оно называется *патриотизмомъ* и составляетъ всю *трансцендентную мораль* Государства. Мы называемъ ее трансцендентною моралью, потому что она обыкновенно превосходитъ уровень человеѣческой, частной или общественной морали и справедливости, и тѣмъ самымъ чаще всего становится въ противорѣчіе съ ними. Такъ напримѣръ оскорблять, угнетать, грабить, обирать, убивать или поработать своего ближняго, считается съ точки зрѣнія обыкновенной человеѣческой морали преступленіемъ. Напротивъ того въ общественной жизни и съ точки зрѣнія патриотизма, когда это дѣлается для большей славы Государства, для сохраненія или расширенія его могущества, то все это становится долгомъ и добродѣтелью. И эта добродѣтель, этотъ долгъ обязательны для каждаго гражданина-пат-

ріста; каждый считается обязаннымъ ихъ выполнять и не только противъ иностранцевъ, но даже противъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ, подобныхъ ему членовъ и подданныхъ Государства, всякій разъ, какъ того требуетъ благо Государства.

Это объясняетъ намъ почему съ самаго начала исторіи, т. е. съ зарожденія Государствъ, политическій міръ всегда былъ и продолжаетъ быть ареной высшаго мошенничества и несравненнаго разбоя, — разбоя и мошенничества къ тому же высоко уважаемыхъ, ибо они предписаны патріотизмомъ, трансцендентной моралью и верховнымъ интересомъ Государства. Это объясняетъ намъ почему вся исторія древнихъ и современныхъ Государствъ является лишь рядомъ возмутительныхъ преступленій; почему короли и министры въ прошедшемъ и настоящемъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ: (государственные люди, дипломаты, бюрократы и войны являются, если ихъ судить съ точки зрѣнія простой морали и человѣческой справедливости, достойными сто разъ, тысячу разъ висѣлицы или каторги; ибо не существуетъ ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступленія, обмана, низкой сдѣлки, циническаго воровства, безстыднаго грабежа и грязной измѣны, которые бы не были, которые бы не продолжали быть ежегодно совершаемыми представителями Государствъ, безъ другого извиненія, кромѣ эластичнаго, столь удобнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь страшнаго слова: *государственный интересъ*.

Истинно ужасное слово! оно развратило и обезчестило большее число лицъ въ официальныхъ сферахъ и правящихъ классахъ общества, чѣмъ само Христіанство. Какъ только это слово произнесено, все замолкаетъ, все исчезаетъ: добросовѣтность, честь, справедливость, право, само состраданіе, и вмѣстѣ съ нимъ логика и здравый смыслъ; черное становится бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, отвратительное — человѣческимъ, а самые подлые обманы, самыя ужасныя преступленія становятся достойными поступками!

Великій итальянскій философъ и политикъ, Макиавелли, былъ первымъ, произнесшимъ это слово, или по крайней мѣрѣ первымъ, придавшимъ ему его настоящее значеніе и огромную популярность, которою

оло еще и досель пользуется въ правящемъ мірѣ. Самый реалистическій и позитивистическій изъ всѣхъ мыслителей, Макиавелли первый понялъ, что круныя и могущественныя Государства могутъ быть оспеваны и поддерживаемы лишь преступленіями,—множествомъ большихъ преступленій и самымъ крайнимъ презрѣніемъ ко всему, называемому честностью. Онъ это написалъ, объяснилъ и доказалъ со страшной откровенностью. И такъ какъ идея человѣчества была въ то время совершенно невѣдома; такъ какъ идея братства, не человѣческаго, а религіознаго, проповѣдываемая католической церковью, была въ то время, какъ и всегда, ничѣмъ инымъ, какъ ужасной пропіей, которую Церковь разоблачала каждое мгновенье своими же мѣропріятіями; такъ какъ во время Макиавелли никому бы не пришло даже въ голову, что существуетъ какое то народное право,—ибо народы всегда были разсматриваемы, какъ инертная и тупая масса, приговоренная къ безконечному послушанію, какъ своего рода мясо для Государствъ, какъ предметъ стрижки и обрания; такъ какъ нигдѣ ни въ Италіи, ни виѣ ея не было ничего, что бы было выше Государства,—то Макиавелли заключилъ съ большой логичностью, что Государство есть высшая цѣль всего человѣческаго существованія, что надо служить ему во что бы то ни стало, и что хорошій патріотъ не долженъ останавливаться, служа ему, ни передъ какимъ преступленіемъ, ибо интересъ Государства перевѣшиваетъ все остальное. Макиавелли совѣтуетъ преступленіе, онъ предписываетъ его и объявляетъ что оно необходимое условіе политической мудрости и истиннаго патріотизма. Называется ли Государство монархіей или республикой, преступленіе равно необходимо для его торжества и для его сохранения. Преступленіе измѣнить конечно свое направленіе и цѣль, но характеръ его останется тотъ же. Это будетъ всегда мощное, непрестанное поправіе справедливости, состраданія и честности—ради блага Государства.

Да Макиавелли правъ; мы не можемъ въ этомъ сомнѣваться послѣ опыта трехъ съ половиной столѣтій, присоединившагося къ его опыту. Да, вся исторія говоритъ намъ это: маленькія Государства добродѣтельны лишь благодаря своей слабости, а могущественныя

Государства поддерживаются лишь преступленіемъ. Только выводъ нашъ будетъ совершенно иной, чѣмъ выводъ Макиавелли и это по очень простой причинѣ: мы дѣти Революціи и мы наслѣдовали отъ нее Религію человѣчества, которую мы должны основать на развалинахъ Религіи божества; мы вѣримъ въ права человѣка, въ достоинство и необходимое освобожденіе человѣческаго рода; мы вѣримъ въ человѣческую свободу и въ человѣческое братство, основанное на человѣческой справедливости. — Однимъ словомъ мы вѣримъ въ побѣду человѣчества на землѣ. Но это торжество, которое мы призываемъ своими пожеланіями, которое мы стремимся ускорить соединенными условіями является по самой природѣ своей отрицаніемъ преступленія, которое само ничто иное, какъ отрицаніе человѣчества. Итакъ торжество человѣчества можетъ осуществиться лишь когда преступленіе перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно является въ настоящее время почти повсюду: *самымъ основаніемъ политическаго существованія націй поглощенныхъ, поработченныхъ государственной идеей.* — И такъ теперь уже доказано, что никакое Государство не можетъ существовать, не совершая преступленій, или по крайней мѣрѣ не мечтая о нихъ, не обдумывая ихъ исполненіе, если оно по безсилію и не можетъ выполнять ихъ на дѣлѣ, — то мы въ настоящее время заключаемъ, *что безусловно необходимо уничтоженіе Государствъ* или, если это больше нравится, ихъ полное и коренное переустройство, въ томъ смыслѣ, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху внизъ державами, основанными на насилиі или на авторитетѣ какого-нибудь принципа, и напротивъ того реорганизовались бы снизу вверхъ, съ абсолютной свободой для всѣхъ частей соединяться или не соединяться и съ сохраненіемъ для каждой части свободы всегда выйти изъ этого соединенія, даже если бы она вошла въ него по доброй волѣ; реорганизовались бы согласно дѣйствительнымъ интересамъ и естественнымъ стремленіямъ всѣхъ частей, черезъ свободную федерацію индивидуумовъ и ассоціацій, коммунъ, областей, провинцій, и націй въ единое человѣчество.

Таковы выводы, къ которымъ насъ необходимо приводитъ изслѣдованіе внѣшнихъ отношеній даже такъ

называемаго свободнаго Государства къ другимъ Государствамъ. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что Государство, основывающееся на божественномъ правѣ или религіозной санкціи приходитъ совершенно къ тѣмъ же результатамъ. Разсмотримъ теперь отношеніе Государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ, къ своимъ собственнымъ гражданамъ или подданнымъ.

Мы видимъ, что выбрасывая огромное большинство человѣческаго рода изъ своей среды, что ставя его внѣ сферы своихъ обязательствъ, внѣ круга своей морали, справедливости и права, Государство отрицаетъ человѣчество и посредствомъ высокопарнаго слова: Патріотизмъ, обязываетъ своихъ подданныхъ къ несправедливости и жестокости, какъ къ высшему долгу. Оно ограничиваетъ, обрубаешь, убиваетъ въ нихъ человѣчность, дабы, переставъ быть людьми они сдѣлались только гражданами, или—съ точки зрѣнія исторической послѣдовательности фактовъ справедливей сказать—чтобы они не переросли уровень гражданина, не достигли до высоты челоуѣка. Мы видѣли еще, что всякое Государство, должно подъ страхомъ гибели и поглощенія сосѣдними Государствами, стремиться къ всемогуществу, а, сдѣлавшись могущественнымъ, оно должно завоевывать другія Государства. Кто говоритъ о завоеваніи говоритъ о завоеванныхъ, угнетенныхъ, обращенныхъ въ рабство народахъ, подъ какой бы это ни дѣлалось формой или названіемъ. Итакъ рабство является необходимымъ слѣдствіемъ существованія Государства.

Рабство можетъ измѣнять формы и имена, по сути его остается неизмѣнной. Эта суть выражается въ слѣдующихъ словахъ: *быть рабомъ значитъ быть принужденнымъ работать для другого,—также какъ быть господиномъ это значитъ пользоваться работою другого.* Въ древнемъ мірѣ, подобно тому какъ теперь въ Азіи, въ Африкѣ и даже еще въ части Америки, рабы назывались прямо рабами. Въ среднихъ вѣкахъ они получили имя: крѣпостныхъ, въ настоящее время ихъ называютъ наемниками. Положеніе этихъ послѣднихъ гораздо болѣе достойно и менѣе тяжело, чѣмъ положеніе рабовъ, но тѣмъ не менѣе они все же принуждены голодомъ, а также политическими и социальными

учреждениями производить очень тяжелую работу, для того чтобы дать возможность другим проводить жизнь въ совершенномъ или относительно бездѣйствіи. Слѣдовательно опи рабы. И вообще ни одно, древнее или современное государство, никогда не могло обойтись безъ принужденной работы наемныхъ и ноработенныхъ массъ, какъ главнаго и совершенно необходимаго условія досуга, свободы и образованія политическаго класса — гражданъ.— Въ этомъ отношеніи даже Соединенные Штаты Сѣверной Америки не составляютъ исключенія.

Таковы внутреннія условія жизни Государства, необходимо вытекающія изъ его внѣшняго положенія т. е. изъ его естественной, постоянной и неизбѣжной враждебности по отношенію ко всѣмъ другимъ Государствамъ. Посмотримъ теперь, каковы условія, непосредственно вытекающія для согражданъ изъ свободнаго договора, на которомъ они основываютъ Государство.

Назначеніе Государства не ограничивается обезпеченіемъ безопасности своихъ членовъ противъ всѣхъ внѣшнихъ нападеній, оно должно еще во внутренней жизни защищать ихъ другъ отъ друга и *каждаго отъ самого себя*. Ибо Государство,—и это его характеристичная и основная черта,—всякое Государство, какъ и всякая теологія, основывается на предположеніи, что человѣкъ существенно зомь и дурень. Въ Государствѣ, нами теперь разсматриваемомъ, добро, какъ мы видѣли, начинается лишь съ заключенія государственнаго договора и является слѣдовательно лишь слѣдствіемъ этого договора и даже его содержаніемъ. Оно не является порожденіемъ свободы. Напротивъ, покуда люди остаются уединенными въ своей абсолютной индивидуальности, пользуясь всей своей естественной свободой, не знающей другихъ границъ, кромѣ границъ возможности, а не права, до тѣхъ поръ они оскорбляютъ другъ друга, взаимно другъ друга обкрадываютъ, обираютъ, убиваютъ и пожираютъ, каждый въ мѣру своего ума, своей хитрости, своихъ матеріальныхъ силъ, подобно тому какъ поступаютъ, какъ мы это уже видѣли, въ настоящее время Государства.—Итакъ человѣческая природа естественно

рождаетъ не *добро*, но *зло*; человѣкъ по природѣ дурень. Какимъ образомъ онъ такимъ сдѣлался. Объяснить это—дѣло теологін. Фактъ тотъ, что Государство, при своемъ рожденіи, находитъ человѣка уже дурнымъ и берется сдѣлать его хорошимъ, т. е. пересоздать естественнаго человѣка въ гражданина.

На это можно возразить, что такъ какъ Государство является произведеніемъ свободно законченнаго договора, а добро является произведеніемъ Государства, то слѣдовательно оно—произведеніе свободы! Подобный выводъ совершенно не вѣренъ. Государство даже по этой теоріи не является произведеніемъ свободы, но напротивъ того пожертвованія и добровольнаго отреченія отъ свободы. Люди въ естественномъ состояніи совершенно свободны съ точки зрѣнія *права*, но *на дѣлѣ* они подвержены всѣмъ опасностямъ, которыя каждую минуту угрожаютъ ихъ жизни и безопасности. И вотъ, чтобы обезпечить и спасти эту послѣднюю, они жертвуютъ, они отрекаются отъ большей или меньшей части своей свободы, и поскольку они пожертвовали ею ради своей безопасности, поскольку они стали гражданами, постольку они сдѣлались *рабами Государства*. Итакъ мы правы, утверждая, что *съ точки зрѣнія Государства добро рождается не изъ свободы, но напротивъ того изъ отрицанія свободы*.

Не удивительно ли это подобіе между теологіей—этой наукой Церкви, и политикой—этой теоріей Государства, не удивительно ли эта встрѣча двухъ столь различныхъ по внѣшности родовъ мыслей и фактовъ въ одномъ и томъ же убѣжденіи: *о необходимости закланія человеческой свободы ради насажденія въ людяхъ нравственности и пересозданія ихъ, согласно Церкви—въ святыхъ, согласно Государству—въ добродѣтельныхъ гражданъ*.—Что касается до насъ, мы несколько этому не удивляемся ибо мы убѣждены и стараемся ниже это доказать, что политика и теологія это двѣ сестры, имѣющія одно происхожденіе и преслѣдующія одну цѣль подъ разными именами; что всякое Государство является земной церковью, подобно тому какъ въ свою очередь всякая церковь, вмѣстѣ со своимъ небомъ—мѣстопребываніемъ блаженныхъ и безсмертныхъ Бо-

говъ, является ничѣмъ инымъ, какъ небеснымъ Государствомъ.

Итакъ Государство, какъ и церковь, исходитъ изъ того основаго предположенія, что люди существенно дурны и что предоставленные своей естественной свободѣ они бы раздирали другъ друга и являли зрѣлище самой ужасной анархїи, гдѣ самые сильные убивали бы или эксплуатировали самыхъ слабыхъ.— Не правда ли это было бы нѣчто совершенно противоположное тому, что просодить въ настоящее время въ нашихъ образцовыхъ Государствахъ?—Дальше теорїя Государства возводитъ въ принципъ положеніе, что, для того чтобы установить общественный порядокъ необходима высшая власть, что для того, чтобы управлять людьми и подавлять ихъ дурныя страсти, необходимъ управитель и узда; но что эта власть должна принадлежать человѣку гениальному и добродѣтельному *), законодателю своего народа, какъ Моисей, Ликургъ и Солонъ,—и что тогда этотъ вождь и эта узда будутъ воплощать въ себѣ мудрость и карающую мощь Государства.

Во имя логики мы бы очень могли поспорить объ умѣнности законодателя, ибо въ разсматриваемой нами теперь системѣ рѣчь идетъ не о кодексѣ законовъ, налагаемомъ какой нибудь властью, а взаимномъ договорѣ, свободно заключенномъ свободными основателями Государства. И такъ какъ эти основатели, согласно разбираемой системѣ, были не болѣе не менѣе, какъ дикарями, которые съ тѣхъ поръ жили въ самой полной естественной свободѣ и слѣдовательно должны были не знать различія между добромъ и зломъ, то мы могли бы спросить, какимъ образомъ они вдругъ сумѣли ихъ различить и отдѣлить? Правда, намъ могутъ возразить, что дикари заключили вначалѣ свой взаимный договоръ съ единственной цѣлью обезпечить свою безопасность; поэтому то, что они называли *добромъ* было ничто иное, какъ обязательное поведеніе, определенное небольшо-

*) Это идеаль Маццини.—Смотрѣть *Doveri dell'uomo* (Napoli 1860) p. 83 и а *Pio IX* Пара, p. 27: „Мы вѣримъ что Высшая Власть свята, когда освященная гениемъ и добродѣтелью, этими единственными священнослужителями будущаго, и явившая въ себѣ великую силу жертвовать, она проповѣдуетъ добро и добровольно признавая ведетъ къ нему видимымъ образомъ“...

численными пунктами ихъ договора, какъ наиримѣрь: не убивать другъ друга, не грабить имущество другъ друга и поддерживать другъ друга противъ всѣхъ, производимыхъ извнѣ нападеній. Но вносльдствіи законодатель, гениальный и добродѣтельный человекъ, рожденный въ средѣ уже установленной ассоціаціи и поэтому воспитанный въ нѣкоторой степени въ ея духъ, могъ расширить и углубить условія общественной жизни и такимъ образомъ создать первый кодексъ нравственности и законовъ.

Но сейчасъ же возникаетъ другой вопросъ. Предположимъ, что человекъ одаренный необычайнымъ гениемъ и рожденный въ средѣ этого очень еще первобытнаго общества, былъ въ состояніи, при помощи очень грубаго воспитанія, которое онъ получилъ въ этомъ обществѣ, и благодаря своему гению, возвыситься съ созданія кодекса нравственности. Но какимъ образомъ могъ онъ добиться, чтобы этотъ кодексъ былъ принятъ его народомъ? Силою одной логики?—Это невозможно. Логика всегда кончается тѣмъ, что торжествуетъ, даже надъ самыми затвердѣлыми умами, но для этого надо много больше времени, чѣмъ срокъ жизни одного человека, а имѣя дѣло съ мало развитыми умами, потребовалось бы пожалуй даже нѣсколько столѣтій. Съ помощью силы, принужденія? Но тогда это уже будетъ общество, основанное не на свободномъ договорѣ, а на завоеваніи, на порабощеніи. Такое предположеніе приведетъ насъ прямо къ дѣйствительнымъ, историческимъ обществамъ, въ которыхъ всѣ вещи объясняются, правда, гораздо болѣе естественно, чѣмъ въ теоріяхъ нашихъ либеральныхъ экономистовъ, но чье изслѣдованіе и изученіе не только не служатъ къ прославленію Государства, о которомъ такъ заботятся эти господа, но напротивъ того заставляютъ насъ, какъ мы это позже увидимъ, желать въ возможно скоромъ времени его полнаго и кореннаго уничтоженія.

Остается третій способъ, посредствомъ котораго великій законодатель могъ бы заставить своихъ согражданъ принять свой кодексъ: а именно божественный авторитетъ. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что величайшіе изъ извѣстныхъ законодателей, отъ Моисея до Магомета включительно, прибѣгли къ этому средству.

Оно очень могущественно среди народовъ, гдѣ вѣрованья и религіозное чувство имѣють еще большое вліяніе. Но общество, основанное посредствомъ этого способа не является уже обществомъ основаннымъ на свободномъ договорѣ. Основанное непосредственнымъ воздѣйствіемъ божеской воли, оно необходимо будетъ Государствомъ теократическимъ, монархическимъ или аристократическимъ, но ни въ какомъ случаѣ не демократическимъ. А такъ какъ съ Богами торговаться нельзя, такъ какъ они столь же могущественны, какъ и деспотичны, то приходится слѣдно принимать все, что они налагають и подчиняться ихъ воли во что бы то ни стало. Отсюда вытекаетъ, что въ законодательствѣ, диктуемомъ Богами, нѣтъ мѣста для свободы. Итакъ мы оставимъ пока предположеніе (впрочемъ очень вѣрное), объ основаніи Государства прямымъ или непрямымъ воздѣйствіемъ и, пообщавъ себѣ разсмотрѣть его впоследствии, теперь возвратимся къ изслѣдованію свободного Государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ. Правда мы пришли къ убѣжденію въ совершенной невозможности объяснить противорѣчивый въ себѣ самомъ фактъ законодательства, порожденнаго гениемъ одного человѣка и единогласно провозглашеннаго, свободно принятаго цѣлымъ народомъ дикарей, безъ того чтобы законодатель долженъ былъ прибѣгнуть къ грубой силѣ или къ какому нибудь божественному надувательству; но мы соглашаемся допустить это чудо и просимъ теперь объясненія другого чуда не менѣе труднаго для пониманія, чѣмъ первое: предположимъ что новый кодексъ нравственности и законовъ провозглашенъ и единогласно принятъ, но какимъ образомъ проходитъ онъ въ практику, въ жизнь? Кто наблюдаетъ за его исполненіемъ?

Можно ли предположить, чтобы послѣ этого единогласнаго принятія, всѣ или, хотя бы, большинство дикарей, составляющихъ первобытное общество и которые, до того какъ новое законодательство было провозглашено, были погружены въ самую полную анархію, вдругъ всѣ сразу въ силу одного этого провозглашенія и свободного привятія до такой степени переѣнились, что начали бы по собственному почину и безъ другой побудительной причины кромѣ своихъ собствен-

ныхъ убѣжденій, добросовѣстно соблюдать и правильно выполнять всѣ предписанія и законы, налагаемые на нихъ невѣдомой до сихъ поръ для нихъ моралью?

Допущеніе возможности такого чуда было бы равносильно признанію бесполезности Государства, признанію, что естественный человѣкъ способенъ понимать, желать и дѣлать добро, побуждаемый единственно своею собственной свободой; а это было бы столь же противно теоріи такъ называемаго свободнаго Государства, какъ и теоріи Государства религіознаго или божескаго. Въ основаніи обоихъ лежитъ предположеніе, что человѣкъ неспособенъ возвыситься до добра и дѣлать его по собственному, естественному побужденію, ибо это побужденіе, согласно этимъ самымъ теоріямъ непреодолимо и непрестанно влечетъ людей ко злу. Итакъ обѣ теоріи насъ учатъ, что для того, чтобы обезпечить соблюденіе принциповъ и выполненіе законовъ въ какомъ бы то ни было человѣческомъ обществѣ, необходимо, чтобы въ главѣ Государствъ стояла бдительная, правящая и, въ случаѣ нужды, карающая власть.—Остается узнать, кто можетъ и долженъ ею обладать?

Относительно Государства, основаннаго на божескомъ правѣ и чрезъ вмѣшательство какого нибудь Бога, отвѣтъ очень легокъ: власть должна принадлежать во первыхъ священникамъ, во вторыхъ свѣтскимъ властямъ, освященнымъ священниками. Гораздо болѣе затруднителенъ отвѣтъ, если стоять на почвѣ теоріи Государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ чистой демократіи, гдѣ царитъ свобода, кто же долженъ быть стражемъ и исполнителемъ законовъ, защитникомъ справедливости и общественнаго порядка противъ злыхъ страстей каждаго?—Вѣдь каждый признается неспособнымъ управлять и обуздывать самого себя въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для блага Государства, ибо свобода каждаго имѣетъ естественное влеченіе ко злу.—Итакъ кто же будетъ выполнять обязанности Государства?

Скажутъ: самые лучшіе изъ гражданъ, самые умные и добродѣтельные, тѣ, которые лучше другихъ поймутъ общіе интересы общества и необходимость для каждаго, долгу каждаго подчинять имъ свои частные интересы.

Въ самомъ дѣлѣ необходимо, чтобы эти люди были столь же умны, какъ и добродѣтельны, ибо еслибы они были только умны безъ добродѣтели, они бы могли заставить общественныя дѣла служить ихъ личнымъ интересамъ, а если бы они были добродѣтельны, но не умны, они бы неизбежно провалили общественное дѣло, несмотря на всю свою добросовѣстность. Итакъ, для того чтобы республика не погибла, необходимо, чтобы она обладала во всѣ эпохи извѣстнымъ количествомъ такого рода людей; надо, чтобы во все продолженіе ея существованія не прерывался бы послѣдовательный рядъ добродѣтельныхъ и вмѣстѣ умныхъ гражданъ.

Вотъ условіе, осуществляющееся не легко и не часто. Въ исторіи, каждой страны эпохи, являющія значительное число выдающихся людей отмѣчаются, какъ эпохи необыкновенныя, блещущія сквозь мглу вѣковъ. Обыкновенно въ правящихъ сферахъ преобладаетъ посредственность, преобладаетъ сѣрый цвѣтъ, а часто, какъ мы это видимъ изъ исторіи, его мѣсто занимаютъ цвѣта черный и красный, т. е. торжествующіе пороки и кровавое насиліе. Мы могли бы отсюда заключить, что если бы была правда, какъ это съ очевидностью вытекаетъ изъ теоріи такъ называемаго рациональнаго или либеральнаго Государства, что сохраненіе и существованіе всякаго политическаго общества зависятъ отъ непрерывающейся послѣдовательности замѣчательныхъ какъ по уму, такъ и по добродѣтели людей,—то изъ всѣхъ въ настоящее время существующихъ обществъ, нѣтъ ни одного, которое не должно бы было уже давно погибнуть. Если мы къ этой трудности, чтобы не сказать невозможности, прибавимъ тѣ, которыя возникаютъ изъ совершенно особаго развращающаго дѣйствія, оказываемаго на человѣка обладаніемъ властью, если мы прибавимъ чрезвычайныя искушенія, которымъ неизбежно подвержены всѣ люди, облеченные властью, прибавимъ воздѣйствія честолюбія, соперничества, завистей и гигантскихъ жадностей, которыя осаждаютъ день и ночь именно самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, и противъ которыхъ не обезпечиваютъ ни умъ, ни даже добродѣтель,—ибо добродѣтель отдѣльнаго человѣка можетъ сломиться,—то мы

думаемъ, что имѣемъ полное право сказать, что всё общества существуютъ благодаря чуду! но оставимъ это.

Предположимъ, что въ идеальномъ обществѣ находится въ каждую эпоху достаточное число людей равно умныхъ и добродѣтельныхъ, которые могутъ достойно выполнять государственныя функціи. Но кто ихъ найдетъ, кто ихъ различитъ, кто вложитъ въ ихъ руки бразды правленій? Или они сами ихъ захватятъ въ сознаніи своего ума и добродѣтели, подобно тому, какъ это сдѣлали два греческіе мудреца Клеобулъ и Періандръ, которымъ, несмотря на ихъ великую, предпологаемую мудрость, греки тѣмъ не менѣе дали имя тиранновъ? Но какимъ образомъ они захватятъ власть? Посредствомъ убѣжденія или посредствомъ силы? Если посредствомъ убѣжденія то мы сдѣлаемъ замѣчаніе, что можно хорошо убѣждать лишь въ томъ, въ чемъ самъ убѣжденъ, а что именно лучшие люди бываютъ всего менѣе убѣждены въ своемъ собственномъ достоинствѣ; если они имѣютъ даже его сознаніе, то имъ обыкновенно непріятно заботиться о его всеобщемъ признаніи, между тѣмъ какъ люди дурные и средніе, вѣчно собой удовлетворенные, не испытываютъ никакого стѣсненія въ самохвальствѣ. Но предположимъ, что желаніе служить своему отечеству, заставило замолчать въ истинно достойныхъ людяхъ эту чрезмѣрную скромность; они выступаютъ передъ избирательнымъ собраніемъ своихъ согражданъ. Будутъ ли они однако всегда выбраны, всегда предпочтены народомъ честолюбивымъ, краснорѣчивымъ и ловкимъ интриганамъ? Если же, напротивъ того, они хотятъ достичь власти силой, то во первыхъ имъ необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи достаточно силы, чтобы сломить сопротивленіе цѣлой партіи. Они достигнутъ власти черезъ междоусобную войну, въ результатъ которой окажется продолженіе существованія не примиренной, а лишь побѣжденной и всегда враждебной партіи. Чтобы сдерживать ее, имъ будетъ необходимо продолжать пользоваться силой. Итакъ это не будетъ уже свободное общество, но деспотическое Государство, основанное на насиліи и въ которомъ вы можете быть найдете много вещей, которыя покажутся вамъ восхитительными—но никогда не найдете свободы.

Итакъ чтобы сохранить фикцію свободнаго Государства, имѣющаго въ своей исходной точкѣ общественный договоръ, намъ нужно предположить, что большинство гражданъ обладаетъ всегда необходимымъ благоразуміемъ, прозорливостью и справедливостью, чтобы поставлять во главѣ правленія самыхъ достойныхъ и самыхъ способныхъ людей. Но для того чтобы народъ проявлялъ, и не разъ и не случайно, а всегда, во всѣхъ производимыхъ имъ выборахъ, во все продолженіе своего существованія, эту прозорливость, эту справедливость, это благоразуміе, не надо-ли, чтобы онъ самъ, взятый въ цѣломъ, достигъ той степеніи нравственнаго развитія и культуры, при которой правительство и Государство уже совершенно бесполезны? Такой народъ долженъ-бы былъ прямо жить, предоставляя полную свободу всѣмъ своимъ влеченіямъ. Справедливость и общественный порядокъ возникнуть сами по себѣ и естественно изъ его жизни, и Государство, переставъ быть провидѣніемъ, опекуномъ, воспитателемъ, управителемъ общества, отказавшись отъ всякой карательной власти и ниспавъ до подчиненной роли, указываемой ему Прудомъ, сдѣлается ничѣмъ инымъ, какъ простымъ дѣловымъ бюро, своего рода центральной счетной кассой, предназначенной для услугъ обществу.

Безъ сомнѣнія такая политическая организація, или, лучше сказать, такое ослабленіе политическихъ силъ въ пользу свободы общественной жизни, было бы для общества великимъ благодѣяніемъ, но оно бы нисколько не удовлетворило приверженцевъ Государства во что бы то ни стало. Имъ непременно нужно Государство — провидѣніе, Государство — правитель общественной жизни, Государство чинящее судъ и поддерживающее общественный порядокъ. Другими словами, сознаются ли они себѣ въ этомъ или нѣтъ, называются-ли республиканцами, демократами или даже социалистами, — имъ всегда нужно, чтобы управляемый народъ былъ болѣе или менѣе невѣжественъ, ничтожепъ, неспособенъ, или, называя вещи ихъ собственными именами, чтобы народъ былъ болѣе или менѣе — *каналья*. Это необходимо имъ конечно для того, чтобы превозмогши безкорыстіе и скромность, они могли бы

оставаться на первых мѣстахъ для того, чтобы они имѣли всегда возможность пожертвовать собою ради общественной пользы и чтобы сильные своимъ добродѣтельнымъ самоотверженіемъ и своимъ исключительнымъ умомъ, будучи привилегированными стражами человеческого стада, толкая его къ его благу и направляя его къ его спасенію, они могли бы также его немного стричь.

Всякая послѣдовательная и некрепкая теорія Государства существенно основана на принципі *высшей власти* т. е. на той теологической, метафизической и политической идеѣ, что массы, будучи сами во вѣки неспособны къ самоуправленію, должны всегда пребывать подъ благодѣтельнымъ игомъ мудрости и справедливости, которая тѣмъ или инымъ способомъ налагается на нихъ сверху. Но налагаются во имя кого и къмъ? Высшая власть, признаваемая и уважаемая массами за таковую, можетъ имѣть лишь три источника: силу, религію и дѣятельность высшаго ума. Въ послѣдствіи мы будемъ говорить о Государствахъ, основанныхъ на двойной власти религіи и силы; теперь, рассматривая теорію Государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ, мы должны выключить оба эти фактора. Итакъ намъ остается лишь случай власти основанной на высшемъ умѣ, который какъ извѣстно, всегда составляетъ удѣлъ меньшинства.

И въ самомъ дѣлѣ что мы видимъ во всѣхъ прошлыхъ и настоящихъ Государствахъ, даже если они обладаютъ самыми демократическими учреждениями, какъ напр. Соединенные Штаты въ Сѣверной Америкѣ и Швейцарія? Народное Self-government, несмотря на влѣшній видъ народнаго всемогущества, остается почти всегда въ состояніи фикціи. Въ дѣйствительности меньшинство является правящимъ классомъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ до послѣдней войны за освобожденіе рабовъ и отчасти даже до сихъ поръ—напр. вся партія нынѣшняго президента Юнсона—правительственной партіей были и остаются такъ называемые демократы, крайніе сторонники рабства и свирѣпой олигархіи плантаторовъ, безсовѣстные, продажные демогаги, готовые все закласть ради своей жадности, своего зловреднаго честолюбія. и которые своимъ отвра-

тительнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ, которыми они безпрятственно обладали около пятидесяти лѣтъ кряду, сильно способствовали извращенію политическихъ правотъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время истинно просвѣщенное, великодушное меньшинство, но все же и опять-таки *меньшинство*,—партія республиканцевъ, съ успѣхомъ борется съ зловерной политикой демократовъ. Будемъ надѣяться, что его торжество будетъ полнымъ, будемъ на это надѣяться ради блага всего человѣчества: но сколь бы ни была велика искренность этой партіи свободы, сколь бы ни были возвышенны и великодушны провозглашаемые ею принципы, всежь мы не будемъ надѣяться, чтобы достигнувъ власти, эта партія отказалась отъ исключительнаго положенія правящаго меньшинства, и чтобы народное Self government сдѣлалось наконецъ дѣйствительностью. Для этого бы понадобилась много болѣе глубокая революція, чѣмъ всѣ тѣ, которыя до сихъ поръ потрясли старыи и новыи міръ.

Въ Швейцаріи, несмотря на всѣ совершившіяся здѣсь демократическія революціи, управляетъ все еще достаточный классъ, буржуазія, т. е. меньшинство привилегированное относительно имущества, досуга и образования. Верховная власть народа,—слово которое намъ впрочемъ ненавистно, ибо на нашъ взглядъ всякая верховная власть достойна ненависти,—народное самоуправленіе въ Швейцаріи тоже является фикціей. Народъ обладаетъ здѣсь верховной властью по праву, но не на дѣлѣ, ибо, поглощенный ежедневной работой, не оставляющей ему совсѣмъ досуга, и если не совершенно невѣжественный, то во всякомъ случаѣ сильно уступающій въ образованіи буржуазному классу, онъ принужденъ отдавать въ руки буржуазіи свою фиктивную власть. Единственная выгода, которую онъ изъ нея извлекаетъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америкѣ, такъ и въ Швейцаріи, это что честолюбивыя меньшинства, политическіе классы не могутъ добиться власти иначе, какъ ухаживая за нимъ, льстя его мимолетнымъ, иногда очень дурнымъ страстямъ и чаще всего обманывая его.

Да не подумаютъ, что мы хотимъ указать преимущество монархіи передъ демократическими учрежденіями. Мы

твердо убѣждены, что самая несовершенная республика зъ тысячу разъ лучше, чѣмъ самая просвѣщенная монархія, ибо въ республикѣ есть минуты, когда народъ, хотя и вѣчно эксплуатируемый, по крайней мѣрѣ не угнетенъ, между тѣмъ какъ въ монархіяхъ онъ угнетенъ постоянно. И кромѣ того демократическій режимъ возвышаетъ мало по малу массы до общественной жизни, а монархія никогда этого не дѣлаетъ. Но хотя мы и отдаемъ предпочтеніе республикѣ, все же мы припуждены признать и провозгласить, что какова бы ни была форма правленія, все же, пока вслѣдствіе *наслѣдственнаго* неравенства занятій, имуществъ, образованія и правъ, человеческое общество останется раздѣленнымъ на различные классы, до тѣхъ поръ, будетъ продолжать исключительное правленіе меньшинства и неизбѣжная эксплуатация этимъ меньшинствомъ большинства.

Государство является ничѣмъ инымъ, какъ этимъ владычествомъ и эксплуатацией, возведеннымъ въ правило и систематизированнымъ. Мы не попробуемъ это доказать, разсматривая слѣдствія управленія народными массами какимъ нибудь меньшинствомъ, сколь угодно просвѣщеннымъ и самоотверженнымъ, въ идеальномъ Государствѣ, основанномъ на свободномъ договорѣ.

Разъ условія договора опредѣлены, остается лишь провести ихъ на практикѣ. Итакъ предположимъ, что народъ, достаточно мудрый, имѣетъ еще необходимую прозорливость, чтобы ввѣрять управленіе общественными дѣлами лишь самымъ лучшимъ гражданамъ.

Эти привилегированные индивидуумы, привилегированы не съ точки зрѣнія права, а лишь по дѣлу. Они были выбраны народомъ потому, что они самые просвѣщенные, самые ловкіе, самые мудрые, самые мужественные, и самые самоотверженные. Взятые изъ массы гражданъ, которые по предположенію всѣ между собой равны, они не образуютъ собой отдѣльнаго класса, но лишь отдѣльную группу, привилегированную одной природой, и вслѣдствіе этого отличенную народнымъ избраніемъ. Число этихъ людей необходимо весьма ограничено, ибо во всякой странѣ и во всякое время

число людей одаренных такими выдающимися качествами, что они словно вынуждают всеобщее уважение народа, бывает, какъ это показываетъ намъ опытъ, весьма незначительнымъ. Итакъ подъ страхомъ сдѣлать плохое избраніе, народъ долженъ будетъ всегда избирать своихъ правителей изъ вышеозначенныхъ людей.

И вотъ общество уже раздѣляется на двѣ категоріи, чтобы не сказать уже два класса, изъ которыхъ одна, составленная изъ громаднаго большинства гражданъ, свободно подчиняется правленію своихъ выборныхъ; другая, состоящая изъ незначительнаго числа даровитыхъ натуръ, признанныхъ и избранныхъ народомъ въ качества таковыхъ, уполномочена народомъ управлять имъ. Завися отъ народнаго избранія, эти люди вначалѣ не отличаются отъ массы гражданъ ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ тѣми самыми качествами, которыя снискали имъ довѣріе своихъ соотечественниковъ, и являются среди всей массы гражданъ естественно самыми полезными и самоотверженными. Они не присваиваютъ еще себѣ никакой привилегіи, никакого особеннаго права, за исключеніемъ права выполнять, покуда этого желаетъ народъ, спеціальныя обязанности, которыя на нихъ возложены. Во всемъ прочемъ, въ образѣ жизни, въ условіяхъ и средствахъ своего существованія они нисколько не отличаются отъ народа, такъ что между всѣми продолжаетъ царить совершенное равенство.

Но можетъ ли это равенство долго продолжаться? Мы утверждаемъ, что нѣтъ, и нѣтъ ничего легче, какъ это доказать.

Нѣтъ ничего болѣе опаснаго для частной нравственности человѣка, какъ привычка повелѣвать. Самый лучший, самый просвѣщенный, безкорыстный, великодушный, чистый человѣкъ неизбежно испортится при этихъ условіяхъ. Власти присущи два чувства, которыя обязательно производятъ эту деморализацію: *презрѣніе къ народнымъ массамъ и превеличеніе своего собственнаго достоинства.*

Массы, сознавъ свою неспособность къ самоуправленію, выбрали меня въ вожди. Тѣмъ самымъ они открыто признали мое превосходство и свое сравни-

тельное ничтожество. Изъ всеі этой толпы людей, въ которой есть лишь два, три человѣка, могущихъ быть признанными мной за равныхъ, я одинъ способенъ управлять общественными дѣлами. Народъ во мнѣ нуждается, онъ не можетъ обойтись безъ моихъ услугъ, между тѣмъ какъ я довольствуюсь самимъ собой. Итакъ народъ долженъ повиноваться мнѣ для собственнаго своего блага, и снисходя до управленія имъ, я создаю его счастье.

Неправда ли, этого всего совершенно достаточно, чтобы потерять голову и обезумѣть отъ гордости?—Такимъ то образомъ власть и привычка повелѣвать становятся даже для самыхъ просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ людей источникомъ интеллектуальной и вмѣстѣ моральной абберации.

Вся человѣческая мораль,—немного ниже мы постараемся доказать абсолютную истину этого принципа, чье развитіе, объясненіе и самое широкое примѣненіе составляютъ главную цѣль этого сочиненія, — всякая коллективная и индивидуальная мораль существенно покоится на *человѣческомъ уваженіи*. Что подразумѣваемъ мы подъ *человѣческимъ уваженіемъ*?—Признаніе человѣчества, человѣческаго права и человѣческаго достоинства въ каждомъ человѣкѣ, какова бы ни была его раса, его цвѣтъ, степень развитія его ума и даже нравственности. Но могу ли я уважать человѣка, если онъ глупъ, золъ, презрѣнъ? Конечно, если онъ обладаетъ этими качествами, то мнѣ невозможно уважать въ немъ *ихъ*, т. е. его подлость, тупоуміе, глупость. Эти качества меня возмущаютъ и порождаютъ во мнѣ отвращеніе; я прійму противъ нихъ въ случаѣ надобности самыя энергичныя мѣры, и даже убью этого человѣка, если у меня не останется другихъ средствъ защитить свою жизнь, свое право или то, что мнѣ дорого и мной уважаемо. Но во время самой энергичной, ожесточенной и въ случаѣ нужды смертной борьбы съ этимъ человѣкомъ, я долженъ уважать въ немъ его человѣческую природу.—Только этой цѣной я могу сохранить свое собственное человѣческое достоинство. Однако, если этотъ человѣкъ не признаетъ ни въ комъ этого достоинства, можно ли признавать его въ немъ? Если онъ своего рода дикій звѣрь, если,

какъ это иногда случается, хуже, чѣмъ звѣрь, можно ли признавать въ немъ человѣческую природу, не будетъ ли это значить вдаваться въ фикціи. Нѣтъ, ибо каково бы ни было его интеллектуальное и моральное паденіе, органически онъ не является ни идиотомъ, ни безумнымъ, — въ каковыхъ случаяхъ съ нимъ надо было бы обращаться не какъ съ преступникомъ, а какъ съ больнымъ, — онъ въ полномъ обладаніи разсудкомъ и даннымъ ему отъ природы умомъ, и слѣдовательно его человѣческая природа, среди самыхъ чудовищныхъ уклоненій, тѣмъ не менѣе весьма реально существуетъ въ немъ, *въ качествѣ всегда открытой для него, покуда онъ живъ, возможности возвыситься до сознанія своей человѣчности, — если только произойдетъ коренная перемѣна въ социальныхъ условіяхъ, сдѣлавшихъ его тѣмъ, чѣмъ онъ есть.*

Возьмите самую умную, самую способную обезьяну, поставьте ее въ самыя лучшія человѣческія условія, — и все же вы никогда не сдѣлаете изъ нее человѣка. Возьмите самого закоренѣлаго преступника и самого бѣднаго умомъ человѣка; если только ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ какого нибудь органическаго дефекта, опредѣляющаго его идиотизмъ или неизлѣчимую манію, то прежде всего должны будете признать, что если одинъ сдѣлался преступникомъ, а другой еще не возвысился до сознанія своей человѣчности и своихъ человѣческихъ обязанностей, то виноваты въ этомъ не они сами, а социальная среда, въ которой они родились и развились.

Здѣсь мы касаемся самаго важнаго вопроса социальной науки и науки о человѣкѣ вообще. Мы уже повторяли неоднократно, что мы *абсолютно отрицаемъ свободу воли*, въ томъ смыслѣ, какой приписываютъ этому слову теологія, метафизика и наука о правѣ; т. е. въ смыслѣ произвольнаго самоопредѣленія индивидуальной воли человѣка, независимой отъ всякихъ естественныхъ и социальныхъ вліяній.

Мы отрицаемъ существованіе души, существованіе духовной субстанціи независимой и отдѣлимой отъ тѣла. Напротивъ того мы утверждаемъ, что, подобно тому

какъ тѣло индивидуума, со всеми своими способностями и инстинктивными предрасположеніями, является ничѣмъ инымъ, какъ производной отъ вѣтвь и частныхъ причинъ, опредѣлившихъ его индивидуальную организацію, — также точно то, что неправильно называется душой: интеллектуальныя и моральныя качества человека являются прямымъ произведеніемъ или, лучше сказать, естественнымъ, непосредственнымъ выраженіемъ этой самой организаціи, и именно выраженіемъ степени органическаго развитія, которой достигъ мозгъ, благодаря стеченію независимыхъ отъ воли причинъ.

Всякій даже самый ничтожный индивидуумъ, является производеніемъ вѣковъ; исторія причинъ, способствовавшихъ его образованію не имѣетъ начала. Если бы мы имѣли даръ, которымъ никто не обладаетъ и не будетъ никогда обладать: даръ познать и охватить безконечное многообразіе трансформаціи матеріи или Сущаго, которыя фатально происходили отъ рожденія нашего земного шара до рожденія этого индивидуума, то мы бы могли, никогда его даже не видѣвъ, сказать съ почти математической точностью, какова его органическая природа, опредѣлить до малѣйшихъ подробностей мѣру и характеръ его интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей, — однимъ словомъ его *душу*, въ томъ видѣ, какова она въ часъ его рожденія. Намъ невозможно анализировать и охватить всѣ эти послѣдовательныя трансформаціи, но мы можемъ сказать безъ страха ошибиться, что *всякій человѣческій индивидуумъ*, въ моментъ своего рожденія, является всецѣло продуктомъ историческаго, т. е. фізіологическаго и соціальнаго развитія его расы, народа и касты, — если въ его странѣ существуютъ касты, — его семьи, его предковъ и индивидуальной природы его отца и матери, передававшихъ ему непосредственно, путемъ фізіологическаго наслѣдства, — въ качествѣ исходнаго пункта для него и опредѣленія его индивидуальной природы, — всѣ фатальныя послѣдствія ихъ собственнаго предыдущаго существованія, какъ матеріальнаго такъ и моральнаго, какъ индивидуальнаго, такъ и соціальнаго, включая сюда всѣ ихъ мысли, чувства и поступки, включая всѣ разнообразныя событія ихъ жизни и всѣ большія или малыя происшествія, въ ко-

торыхъ они принимали участіе, включая сюда равнымъ образомъ безконечное многообразіе случайностей, которымъ они могли подвергаться *) и со всѣмъ тѣмъ, что они наслѣдовали тѣмъ же способомъ отъ родителей.

Намъ нѣтъ надобности напоминать о томъ, чего никто и не думаетъ отрицать, а именно что различія расъ, народовъ, и даже классовъ и семей, опредѣляются причинами географическими, этнографическими, физиологическими, экономическими, — (включая сюда два крупные вопроса: вопросъ занятій, т. е. вопросъ раздѣленія коллективнаго труда общества и распредѣленія богатствъ и вопросъ питанія, какъ въ отношеніи количества, такъ и въ отношеніи качества) — а также причинами историческими, религіозными, философскими, юридическими, политическими, и социальными; и что всѣ эти причины, комбинируясь различнымъ образомъ для каждой расы, каждой націи и чаще всего для каждой провинціи и для каждой коммуны, для каждого класса, для каждой семьи, придаютъ каждой особенную физиономію, т. е. различный физиологическій типъ, совокупность особенныхъ предрасположеній и способностей, — независимо отъ воли индивидуумовъ, входящихъ въ составъ этихъ группъ и являющихся ихъ всецѣлымъ продуктомъ.

Такимъ образомъ каждый человѣческій индивидуумъ, въ моментъ своего рожденія, является *материальной, органической производной* отъ всего разнообразія причинъ,

*) Случайности, которымъ подверженъ зародышъ во время своего развитія въ чревѣ матери совершенно объясняетъ различіе, часто существующее между дѣтьми тѣхъ же родителей и дѣлаютъ для насъ понятнымъ, какимъ образомъ у умныхъ родителей можетъ быть дитя-идіотъ. Но это всегда лишь несчастное исключеніе, происшедшее влѣдствіе какой нибудь случайной, мяутой причины. Природа, благодаря несуществованію Бога, никогда не бываетъ капризной, ничего не дѣлаетъ безъ достаточной причины, и никогда не мѣняетъ разъ принятаго направленія и стремленія, если только она не принуждена къ этому превосходной силой, такъ что законъ человѣческаго воспроизведенія, образующаго семейство въ послѣдовательности браковъ, выражается такъ: если бы каждая пара прибавляла къ физиологическому наслѣдству своихъ родителей новое физическое, интеллектуальное и моральное развитіе, то — такъ какъ каждое духовное совершенство является совершенствованіемъ мозга, — каждое вновь рождающееся существо должно бы быть во всѣхъ отношеніяхъ выше своихъ родителей.

которыя скомбинировавшись произвели его. Его душа,— т. е. его органическое предрасположеніе къ развитію чувствъ, идей и воли,—является лишь продуктомъ. Она вполне опредѣляется фізіологическимъ, индивидуальнымъ качествомъ его мозговой и нервной системы, которая, какъ и все его остальное тѣло, совершенно зависитъ отъ болѣе или менѣе счастливой комбинаціи этихъ причинъ. Она составляетъ собственно то, что мы называемъ *отличительной, первоначальной природой индивидуума.*

Существуетъ столько же различныхъ характеровъ, сколько и индивидуумовъ. Эти индивидуальныя различія проявляются тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе они развиваются, или, лучше сказать, они не только проявляются съ большей силой, они дѣйствительно увеличиваются, по мѣрѣ того какъ индивидуумы развиваются, потому что различныя вещи, внѣшнія условія,—однимъ словомъ тысячи, по большей части неуправимыхъ, причинъ, воздѣйствующихъ на развитіе индивидуумовъ,—сами по себѣ весьма различны. Это обуславливаетъ то, что чѣмъ болѣе подвигается въ жизни какой нибудь индивидуумъ, тѣмъ болѣе обрисовывается его индивидуальная природа, тѣмъ болѣе онъ отличается, какъ своими достоинствами такъ и недостатками отъ всѣхъ другихъ индивидуумовъ.

До какой степени индивидуальный характеръ или душа,—т. е. индивидуальныя особенности мозгового и нервнаго устройства развиты въ новорожденномъ ребенкѣ?—Разрѣшеніе этого вопроса является дѣломъ фізіологовъ. Мы знаемъ лишь, что всѣ эти особенности должны быть необходимо наследственными, въ томъ смыслѣ, который мы пытались объяснить, т. е. опредѣленными безконечностью самыхъ различныхъ, самыхъ разнообразныхъ причинъ: причинъ матеріальныхъ и моральныхъ, механическихъ и физическихъ, органическихъ и духовныхъ, историческихъ, географическихъ, экономическихъ и социальныхъ, большихъ и малыхъ, постоянныхъ и случайныхъ, непосредственныхъ и очень отдаленныхъ въ пространствѣ и во времени, и чья совокупность комбинируется въ единое живое Существо и индивидуализируется, въ первый и въ послѣдній разъ, въ потокъ вселенскихъ видоизмѣненій, единственно лишь въ

Устанавливая это отношение между $\frac{999}{1000}$ частей психического характера, происходящих, согласно ему, изъ воспитанія, и только одной тысячной, оставляемой имъ на долю наследственности, г. Съчевовъ не подразумѣвалъ конечно исключеній: гениальныхъ и необыкновенно талантливыхъ людей или идіотовъ и дураковъ. Онъ говоритъ лишь о громадномъ большинствѣ людей, одаренныхъ обыкновенными или средними способностями. Они являются, съ точки зрѣнія соціальной организаціи самыми интересными, мы сказали бы даже, единственно интересными, — ибо общество создано ими и для нихъ, а не для исключеній, не для гениальныхъ людей, сколь бы ни казалось безмѣрнымъ могущество этихъ послѣднихъ.

То что насъ особенно интересуетъ въ этомъ вопросѣ, такъ это узнать, могутъ ли подобно интеллектуальнымъ способностямъ также и *моральныя качества*: доброты или злость, храбрость или трусость, сила или слабость характера, великодушіе или жадность, эгоизмъ или любовь къ ближнему и другія положительныя или отрицательныя качества этого рода, могутъ ли они быть фізіологически унаслѣдованы отъ родителей предковъ, или независимо отъ наследства образоваться въ силу какой-либо случайной, извѣстной или неизвѣстной причины, которой подвергся ребенокъ во чревѣ матери. — Однимъ словомъ можетъ ли ребенокъ принести рождаясь какія-нибудь *готовыя моральныя предрасположенія*?

Мы этого не думаемъ. Чтобы лучше поставить вопросъ, замѣтимъ во-первыхъ, что если бы существованіе *врожденныхъ* моральныхъ качествъ было допустимо, то это могло бы быть лишь при условіи, чтобы онѣ были связаны въ новорожденномъ ребенкѣ съ какой-нибудь фізіологической, чисто матеріальной особенностью его организаціи: дитя выходя изъ чрева своей матери не имѣетъ еще ни души, ни ума, ни чувствъ, ни даже инстинктовъ; оно рождается для всего этого; итакъ оно является лишь физическимъ существомъ, и его способности и качества, если оно ихъ имѣетъ, могутъ быть лишь анатомическими и фізіологическими. Итакъ для того, чтобы дитя могло родиться добрымъ, великодушнымъ, самоотверженнымъ, смѣлымъ или же

злымъ, скупымъ, эгоистомъ и трусомъ, надо бы, чтобы каждое изъ этихъ достоинствъ или недостатковъ соотвѣтствовало какой-нибудь матеріальной и такъ сказать мѣстной особенноти его организма и спеціально его мозга, а такое предположеніе вернуло бы насъ къ системѣ Галля, который думалъ, что онъ нашелъ для каждаго качества и для каждаго недостатка соотвѣтствующія шишки и впадины на черепѣ. Система эта, какъ извѣстно, единогласно отвергнута современными физиологами.

Но если бы она была основательна, что бы отсюда вытекало? Разъ недостатки и пороки, такъ же какъ и хорошія качества врождены, то остается узнать, могутъ ли они быть побѣждены воспитаніемъ или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ вина во всѣхъ преступленіяхъ, сдѣланныхъ людьми, падала бы на общество, не сумѣвшее дать имъ надлежащее воспитаніе, а не на нихъ, могущихъ быть напротивъ того рассматриваемыми, какъ жертвы соціальной непредусмотрительности. Во второмъ случаѣ, разъ *врожденные предрасположенія* признаны фатальными и непоправимыми, обществу не остается ничего другого какъ отдѣлаться отъ всѣхъ индивидуумовъ, запечатлѣнныхъ какимъ-нибудь естественнымъ, врожденнымъ порокомъ. Но, дабы не впасть въ отвратительный порокъ лицемерія, общество должно бы признать, что оно дѣлаетъ это единственно въ интересахъ своего сохраненія, а не справедливости.

Есть еще одно соображеніе, могущее способствовать уясненію этого вопроса: въ мірѣ интеллектуальномъ и моральномъ, такъ же какъ и въ мірѣ физическомъ только положительныя свойства существуютъ: отрицательныхъ свойствъ не существуетъ, это не есть что-нибудь само по себѣ, это лишь болѣе или менѣе значительное уменьшеніе положительнаго. Такъ, на примѣръ, холодъ является лишь извѣстнымъ состояніемъ тепла, это лишь относительное отсутствіе, лишь очень значительное уменьшеніе тепла! Такъ же обстоитъ дѣло съ мракомъ, являющимся лишь свѣтомъ уменьшеннымъ до нуля... Мракъ и холодъ не существуютъ. Въ мірѣ интеллектуальномъ глупость является ничѣмъ инымъ, какъ слабостью ума, а въ нравственности недоброжелательство, жадность, трусость являются лишь добро-

желательствомъ, великодушіемъ и храбростью, приведенными не къ нулю, но къ очень малому количеству. Итакъ, сколь бы ни было мало это количество, все же это количество положительное, и которое можетъ быть развито, усилено и увеличено воспитаніемъ въ положительномъ смыслѣ,—что было бы невозможно, если бы пороки или отрицательныя качества являлись отдѣльными свойствами. Тогда ихъ надо было бы убивать, а не развивать, ибо развитіе ихъ могло бы въ такомъ случаѣ произойти лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

Наконецъ, не позволяя себѣ предрѣшать эти важные фізіологическіе вопросы, относительно которыхъ мы не скрываемъ своего полнаго невѣжества, прибавимъ лишь, опираясь на единогласный авторитетъ всѣхъ современныхъ фізіологовъ, послѣднее соображеніе. Какъ кажется, констатировано и доказано, что въ человѣческомъ организмѣ нѣтъ отдѣльныхъ районовъ и органовъ для инстинктивныхъ, аффективныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ способностей и что всѣ вырабатываются *въ одной и той же части мозга посредствомъ одного и того же нервного механизма* *). Отсюда съ оче-

*) Смотри замѣчательную статью г. Литтре: „О методѣ въ психологіи“ въ журналѣ: „Позитивная Философія“. Фізіологически установлено, говоритъ славный позитивистъ, *что мозгъ ничего не создаетъ; онъ лишь воспринимаетъ*. Его функціи заключаются въ переработываніи того, что ему передается (чувствами) въ эмоціи и идеи; *но самъ не привноситъ своего въ то, что составляетъ субъектъ этихъ идей и этихъ чувствъ*. По правдѣ сказать, все дается ему извнѣ, ибо органическія состоянія, безъ которыхъ не поддерживается ни индивидуальная, ни коллективная жизнь и безъ которыхъ не было бы и чувства, *являются столь внѣшними* (для человѣка), что природа осуществляетъ ихъ независимо отъ всякаго мозга и всякой психики, въ растеніяхъ и въ особенности въ пизшихъ животныхъ. Отсюда вытекаетъ, что надо отчасти измѣнить смыслъ слова: *субъективное*. Субъективнымъ не можетъ быть названо то, что предшествуетъ развитію человѣческаго существа, какъ-то: я, идея, чувство, идеаль. Субъективной можетъ быть названа лишь *перерабатывающая способность нервныхъ тканей*; во всемъ остальномъ субъективное всегда смѣшано съ объективнымъ (n° 111, стран. 302).—А на стр. 343—344, г. Литтре говоритъ еще: „Разсудокъ не является способностью, властвующей надъ принесенными ему впечатлѣніями; его единственное дѣло (чисто фізіологическое) состоитъ въ сравненіи ихъ между собой для полученія заключенія; но онъ не имѣетъ надъ ними никакой вышней власти. Галлюцинаціи доказываютъ это; галлюцинаціи это созданіе впечатлѣній, не вызванныхъ ничѣмъ объективнымъ. Въ силу

видностью вытекает, что не может быть вопроса различных моральных или immoralных предрасположеній, фатально опредѣляющихъ въ самомъ организмѣ ребенка наследственныя и врожденныя достоинства или пороки, и что *моральная врожденность* ни въ какомъ отношеніи не обособляется отъ *интеллектуальной врожденности*, ибо и та и другая сводятся къ большей или меньшей степени совершенства, достигнутаго вообще развитіемъ мозга.

„Разъ признаны анатомическія и физиологическія свойства ума, говорить г. Литтре (стр. 355) то можно проникнуть въ самую глубь его исторіи. Покуда умъ не былъ видоизмѣненъ и обогащенъ цивилизаціей, онъ обладалъ лишь простыми идеями *), производимыми какъ внутренними, такъ и внѣшними **) впечатлѣніями, и находился такимъ образомъ на низшей ступени развитія; для того, чтобы подняться выше умъ обладаетъ лишь способностью задерживательной и обобщающей ***)

болѣзненной игры нервныхъ клѣтокъ, приспособленныхъ къ передачѣ впечатлѣній, призрачныя впечатлѣнія притекають къ интеллектуальному центру („сырое вещество оболочки той части мозга, которая занимаетъ всю верхнюю и нижнюю часть черепнаго углубленія или мозга въ собственномъ смыслѣ“) какъ будто бы они были настоящими. Разсудокъ, воспринимая ихъ, по необходимости работаетъ надъ фиктивнымъ матеріаломъ, и вогъ являются воображаемыя представленія. Кромѣ того, совершенно подобное же доказательство, за исключеніемъ лишь патологическаго элемента, доставляется намъ развитіемъ ченовѣческихъ идей въ исторіи. *Въ началѣ наблюденія, — за исключеніемъ самыхъ простыхъ, — ошибочны, и сужденія тоже ошибочны имѣ во слѣдѣ.* Люди видятъ, что солнце встаетъ на востокъ и заходитъ на западъ, и основываясь на этомъ разсудокъ построяетъ невѣрное заключеніе, которое впоследствии исправляется лишь благодаря лучшимъ наблюденіямъ. Если бы разсудокъ былъ первичной, а не вторичной способностью, то ченовѣческая исторія была бы иной (человѣчество не имѣло бы предкомъ брата гориллы). Тогда бы великія истины были познаваемы раньше всего, и изъ нихъ бы силлогическимъ путемъ вытекали второстепенныя истины; такова и есть теологическая гипотеза“... Г. Литтре могъ бы прибавить: а также метафизическая и юридическая.

*) Мы сказали бы первичными познаніями или *даже* простыми представленіями предметовъ.

**) Чувственныя впечатлѣнія, получаемыя индивидуумомъ посредствомъ его нервовъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ предметовъ.

***) Удерживанье простыхъ идей въ памяти и обобщеніе ихъ дѣятельностью мозга.

но этого достаточно. Мало-по-малу образуются сложные комбинации, увеличивающія силу и поле мозговой дѣятельности *); наконецъ, подвигаясь все впередъ, человѣкъ доходитъ до крупныхъ интеллектуальныхъ работъ. *Умственная машина* увеличивается и совершенствуется, а безъ машины нельзя слѣлать ничего значительнаго ни въ интеллектуальной области, ни въ области промышленной.

По мѣрѣ того, какъ совершается это выработыванье оно призываетъ къ себѣ на помощь важное свойство жизни, а именно *наследственность*, которая способствуетъ закрѣпленію его въ настоящемъ и облегченію въ будущемъ. *Новыя умственные способности, будучи разъ приобретенными, передаются*, это экспериментальный фактъ, *потомкамъ подъ формой врожденностей*; врожденностей вторичныхъ, третичныхъ, которыя, въ умственной области, создаютъ породы усовершенствованныхъ человѣческихъ расъ. Это замѣтно, когда встрѣчаются народности, прошедшія чрезъ разное развитіе: низшая или исчезаетъ или лишь медленно достигаетъ до уровня высшей“.

Ниже, процитировавъ слова г. Люиса: „Мозговая сфера, гдѣ царятъ аффективные страсти и та, гдѣ гнѣздятся чисто интеллектуальныя проявленія соединены узамъ тѣсной и внутренней связи.—г. Литтре прибавляетъ **):

„*Это совершенное подобіе между интеллектомъ и чувствомъ*, а именно источникомъ гдѣ нервы получаютъ ***), и центромъ гдѣ то, что ими получается, перерабатывается ****), вмѣстѣ съ тождественностью этихъ двухъ

*) Посредствомъ ассоціаціи простыхъ идей.

**) Стр. 357.

***) Источникъ, гдѣ нервы почерпаютъ какъ чувственные, такъ и инстинктивные впечатлѣнія или общимъ сенсоріумомъ, является по мнѣнію г. Литтре и г. Люиса, *оптический строй*, куда приходятъ все какъ вѣшнія, такъ и внутреннія впечатлѣнія — т. е. произведенныя вѣшными предметами, или же явившіяся изъ вѣдръ организма — и который (оптический слой) „системой волоконъ и соединеній передаетъ эти впечатлѣнія сърому веществу оболочки собственно мозга — центра какъ аффективныхъ, такъ и интеллектуальныхъ способностей“ (стр. 340—41).

****) Сърое вещество собственно мозга, состоящее изъ нервныхъ клѣточекъ: „Установлено, что нервныя клѣточки, составляющія вещество мозга, являясь анатомически послѣднимъ окончаніемъ

центровъ, все это означаетъ, что *физиологія чувства не можетъ различаться отъ физиологіи интеллекта*:

Вслѣдствіе этого, подобно тому, какъ пришлось отказаться найти въ мозгъ органы для влеченій и страстей, и признать въ немъ лишь различнаго рода аффективные процессы, которые то и надлежитъ опредѣлить.

„Источникомъ идей являются чувственные впечатлѣнія, источникомъ чувствъ — впечатлѣнія инстинктивныя. Дѣло нервныхъ клѣточекъ, заключается въ переработываніи въ чувства инстинктивныя впечатлѣнія. Проблема происхожденія чувствъ совершенно параллельна проблемѣ происхожденія идей.

„Этотъ родъ мозговой дѣятельности упражняется надъ двумя сортами инстинктивныхъ впечатлѣній, надъ тѣми, которые принадлежатъ къ *инстинктамъ поддержанія индивидуальной жизни* и надъ тѣми, которыя принадлежатъ къ инстинктамъ поддержанія жизни рода. Первая категорія перерабатывается въ *себялюбие*, вторая въ *любовь къ другимъ*, подъ первобытной формой любви матери къ ребенку и ребенка къ матери.

„Съ этой точки зрѣнія, не излишенъ взглядъ на сравнительную физиологію. У рыбъ, стоящихъ въ мозговомъ отношеніи на самой низшей ступени лѣстницы позвоночныхъ и не знающихъ ни семьи, ни дѣтенышей, инстинктъ остается чисто половымъ. Но чувства, порождаемые имъ начинаютъ проявляться въ нѣкоторыхъ млекопитающихъ и птицахъ; устанавливается настоящее сожительство, но по большей части оно лишь временно. Также точно обстоитъ дѣло съ зарожденіемъ семейныхъ отношеній между родителями и дѣтенышами. Наконецъ у иныхъ животныхъ, и между прочимъ у человѣка, между различными семьями образуются такого же рода отношенія, какъ между членами одной и той же семьи; тамъ и сямъ, въ нѣкоторыхъ точкахъ животнаго царства зарождается обществен-

нервовъ и мѣстомъ стока всѣхъ внутреннихъ впечатлѣній, предназначены для переработки этихъ впечатлѣній въ идеи; затѣмъ для сужденія о сходствѣ или различіи уже произведенныхъ идей, для задержанія ихъ въ памяти, для соединенія ихъ въ ассоціаціи. *Ни болѣе, ни менѣе*. Все интеллектуальное развитіе человѣка имѣетъ своей исходной точкой эти анатомическія и физиологическія условія“ (стр. 352).

ность. Разъ основанія такимъ образомъ установлены, то не трудно понять, что *первобытныя чувства*, по мѣрѣ того какъ существованіе осложняется, какъ для индивидуума, такъ и для общества, преобразуются во вторичныя чувства и въ комбинаціи чувствъ, дѣлающіяся столь же нераздѣльными, какъ нераздѣльны въ интеллектѣ ассоціированныя идеи. (стр. 357).

Итакъ, какъ кажется, установлено, что въ мозгу не существуетъ специальныхъ органовъ, ни для различныхъ интеллектуальныхъ способностей, ни для различныхъ моральныхъ качествъ, аффектовъ и страстей, добрыхъ или злыхъ. Слѣдовательно ни достоинства, ни недостатки не могутъ быть унаслѣдованы, врождены, ибо, какъ мы сказали, эта наслѣдственность и врожденность можетъ быть въ новорожденномъ лишь физиологичной, матеріальной. Въ чемъ же можетъ заключаться прогрессивное, исторически передаваемое совершенствованіе мозга, какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи? Единственно въ гармоничномъ развитіи всей мозговой и нервной системы, т. е. какъ вѣрности, тонкости и живости нервныхъ впечатлѣній, такъ и въ способности мозга перерабатывать эти впечатлѣнія въ чувства, въ идеи, и комбинировать, охватывать и удерживать все болѣе и болѣе широкія ассоціаціи чувствъ и идей.

Весьма вѣроятно, что въ случаѣ если какая нибудь раса, нація, классъ или семья, вслѣдствіе своей отличительной природы, всегда обусловленной ея исторіей, ея географическимъ и экономическимъ положеніемъ, характеромъ ея занятій, величиной и качествомъ ея пищи, такъ же какъ ея политической и соціальной организаціей, однимъ словомъ всей ея жизнью и большей или меньшей степенью ея интеллектуальнаго и моральнаго развитія,—что въ случаѣ если вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, одна или нѣсколько системъ органическихъ функцій, чья совокупность образуетъ жизнь человѣческаго тѣла, будутъ развиты въ ущербъ всѣмъ прочимъ системамъ, въ родителяхъ,—весьма вѣроятно, почти несомнѣнно, говоримъ мы, что ихъ дѣтя унаслѣдуетъ въ той или иной степени ту же плачевную дисгармонію,—съ возможностью правды исправить ея до нѣкоторой степени благодаря своей собственной буду-

щей работѣ надъ самимъ собой, а иногда также благодаря социальнымъ революціямъ, безъ которыхъ установленіе болѣе полной гармоніи въ физиологическомъ развитіи индивидуумовъ, взятыхъ въ абсолютности, можетъ быть часто невозможнымъ.

Во всякомъ случаѣ надо сказать, что абсолютная гармонія въ развитіи человѣческаго тѣла и слѣдовательно такъ и въ развитіи человѣческихъ мускульныхъ, инстинктивныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей, является идеаломъ, который никогда нельзя будетъ осуществить; во первыхъ потому, что исторія физиологически тяготеетъ болѣе или менѣе (и да придетъ время, когда можно будетъ сказать: все менѣе и менѣе)—надъ всѣми народами и надъ всѣми индивидуумами; и затѣмъ потому что всякая семья и всякій народъ являются всегда поставленными въ различныя условія, между которыми по крайней мѣрѣ нѣкоторыя будутъ всегда противоположны полному и нормальному развитію людей.

Итакъ, то, что передается наслѣдственнымъ путемъ изъ поколѣнія къ поколѣнію, то, что можетъ быть физиологически врожденнымъ въ индивидуумы, рождающіеся къ жизни, это не достоинства или недостатки, это не идеи или ассоціаціи чувствъ и идей, а единственно лишь мускульный и нервный механизмъ, *болѣе или менѣе усовершенствованные и сгармонизированные органы*, посредствомъ которыхъ человѣкъ движется, дышетъ, ощущаетъ себя, получаетъ внѣшнія впечатлѣнія и схватываетъ, воображаетъ, судитъ, комбинируетъ, ассоціируетъ и понимаетъ чувства и идеи, являющіяся ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же самыми, какъ внѣшними, такъ и внутренними впечатлѣніями, сгруппированными и переработанными въ началѣ въ конкретныя представленія, затѣмъ въ абстрактныя понятія, при помощи чисто физиологической и, прибавимъ еще, совершенно произвольной дѣятельности мозга.

Ассоціаціи чувствъ и идей, чье послѣдовательное развитіе и видоизмѣненіе составляютъ всю интеллектуальную и моральную часть исторіи человѣчества, не обуславливаютъ образованіе въ человѣческомъ мозгу новыхъ органовъ, соотвѣтствующихъ каждой отдѣльной ассоціаціи, и слѣдовательно не могутъ быть переданы

индивидуумамъ путемъ фізіологической наслѣдственности. То, что фізіологически наслѣдуется, такъ это все болѣе и болѣе усиленная, расширенная и усовершенствованная способность понимать ихъ и создавать новыя. Но сами ассоціаціи и представляющія ихъ сложныя идеи, какъ, напримѣръ, идея Бога, отечества, нравственности и т. д. не могутъ быть врожденными и не передаются индивидуумамъ лишь путемъ общественной традиціи и воспитанія. Онѣ схватываютъ ребенка съ перваго дня его рожденія, и такъ какъ они уже воплотились въ окружающей его жизни, во всѣхъ какъ матеріальныхъ, такъ и моральныхъ подробностяхъ соціального міра въ которомъ онѣ родился, то они проникаютъ тысячью различныхъ способовъ въ его, въ началѣ еще дѣтское, затѣмъ отроческое и юношеское сознание, которое рождается, растетъ и образуется подъ ихъ всеильнымъ вліяніемъ.

Беря воспитаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, понимая подъ нимъ не только обученіе и уроки нравственности, но даже и главнымъ образомъ примѣры, являемые дѣтямъ всѣми окружающими лицами; вліяніе всего, что оно слышитъ, что оно видитъ; понимая подъ этимъ словомъ не только умственное образованіе ребенка, но также развитіе его тѣла посредствомъ питанія, гігіены, физическихъ упражненій, — мы скажемъ, съ полной увѣренностью, что никто намъ серьезно не будетъ противорѣчить, что всякое дитя, всякій юноша и, наконецъ, всякій взрослый человѣкъ является всецѣлымъ произведеніемъ міра, который вскормилъ его и воспиталъ въ своей средѣ, — произведеніемъ фатальнымъ, невольнымъ и слѣдовательно безответственнымъ.

Человѣкъ приходитъ въ жизнь безъ души, безъ сознанія, безъ тѣни какой-нибудь идеи или чувства, но съ организмомъ, чья индивидуальная природа является опредѣленной безконечнымъ числомъ обстоятельствъ и условій, предшествовавшихъ самому рожденію воли, и которая (индивидуальная природа) въ свою очередь обуславливаетъ большую или меньшую способность человѣка къ воспріятію и присвоенію чувствъ, идей и ассоціацій чувствъ и идей, выработанныхъ вѣками и переданныхъ каждому какъ *общественное наслѣдство*, при помощи полученнаго каждымъ воспитанія. Плохо это воспитаніе или хорошо, но оно выпадаетъ человѣку

помимо его воли, онъ во всемъ этомъ нисколько не отвѣтственъ. Оно преобразуетъ человѣка, насколько это позволяетъ болѣе или менѣе удачная индивидуальная природа послѣдняго, такъ сказать по своему образу, такъ что человѣкъ думаетъ, чувствуетъ и желаетъ то же самое, что думаютъ, чувствуютъ и хотятъ всѣ его окружающіе.

Но въ такомъ случаѣ, спросить, можетъ быть, какъ же объяснить, что воспитанія, по внѣшности по крайней мѣрѣ, почти тождественныя, часто производятъ самые различныя результаты относительно развитія характера, ума и сердца? А развѣ не различны при рожденіи индивидуальныя природы? Это естественное и врожденное различіе, сколь бы ни было оно мало, является однако положительнымъ и реальнымъ: различіе въ темпераментѣ, въ жизненной энергіи, въ обладаніи одного чувства, одной группы органическихъ функцій надъ другой, въ естественной живости и способности. Мы постарались доказать, что пороки такъ же какъ и моральныя качества, — факты индивидуальнаго и общественнаго сознанія, — не могутъ быть фактически унаслѣдованы и что никакое фізіологическое свойство не можетъ приговорить человѣка ко злу и сдѣлать его непоправимо неспособнымъ къ добру; но мы не думали отрицать; что есть очень различныя индивидуальныя природы, изъ которыхъ однѣ, болѣе счастливо одаренныя, способны къ болѣе широкому человѣческому развитію, чѣмъ другія. Правда, мы думаемъ, что въ настоящее время излишне преувеличиваются естественныя различія между индивидуумами, и что наибольшую часть нынѣ существующихъ различій надо приписывать не столько природѣ, сколько различному воспитанію, полученному каждымъ.

Для разрѣшенія этого вопроса надо бы во всякомъ случаѣ, чтобы двѣ науки, могущія его разрѣшить: а именно, фізіологическая психологія или наука о мозгѣ и педагогія или наука о воспитаніи и общественномъ развитіи мозга, вышли изъ дѣтскаго состоянія, въ которомъ онѣ обѣ еще пребываютъ. Но развѣ установлено фізіологическое различіе между индивидуумами, въ какой бы то ни было степени, то съ совершенной очевидностью вытекаетъ, что какая-нибудь система воспитанія, сама по себѣ превосходная, если ее рассматри-

вать абстрактно, можетъ быть хороша для одного и дурна для другого.

Для того, чтобы быть совершеннымъ, воспитаніе должно бы быть гораздо болѣе индивидуализированнымъ, чѣмъ оно является теперь, индивидуализировано въ духѣ свободы и единственно посредствомъ уваженія свободы, даже и въ дѣтяхъ. Оно должно бы стремиться не къ дрессировкѣ характера, ума и сердца, но къ ихъ пробужденію къ независимой и свободной дѣятельности. Оно должно не имѣть другой цѣли, какъ созданіе свободы, не имѣть другого объекта уваженія, какъ свободу каждаго и всѣхъ; какъ простую справедливость, не юридическую, а человѣческую; какъ простой разумъ, не теологическій, не метафизическій, а научный; и, наконецъ, оно не должно основываться на трудѣ, какъ мускульномъ, такъ и нервномъ, на трудѣ, какъ первомъ и обязательномъ для всѣхъ основаніи всякаго достоинства, всякой свободы и права. Такое воспитаніе, широко распространенное на всѣхъ, на женщинъ, какъ и на мужчинъ, при экономическихъ и социальныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на точной справедливости, такое воспитаніе заставило бы исчезнуть много такъ называемыхъ естественныхъ различій.

Намъ могутъ возразить: хорошо, пусть современное воспитаніе несовершенно, но во всякомъ случаѣ имъ однимъ нельзя объяснить тотъ неоспоримый фактъ, что часто въ средѣ семействъ, наиболѣе лишенныхъ нравственнаго чувства, можно встрѣтить личностей, поражающихъ насъ благородствомъ своихъ инстинктовъ и чувствъ, и что напротивъ того еще чаще, въ средѣ самыхъ развитыхъ въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи семей, встрѣчаются индивидуумы, низменные по уму и по сердцу. Но это лишь видимое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы и сказали, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ человѣкъ является всецѣло произведеніемъ социальныхъ условій, въ средѣ которыхъ онъ развивается; хотя мы и оставили сравнительно малую долю вліянія физиологическому наслѣдству, естественнымъ качествамъ, съ которыми человѣкъ уже рождается, тѣмъ не менѣе мы не отрицали и этого вліянія. Мы признали даже, что въ некоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, въ людяхъ гениальныхъ и очень

талантливыхъ, такъ же, какъ въ идиотахъ и въ людяхъ нравственно очень пспорченныхъ, это вліяніе или естественное опредѣленіе развитія индивидуума — опредѣленіе столь же фатальное, какъ и вліяніе воспитанія и общества,—можетъ быть очень велико. Послѣднее слово относительно всѣхъ этихъ вопросовъ принадлежитъ мозговой фізіологіи, а эта послѣдняя еще не достигла той степени развитія, чтобы быть въ состояніи разрѣшить ихъ даже приблизительно. Единственная вещь, которую мы можемъ сегодня съ увѣренностью утверждать, такъ это то, что всѣ эти вопросы бьются между двумя фатализмами: фатализмомъ естественнымъ, органическимъ, фізіологически наслѣдственнымъ, и фатализмомъ общественнаго наслѣдства и традицій, воспитанія и общественнаго, экономическаго и политическаго устройства каждой страны. Между этими двумя фатализмами нѣтъ мѣста для свободы воли.

Но помимо естественнаго, положительнаго или отрицательнаго характера индивидуума, который можетъ поставить его въ большее или меньшее противорѣчіе съ духомъ, царящимъ въ семьѣ, могутъ существовать для каждаго отдѣльнаго случая еще другія тайныя причины, которыя въ большинствѣ случаевъ такъ и остаются невѣдомыми, но которыя должны быть нами приняты тѣмъ не менѣе въ расчетъ. Стеченіе особыхъ обстоятельствъ, неожиданное событіе, иногда даже очень незначительный самъ по себѣ случай, случайная встрѣча какого-нибудь человѣка, книга, попавшаяся въ руки даннаго индивидуума въ надлежащій моментъ—все это, въ ребенкѣ, въ подросткѣ, въ юношѣ, чье воображеніе кипитъ и еще совершенно открыто для впечатлѣній жизни, можетъ произвести коренной переворотъ какъ къ добру, такъ и ко злу. Прибавьте упругость, свойственную всѣмъ молодымъ характерамъ, въ особенности когда они одарены извѣстной естественной энергіей, которая заставляетъ ихъ реагировать противъ излишне повелительныхъ и настоячиво-деспотичныхъ вліяній, и благодаря которой иногда даже избытокъ зла можетъ породить добро.

Можетъ ли въ свою очередь породить зло избытокъ добра или то, что обыкновенно называется этимъ именемъ? Да, когда добро налагается, какъ деспотическій, абсолютный законъ, религіозный, доктринерно-фило-

софскій, политической, юридической, социальный или семейно-патриархальный,—однимъ словомъ, когда, сколь бы оно не было или не казалось хорошимъ, оно налагается все же на индивидуума въ качествѣ отрицанія свободы и не является ея продуктомъ. Но въ такомъ случаѣ возстаніе противъ добра, налагаемаго такими способами, является не только естественнымъ, но и законнымъ; возстаніе это не только не зло, а напротивъ добро; ибо не существуетъ добра внѣ свободы, а свобода является источникомъ и абсолютнымъ условіемъ всякаго добра, которое истинно достойно этого слова: *вѣдь добро это ничто иное, какъ свобода.*

Единственной цѣлью этой статьи является развитіе и доказательство этой истины, которая намъ лично представляется совершенно простой и ясной. Возвратимся теперь къ нашему вопросу.

Примѣры того же самаго видимаго противорѣчія или аномалии часто намъ являются въ болѣе широкой сферѣ, въ исторіи народовъ. Напримѣръ, какъ объяснить, что еврейскій народъ, бывший когда-то самымъ узкимъ и исключительнымъ народомъ на свѣтѣ, до того исключительнымъ и узкимъ, что признавая, такъ сказать абсолютную привилегированность, божественное избраніе главнымъ основаніемъ своего существованія, этотъ народъ утверждалъ, что онъ одинъ угоденъ Богу, утверждалъ, что его Богъ, Іегова — Богъ отецъ христіанъ — доводитъ свою поечительность о еврейскомъ народѣ до самой дикой жестокости ко всѣмъ другимъ народамъ, и что онъ приказалъ еврейскому народу уничтоженіе огнемъ и мечемъ всѣхъ племенъ, занимавшихъ раньше Обѣтованную землю, для того, чтобы очистить мѣсто для своего народа — Мессіи;—какъ объяснить, что въ средѣ этого народа могъ родиться Іисусъ Христосъ, основатель вселенской, всечеловѣческой религіи, и тѣмъ самымъ уничтожителемъ самого существованія еврейской націи, какъ политическаго и социальнаго тѣла. Какимъ образомъ этотъ исключительно національный міръ могъ породить такого преобразователя, религіознаго революціонера, какимъ является апостоль *).

*) Остатокъ сочиненія потерянь или не былъ написанъ.

ПИСЬМА О ПАТРИОТИЗМѢ

къ участникамъ Интернаціональной ассоціаціи рабочихъ городовъ Locle
и Cbaux de Fonds.

Друзья и братья,

Прежде чѣмъ покинуть ваши горы, я чувствую потребность еще разъ выразить вамъ письменно, мою глубокую благодарность за сдѣланный мнѣ вами братскій пріемъ. Развѣ это не удивительно, что какой-то человекъ, русскій, бывшій дворянинъ, котораго вы до послѣдняго времени совершенно не знали, и чья нога въ первый разъ ступаетъ на вашу землю, является окруженный, тотчасъ по своемъ прибытіи, нѣсколькими сотнями братьевъ! Подобное чудо въ настоящее время можетъ быть сотворено лишь Интернаціональной ассоціаціей рабочихъ, и это по простой причинѣ: она одна теперь являетъ въ себѣ историческую жизнь и творческую мощь къ политическому и соціальному будущему. Тѣ, кто соединены живой мыслью, живой волей и великимъ общимъ стремленіемъ, являются дѣйствительно братьями, даже если они между собой незнакомы.

Было время, когда буржуазія, обладая такой же жизненной мощью и являясь единственнымъ историческимъ классомъ, представляла такое же зрѣлище братства и единенія, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ мысляхъ. Это было хорошимъ временемъ этого класса, безъ сомнѣнія всегда почтеннаго, но съ тѣхъ поръ превратившагося въ нѣчто тупое, бесплодное и слабосильное.

Тогда была эпоха его самого энергичнаго развитія. Такова была буржуазія до великой революціи 1793-го года; таковой была она еще, но въ меньшей мѣрѣ, до революцій 1830 и 1848 года. Тогда предъ буржуазіей былъ цѣлый міръ для покоренія, было мѣсто, которое ей надо было занять въ обществѣ, и, организованная для боя, умная, смѣлая, чувствуя себя представительницею всеобщаго права, она обладала непреодолимымъ всемогуществомъ: она одна совершила три революціи: противъ соединенныхъ силъ монархіи, дворянства и духовенства.

Въ то время буржуазія тоже создала всемірную, могучую, интернаціональную ассоціацію: Франкъ-Масонство.

Очень ошибся бы тотъ, кто судилъ бы о Франкъ-Масонствѣ прошлаго вѣка или даже начала этого вѣка, по тому, чѣмъ оно является теперь. Учрежденіе по преимуществу буржуазное, Франкъ-Масонство въ своемъ растущемъ могуществѣ и потомъ въ своемъ упадкѣ, было, какъ бы выраженіемъ интеллектуальнаго развитія, могущества и упадка буржуазіи. Въ настоящее время, испавъ до печальной роли старой интриганки и болтуни, оно ничтожно, бесполезно, иногда вредно и всегда смѣшно, между тѣмъ какъ до 1830 и въ особенности до 1793 года, оно соединяло въ себѣ, за малымъ числомъ исключеній, всѣ выдающіеся умы, всѣ самыя пылкія сердца, самыя гордыя воли, самыя смѣлыя характеры, и представляло собой дѣятельную, могучую и истинно полезную организацію. Это было мощное воплощеніе и осуществленіе на практикѣ гуманитарной идеи XVIII вѣка. Всѣ эти великіе принципы свободы, равенства, братства, человѣческаго разума и человѣческой справедливости, выработанные теоретически философией этого вѣка, сдѣлались въ средѣ Франкъ-Масонства практическими догматами и основами новой морали и политики, — душой гигантскаго предпріятія разрушенія и обновленія. Франкъ-Масонство было въ то время не болѣе, не менѣе, какъ всемірнымъ конспиративнымъ союзомъ революціонной буржуазіи противъ феодальной, монархической и божеской тиранніи.—Это было Интернаціоналомъ буржуазіи.

Извѣстно, что всѣ главные дѣятели первой революціи были Франкъ-Масонами, и что, когда эта револю-

ція разразилась, она встрѣтила, благодаря Франкъ-Масонству, друзей и преданныхъ, могущественныхъ союзниковъ во всѣхъ другихъ странахъ, что конечно сильно помогло ея торжеству. Но равно очевидно, что торжество революціи убило Франкъ-Масонство, ибо, послѣ того какъ революція въ значительной мѣрѣ выполнила пожеланія буржуазіи и поставила ее на мѣсто родовой аристократіи, буржуазія, бывшая долгое время утѣняемымъ и эксплуатируемымъ классомъ, естественно сдѣлалась въ свою очередь классомъ привилегированнымъ, эксплуататорскимъ, притѣсняющимъ, консервативнымъ и реакціоннымъ, сдѣлалась другомъ и самой надежной поддержкой Государства. Послѣ захвата власти первымъ Наполеономъ, Франкъ-Масонство сдѣлалось, въ большинствѣ странъ европейскаго континента, императорскимъ учрежденіемъ.

Реставрація его отчасти воскресила. Буржуазія, видя себя угрожаемой возвращеніемъ стараго режима, вынужденная уступить церкви и дворянству мѣсто, завоеванное ею въ первую революцію, принуждена была снова сдѣлаться революціонной. Но какая разница между этимъ подогрѣтымъ революціонаризмомъ и горячимъ, могучимъ революціонаризмомъ, вдохновлявшимъ ее въ концѣ прошлаго столѣтія! Тогда буржуазія была искренна, она серьезно и наивно вѣрила въ права человѣка, она была двигаема, вдохновляема гонимъ разрушенія и обновленія, она была въ полной силѣ духа и въ полномъ развитіи силъ; она еще не подозрѣвала, что бездна отдѣляетъ ее отъ народа; она себя считала, чувствовала, она дѣйствительно была представительницей народа. Реакція термидора и конспирація Бабефа навсегда лишили ее этой иллюзіи.—Бездна, раздѣляющая рабочій народъ отъ эксплуатирующей, властвующей и благоденствующей буржуазіи, открылась, и чтобы заполнить эту бездну надо пожертвовать не болѣе не менѣе какъ всѣмъ классомъ буржуазіи, всѣмъ привилегированнымъ существованіемъ буржуа.

Поэтому не вся буржуазія въ ея цѣломъ, а только часть ея возобновила послѣ реставраціи конспирацію противъ дворянскаго, клерикальнаго режима и легитимныхъ королей.

Въ ближайшемъ своемъ письмѣ, я предъ вами раскрою, если вы мнѣ позволите, свои мысли относительно послѣдней фазы конституціоннаго либерализма и буржуазнаго карбопаризма.

Второе письмо.

Я сказалъ въ предыдущей статьѣ, что реакціонныя, легитимистическія, феодальныя и клерикальныя попытки возбудили снова къ жизни революціонный духъ буржуазіи, но что между этимъ новымъ духомъ и тѣмъ, который одушевлялъ ее до 1793 года, была громадная разница. Буржуа прошедшаго столѣтія были гигантами, въ сравненіи съ которыми самые смѣлые изъ буржуа этого столѣтія кажутся лишь пигмеями.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо только сравнить ихъ программы. Какова была программа философіи и великой революціи XVIII столѣтія? Не болѣе не менѣе какъ полное освобожденіе всего человѣчества; осуществленіе для каждаго и всѣхъ права и дѣйствительной и полной свободы посредствомъ всеобщаго политическаго и социальнаго уравниенія; торжество человѣчести на развалинахъ божескаго міра; царство свободы и братства на землѣ.—Ошибкой этой философіи и этой революціи было непониманіе, что осуществленіе человѣческаго братства невозможно пока существуютъ Государства, и что дѣйствительное уничтоженіе классовъ и политическое и социальное уравниеніе индивидуумовъ возможны не иначе, какъ при уравниеніи для всѣхъ и каждаго экономическихъ средствъ образованія, обученія, работы и жизни. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо упрекать XVIII вѣкъ за то, что онъ этого не понималъ. Общественныя науки не создаются, не изучаются съ помощью однихъ книгъ; онѣ нуждаются въ великихъ урокахъ исторіи, и надо было снова повторить опыты 1830 и 1848 годовъ, надо было снова повторить опыты 1830 и 1848 годовъ, чтобы прійти къ этому, отнынѣ несокрушиму, заключенію, что всякая политическая революція не ставящая себѣ *немедленной* и *прямой* цѣлью экономическое равенство, является, съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ и правъ, ничѣмъ инымъ, какъ лицемѣрной и замаскированной реакціей.

Эта, столь очевидная и простая истина была еще неизвестной въ концѣ XVIII столѣтія, и когда Бабефъ выдвинулъ экономическій и социальный вопросъ, сила революціи была уже исчерпана. Тѣмъ не менѣе этой послѣдней принадлежитъ безсмертная честь выдвигенія самой великой цѣли, изъ всѣхъ когда нибудь выдвигаемыхъ въ исторіи, — освобожденія всего человѣчества въ его цѣломъ.

Какую же преслѣдуетъ цѣль, въ сравненіи съ этой громадной программой, программа революціоннаго либерализма въ эпоху Реставраціи и Іюльской монархіи? Пресловутую благоразумную свободу, очень скромную, очень упорядоченную, очень ограниченную, приоровленную какъ разъ къ ослабѣвшему темпераменту полунасыщенной буржуазіи, которая, уставши отъ сраженій и ощущая нетерпѣніе благоденствовать, уже чувствовала себя угрожаемой не сверху, но снизу, и съ безпокойствомъ видѣла появленіе на горизонтѣ, словно черной массы, безчисленныхъ милліоновъ эксплуатируемыхъ пролетаріевъ, уставшихъ терпѣть и готовящихся потребовать осуществленія своего права.

Съ начала настоящаго столѣтія это рождающееся страшилище, названное позже краснымъ страшилищемъ, этотъ ужасный призракъ права всѣхъ, противоположнаго привилегіямъ счастливаго класса, эта народная справедливость и народный разумъ, которые въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должны обратить въ прахъ софизмы буржуазной экономіи, юриспруденціи, политики и метафизики, становятся, посреди современныхъ триумфовъ буржуазіи, помѣхою ея счастью, ослабляютъ ея увѣренность, ея умъ.

А вѣдь при Реставраціи, социальный вопросъ былъ еще почти невѣдомъ или, лучше сказать, забытъ. Было нѣсколько отдѣльныхъ великихъ мечтателей, какъ Сенъ Симонъ, Робертъ Овенъ, Фурье, чьи геніи или великія сердца отгадали необходимость радикальной переработки экономической организаціи общества. Вокругъ cadaго изъ нихъ группировалось малое число пылкихъ и преданныхъ учениковъ, составляя какъ бы нѣсколько небольшихъ церквей, но они были столь же неизвестны, какъ и ихъ учителя и не имѣли никакого вліянія на окружающій міръ. Было еще коммунистическое завѣ-

шаніе Бабефа, передаіное его славнымъ товарищемъ и другомъ, Буонаротти, самымъ энергичнымъ пролетаріемъ, посредствомъ тайной народнои организаціи. Но тогда это было еще подземной работой, чье проявленіе дало себя почувствовать то только позже, при Польскои монархіи; во время Реставраціи она совершенно не была замѣчена буржуазнымъ классомъ.—Народъ, рабочія массы оставались спокойными и ничего еще для себя самихъ не требовали.

Очевидно, что если страшилище народнои справедливости имѣло въ эту эпоху какое либо бытіе, то оно могло жить лишь въ грѣшной совѣсти буржуа. Откуда явилась эта грѣшная совѣсть? Или буржуа, жившіе при Реставраціи были, какъ индивидуумы, болѣе злы, чѣмъ ихъ отцы, сдѣлавшіе революціи 1789 и 1793 года? Нисколько. Это были почти одинаковые люди, но только поставленные въ другую среду, въ другія политическія условія, обогащенные новою опытностью и слѣдовательно имѣющіе другую совѣсть.

Буржуа прошлаго столѣтія искренно вѣрили, что освобождая самихъ себя отъ монархическаго, клерикальнаго и феодальнаго ига, они освободятъ вмѣстѣ съ собой весь народъ. И это чинное, искреннее вѣрованье и было источникомъ ихъ геройскои смѣлости и ихъ невѣроятной мощи. Они чувствовали свое единеніе со всѣми, и шли на приступъ, неся въ себя всеобщую силу и право. Благодаря этому праву и этой народнои мощи, которая такъ сказать воплотилась тогда въ этомъ классѣ, буржуа прошлаго столѣтія могли взойти и овладѣть крѣпостью политическаго права, составлявшей предметъ вождедѣнія ихъ отцовъ въ продолженіи столькихъ столѣтій. Но въ то мгновеніе, какъ они водрузили на ней свое знамя, новый свѣтъ озарилъ ихъ умъ. Какъ только они завоевали власть, они начали понимать, что между ихъ буржуазными интересами и интересами народныхъ массъ нѣтъ ничего общаго, что напротивъ между ними есть радикальное противорѣчіе, и что могущество и исключительное процвѣтаніе класса собственниковъ могутъ опираться лишь на несчастія и политическои и соціальной зависимости пролетаріата.

Съ тѣхъ поръ отношенія между буржуазіей и наро-

домъ кореннымъ образомъ измѣнились, и еще раньше чѣмъ рабочіе поняли, что буржуа, болѣе по необходимости, чѣмъ по злой волѣ, являются ихъ естественными врагами, буржуа уже достигли сознанія этого фатальнаго антагонизма. Это то сознаніе я и называю нечистой совѣстью буржуа.

Третье письмо.

Какъ я сказалъ, нечистая совѣсть буржуа парализовала съ начала столѣтія, все интеллектуальное и моральное движеніе буржуазіи. Я поправляюсь и замѣняю слово: *парализовала* словомъ: *извратила*. Ибо было бы неправильно обозвать параличнымъ или лишеннымъ движенія тотъ умъ, который, перейдя отъ теоріи къ приложенію позитивныхъ наукъ, создалъ чудеса современной промышленности, пароходы, желѣзныя дороги и телеграфъ; который, съ другой стороны, открылъ новую науку: статистику, и доведя политическую экономію и историческую критику развитія богатства и цивилизациі народовъ до ихъ послѣднихъ выводовъ, положилъ основаніе новой философіи, — социализму, являющемуся съ точки зрѣнія интересовъ буржуазіи ничѣмъ инымъ, какъ великодушнымъ самоубійствомъ, отрицаніемъ всего буржуазнаго міра.

Параличъ наступилъ лишь позже, съ 1848 года, когда буржуазія, испуганная результатами своихъ прежнихъ работъ, сознательно бросилась назадъ, и отрекшись, ради сохраненія богатства, отъ всякой мысли и всякой воли, подчинилась военнымъ протекторамъ, и отдалась душой и тѣломъ самой полной реакціи. Съ этого времени, она болѣе ничего не изобрѣла, она потеряла вмѣстѣ со смѣлостью и творческую мощь. Она не обладаетъ болѣе даже инстинктомъ самосохраненія, ибо все что она сдѣлала и все что она дѣлаетъ для своего спасенія, фатально толкаетъ ее въ бездну.

До 1848 года она была еще въ полной силѣ духа. Правда этотъ духъ уже не обладалъ той жизненной силой, съ помощью которой отъ XVI-го до XVIII-го вѣка онъ создалъ цѣлый новый міръ. Это уже не былъ героическій духъ класса, который обладалъ всѣми дерзновеньями, ибо долженъ былъ все завоевать: те-

перь это былъ благоразумный и разсудочный духъ новаго собственника, который, пріобрѣтя горячо желанное имущество, долженъ теперь заботиться о его процвѣтаніи и цѣности. Характерной чертой буржуазнаго духа первой половины столѣтія является почти исключительно утилитарная тенденція.

Его въ этомъ упрекали и упреки эти несправедливы. Я напротивъ думаю, что буржуазія оказала человѣчеству послѣднюю великую услугу, проповѣдая, еще болѣе собственнымъ примѣромъ, чѣмъ теоріями, культъ, или лучше сказать, уваженіе къ матеріальнымъ интересамъ. Въ сущности, эти интересы всегда имѣли въ мірѣ преобладающее значеніе; но раньше они маскировались подъ видомъ лицемѣрнаго и нездороваго идеализма, который то именно и дѣлалъ ихъ нездоровыми и несправедливыми.

Тотъ, кто хоть немного занимался исторіей, не могъ не замѣтить, что въ основаніи самыхъ абстрактныхъ, высокихъ и идеальныхъ теологическихъ споровъ и религіозныхъ войнъ, всегда былъ какой нибудь крупный матеріальный интересъ. Всѣ расовыя, національныя, государственныя и классовыя войны, никогда не имѣли другой цѣли, кромѣ владычества, являющагося необходимой гарантіей и условіемъ обладанія имуществомъ и пользованія имъ. Человѣческая исторія, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, является ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ великой жизненной борьбы, составляющей, согласно Дарвину, основной законъ органической природы.

Въ животномъ мірѣ эта борьба происходитъ безъ мыслей и безъ фразъ, она не имѣетъ здѣсь также и разрѣшенія; пока земля будетъ существовать, животныя, плотоядныя по преимуществу, начали свою исторію съ людоедства.—Теперь они стремятся ко всемірной ассоціаціи, къ коллективному производству и потребленію.

Но между этими двумя крайними точками, какая кровавая и ужасная трагедія! И эта трагедія нами еще не окончена. Послѣ людоедства наступило рабство, послѣ рабства крѣпостное состояніе, послѣ крѣпостнаго состоянія, работа по найму, которую долженъ смѣнить во первыхъ страшный день возмездія, а позже, мною

позже, эра братства. Вотъ фазы, чрезъ которыя животная борьба за жизнь постепенно перерабатывается, въ исторіи, въ человѣческую организацію жизни.

И среди этой братоубійственной борьбы людей противъ людей, среди этого взаимнаго пожирания другъ друга, среди этого рабства и этой эксплуатаціи однихъ другими, которая, мѣняя имена и формы, продолжалась непрерывно въ продолженіи всѣхъ вѣковъ до нашихъ дней, какую же роль играла религія? Она всегда освящала насилие и придавала ему форму права. Она перенесла человѣчность, справедливость и братство на фиктивное небо, чтобы предоставить землю царству несправедливости и грубой силы. Она благословляла счастливыхъ разбойниковъ, и что бы сдѣлать ихъ счастье еще болѣе полнымъ, она проповѣдывала ихъ безчисленнымъ жертвамъ, т. е. народу, самоотреченіе и послушаніе. И чѣмъ болѣе идеаль, обожаемый ею на небѣ, казался прекраснымъ, тѣмъ болѣе дѣйствительность на землѣ становилась ужасной. Ибо въ природѣ каждаго идеализма, какъ религіознаго, такъ и метафизическаго, заложено презрѣніе къ реальному міру, а презирая его онъ вмѣстѣ съ тѣмъ его эксплуатируетъ,—откуда вытекаетъ, что всякій идеализмъ необходимо порождаетъ лицемѣріе.

Человѣкъ—матерія, и не можетъ безнаказанно презирать матерію. Онъ животное, и не можетъ уничтожить свою животность; но онъ можетъ и долженъ ее переработать и очеловѣчить черезъ свободу, т. е. черезъ комбинированное дѣйствіе справедливости и разума, которые могутъ имѣть вліяніе на эту животность только потому, что они являются ея произведеніемъ и высшимъ выраженіемъ. Напротивъ того, всякій разъ, что человѣкъ хотѣлъ отвлечься отъ своей животности, онъ становился ея игральщикомъ и рабомъ, а чаще всего даже лицемѣрнымъ служителемъ,—свидѣтельствомъ чему служатъ священники самой идеальной и самой нелѣпой изъ религій, католицизма.

Сравните ихъ хорошо извѣстную безнравственность съ ихъ обѣтомъ цѣломудрія; сравните ихъ ненасытную жадность съ ихъ ученіемъ объ отреченіи отъ благъ сего міра,—и согласитесь, что не существуетъ болѣе материалистичныхъ существъ, чѣмъ эти проповѣдники

христіанскаго идеализма. Да и сейчасъ, какой вопросъ волнуетъ Церковь? Вопросъ о сохраненіи своего имущества, угрожаемаго конфискаціей со стороны Государства этой новой Церкви, являющейся выраженіемъ политическаго идеализма.

Политическій идеализмъ не менѣе пелѣтъ, не менѣе вреденъ, не менѣе лицемеренъ, чѣмъ идеализмъ религіозный, коего онъ является лишь разновидностью, лишь свѣтскимъ и земнымъ выраженіемъ и приложеніемъ. Государство, это младшій братъ Церкви; а патриотизмъ, это Государственная добродѣтель, это культъ Государства, является лишь отраженіемъ божественнаго культа.

Добродѣтельный человекъ, согласно принципамъ идеальной, религіозной и политической школы, долженъ служить Богу и жертвовать собой ради Государства. И вотъ эту-то доктрину буржуазный *утилитаризмъ* съ начала столѣтія и сталъ оцѣпывать по достоинству.

Четвертое письмо.

Одной изъ величайшихъ заслугъ буржуазнаго утилитаризма было, какъ я уже сказалъ, убійство религіи Государства, убійство патриотизма.

Патриотизмъ, какъ извѣстно, это античная добродѣтель, рожденная среди греческихъ и римскихъ республикъ, гдѣ въ дѣйствительности никогда не было другой религіи, кромѣ религіи Государства, другого предмета поклоненія кромѣ Государства.

Что такое Государство? Метафизика и доктора права отвѣчаютъ намъ, что это то, что принадлежитъ всѣмъ; интересы, общее благо и право всѣхъ въ противоположеніи раздѣляющему дѣйствию эгоистичныхъ интересовъ и страстей каждаго. Это земная справедливость, земное осуществленіе морали и добродѣтели. Слѣдовательно для индивидуумовъ не можетъ быть болѣе высокаго подвига и болѣе великой обязанности, какъ продавать себя, жертвовать собой и въ случаѣ нужды умирать ради торжества, ради могущества Государства.

Вотъ въ немногихъ словахъ вся теологія Государства. Посмотримъ теперь, не скрываетъ ли эта полити-

ческая теологія, также какъ и теологія религіозная, подъ очень красивой и поэтической внѣшностью, очень обикповенныя и грязныя реальности.

Проанализируемъ сперва самую идею государства, взявъ ее таковой, какъ намъ ее представляютъ его восхвалители. Это пожертвованье естественной свободой и интересами каждаго, какъ индивидуумовъ, такъ и сравнительно меньшихъ коллективныхъ едипиць: ассоціацій, коммунъ и провинцій,—ради интересовъ и свободы всѣхъ, ради благоденствія великаго цѣлаго. Но это общее, это великое цѣлое, что оно такое въ дѣйствительности? Это совокупность всѣхъ индивидуумовъ и всѣхъ болѣе узкихъ человѣческихъ обществъ, которые его составляютъ. Но, разъ чтобы его составить и соподчиниться въ немъ, всѣ индивидуальныя и мѣстные интересы должны быть пожертвованы, то чѣмъ же является въ дѣйствительности то цѣлое, которое въ идеѣ должно быть ихъ представителемъ? Оно не является живымъ единствомъ, предоставляющимъ каждому свободно дышать и дѣлающимся тѣмъ болѣе богатымъ, могучимъ и свободнымъ, чѣмъ шире развертываются въ его лонѣ свобода и счастье каждаго; оно не является естественнымъ человѣческимъ обществомъ, которое утверждаетъ и увеличиваетъ жизнь каждаго посредствомъ жизни всѣхъ;—напротивъ того, оно является закланіемъ всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и всѣхъ мѣстныхъ ассоціацій, абстракціей, убивающей живое общество ограниченіемъ или, лучше сказать, полнымъ отрицаніемъ жизни и права всѣхъ частей, составляющихъ общее цѣлое, во имя выдуманнаго и фиктивнаго общаго цѣлаго. Таково Государство, этотъ алтарь политической религіи, на которомъ постоянно происходитъ закланіе естественнаго общества. Это всепожиратель, живущій человѣческими жертвами, подобно Церкви. Государство, повторяю еще разъ,—меньшой братъ Церкви.

Чтобы доказать тождество Церкви и Государства, я прошу читателя констатировать фактъ, что какъ Церковь, такъ и Государство основаны существеннымъ образомъ на идеѣ пожертвованія жизнью и естественнымъ правомъ, и что они исходятъ изъ одного и того же принципа. Принципъ этотъ это прирожденная по-

рочность людей, не могущая быть побѣжденной ничѣмъ, кромѣ какъ божьей благодатью и смертью въ Богѣ естественнаго человѣка, согласно Церкви, а, согласно Государству, ничѣмъ инымъ кромѣ какъ закономъ и закланіемъ индивидуума на алтарь Государства. И Церковь и Государство стремятся пересоздать человѣка, первая во святого, второе въ гражданина. Но естественный человѣкъ долженъ умереть, ибо его осужденіе единогласно постановлено, какъ религіей Церкви, такъ и религіей Государства.

Таковы въ ихъ идеальной чистотѣ тождественныя теории Церкви и Государства. Это чистыя абстракціи, но всякая историческая абстракція предполагаетъ историческіе факты. Эти факты, какъ я уже сказалъ въ моей предыдущей статьѣ, обладаютъ очень реальной, очень грубой природой: это насиліе, грабежъ, порабощеніе, завоеваніе. Человѣкъ такъ создалъ, что онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы дѣйствовать, онъ чувствуетъ потребность объяснять и узаконять, передъ своею собственной совѣстью и въ глазахъ всего міра, то, что онъ дѣлаетъ. Религія явилась, чтобы благословлять совершившіеся факты и, благодаря этому благословенію, несправедливый и грубый фактъ обратился въ право. Юридическая наука и политическое право, какъ извѣстно, въ началѣ вытекли изъ теологіи, позже изъ метафизики, которая является ничѣмъ инымъ, какъ замаскированной теологіей, теологіей, имѣющей смѣшную претензію не быть нелѣпой. Метафизика старалась, но тщетно, придать имъ характеръ науки.

Разсмотримъ теперь какую роль играли и продолжаетъ играть въ реальной жизни, въ человѣческомъ обществѣ, абстракція Государства, параллельная исторической абстракціи, называемой Церковью?

Государство, сказалъ я, по самому своему принципу, есть громадное кладбище, гдѣ происходитъ самопожертвованіе, смерть и погребеніе всѣхъ проявленій индивидуальной и мѣстной жизни, всѣхъ интересовъ частей, которыя то и составляютъ всѣ вмѣстѣ общество. Это алтарь, на которомъ реальная свобода и благоденствіе народовъ приносятся въ жертву политическому величію; и чѣмъ это пожертвованіе болѣе полно, тѣмъ Государство совершеннѣй. Я отсюда за-

ключаю, и это мое убѣжденіе, что Русская имперія, это Государство по преимуществу, это, безъ реторики и безъ фразъ, самое совершенное Государство въ Европѣ. Напротивъ того всѣ Государства, въ которыхъ народы могутъ еще дышать, являются, съ точки зрѣнія идеала, Государствами несовершенными, подобно тому какъ всѣ другія Церкви, по сравненію съ римско-католической Церковью, являются неудавшимися Церквями.

Государство, сказалъ я, это абстракція, пожирающая народную жизнь; но для того, чтобы абстракція могла родиться, развиться и продолжать существовать въ реальномъ мірѣ, надо, чтобы существовало реальное коллективное тѣло, заинтересованное въ ея существованіи. Таковымъ не можетъ быть большинство народа, ибо оно именно является жертвой Государства: нуждаться въ немъ можетъ лишь привилегированная группа, жреческое сословіе Государства, правящій и обладающій собственностью классъ, являющійся въ Государствѣ тѣмъ же, чѣмъ въ Церкви является священнослужительскій классъ религіи, священники.

И въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы въ продолженіе всей исторіи? Государство было всегда принадлежностью какого-нибудь привилегированнаго класса: священно-служительскаго, дворянскаго или буржуазнаго; наконецъ когда всѣ другіе классы истощаются, выступаетъ на сцену классъ бюрократовъ и тогда Государство падаетъ или, если угодно, возвышается до положенія машины. Но для существованія Государства непременно нужно, чтобы какой-нибудь привилегированный классъ былъ заинтересованъ въ его существованіи. И вотъ отдѣльный интересъ этого привилегированнаго класса и есть именно то, что называется *патріотизмомъ*.

Пятое письмо.

Быль ли когда-либо патріотизмъ, въ томъ сложномъ смыслѣ, который придаютъ этому слову, народной страстью или добродѣтелью?

Имѣя въ рукахъ исторію, я не колеблясь отвѣчаю на этотъ вопросъ рѣшительнымъ *нѣтъ*, и чтобы дока-

зять читателю, что я не ошибаюсь, отвѣчая такимъ образомъ. я прошу у него позволенія проанализировать главнѣйшіе элементы, которые входятъ другъ съ другомъ въ болѣе или менѣе различныя соединенія, составляютъ то, что называется патріотизмомъ.

Таковыхъ элементовъ четыре: 1) Естественный или фізіологическій элементъ; 2) экономическій элементъ; 3) политическій элементъ; и 4) религіозный или фанатическій элементъ.

Фізіологическій элементъ является главнымъ основаніемъ всякаго, павпнаго, инстинктивнаго и грубаго патріотизма. Это страсть естественная и которая, именно потому что оно слишкомъ естественная, т. е. совершенно животна, находится въ жесточайшемъ прогнворѣчїи со всеї политикой, и, что много хуже, сильно затрудняетъ экономическое, научное и человѣческое развитіе общества.

Естественный патріотизмъ явленіе совершенно звѣриное, встрѣчающееся въ различныхъ степеняхъ въ животномъ и даже, можно отчасти сказать, въ растительномъ царствѣ. Попятый въ этомъ смыслѣ, патріотизмъ это губительная война, это первое проявленіе въ человѣчествѣ той великой и роковой борьбы за жизнь, которая наполняетъ все развитіе, всю жизнь естественнаго реального міра,—борьба непрестанной, всемірнаго пожиранія другъ друга, которое питаетъ cadaго индивидуума, каждую породу мясомъ и кровью индивидуумовъ другихъ породъ, и которое, фатально возобновляясь съ каждымъ часомъ, съ каждымъ мгновеньемъ, позволяетъ жить и развиваться самымъ совершеннымъ, сильнымъ и умнымъ породамъ на счетъ другихъ.

Тѣ, кто занимаются земледѣліемъ или садоводствомъ знаютъ, какъ трудно уберечь свои посадки противъ паразитныхъ породъ, которыя отнимаютъ у нихъ свѣтъ и необходимые для питанія химическіе элементы земли. Наболѣе могучее растеніе то, которое всего лучше приоровлено къ специальнымъ условіямъ климата и почвы, развивается всегда со сравнительно болшей силой и естественно стремится задушить всѣ другія. Это молчаливая, но неустанная борьба и надо всю энергію вмѣшательства человѣка, чтобы защитить предпочитаемыя имъ растенія отъ этого нашествія.

Въ животномъ царствѣ продолжается та же борьба, только съ большимъ драматическимъ оживленіемъ и шумомъ. Здѣсь уже не молчаливое, незамѣтное залушеніе. Здѣсь течетъ кровь, и мучимое, раздираемое, пожираемое животное наполняетъ воздухъ криками. Наконецъ человѣкъ, животное говорящее, вноситъ въ эту борьбу первую фразу, и фраза эта называется патриотизмомъ.

Борьба за жизнь въ растительномъ и животномъ царствѣ не есть лишь борьба между индивидуумами; это борьба между народами, группами и семьями, борьба однихъ противъ другихъ.—Во всякомъ живомъ существѣ есть два инстинкта, два главныхъ интереса: желаніе пищи и желаніе воспроизведенія. Съ точки зрѣнія питанія, каждый индивидуумъ является естественнымъ врагомъ всѣхъ другихъ, безъ принятія въ расчетъ семейныхъ и родовыхъ связей. Поговорка, что волки не ѣдятъ другъ друга справедлива лишь до тѣхъ поръ, покуда волки находятъ для своего питанія животныхъ, принадлежащихъ къ другимъ породамъ, но мы знаемъ, что какъ только въ этихъ послѣднихъ ощущается недостатокъ, волки преспокойно пожираютъ другъ друга. Кошки, свиньи и еще многія другія животныя часто съѣдаютъ своихъ собственныхъ дѣтей, и нѣтъ животнаго, которое бы этого не сдѣлало, принужденное голодомъ. А человѣческія общества, не начали ли они съ людоѣдства? И кто не слышалъ печальныхъ исторій о потерпѣвшихъ крушеніе морякахъ, которые потерявшись среди океана, носясь на хрупкомъ суднѣ и будучи лишены пищи, бросали жребій, кто изъ нихъ долженъ быть пожертвованъ и съѣденъ другими. Наконецъ развѣ мы не видѣли при послѣднемъ большомъ голодѣ, опустошившемъ Алжиръ, матерей, которыя съѣдали собственныхъ дѣтей?

Дѣло въ томъ, что голодъ это жестокой и непобѣдимый деспотъ, и необходимость питаться, необходимость чисто индивидуальная, является первымъ закономъ, главнымъ условіемъ жизни. Это основаніе всей человѣческой и соціальной жизни, точно такъ же, какъ и жизни растительной и животной. Возстаніе противъ необходимости питанія равносильно отрицанію всей жизни, самоприговору къ небытію.

Но на ряду съ этимъ основнымъ закономъ живой природы, есть и другой столь же существенный, — законъ воспроизведенія. Первый стремится къ сохраненію индивидуумовъ, второй къ созданію семействъ, группъ и породъ. Индивидуумы, побуждаемые естественной необходимостью, стремятся соединиться, для цѣлей воспроизведенія, съ индивидуумами, которые по организаціи близки къ нимъ, подобны имъ. Бываютъ различія организаціи, дѣлающія соединеніе бесплоднымъ или даже невозможнымъ. Эта невозможность очевидна между царствомъ растительнымъ и царствомъ животнымъ; но даже и въ этомъ послѣднемъ соединеніе четвероногихъ, напримѣръ, съ птицами, рыбами, пресмыкающимися или насѣкомыми равнымъ образомъ невозможно.

Ограничившись одними четвероногими, мы найдемъ ту же невозможность между различными группами, и такимъ образомъ приходимъ къ заключенію, что возможность соединенія и воспроизведенія можетъ быть осуществленною для индивидуума лишь въ очень ограниченной сферѣ индивидуумовъ, которые, будучи одарены организаціей тождественной или близкой къ организаціи перваго, составляютъ вмѣстѣ съ нимъ ту же группу или то же семейство.

Такъ какъ инстинктъ воспроизведенія составляетъ единственную связь солидарности, могущую существовать между индивидуумами животнаго міра, то тамъ, гдѣ эта способность прекращается, прекращается и всякая животная солидарность. Все, остающееся внѣ группы, въ средѣ которой для индивидуума возможно воспроизведеніе, составляетъ другую породу, совершенно чуждый міръ, міръ враждебный и приговоренный къ уничтоженію; все, что находится внутри, составляетъ широкое отечество породы, — какъ, напримѣръ, для людей человѣчество.

Но уничтоженіе и пожираніе одного живого индивидуума другимъ встрѣчаются не только внѣ того ограниченаго міра, который мы назвали широкимъ отечествомъ породы. Внутри этого міра они свирѣствуютъ съ такой же, а иногда и съ большей силой, какъ вслѣдствіе противоборства и стѣсненія, которыя они здѣсь находятъ, такъ и потому, что къ сраженіямъ изъ за

голода присоединяются столь же ожесточенныя сраженія изъ-за любви.

Кромѣ того, каждая порода животныхъ подраздѣляется на различныя группы и семейства, видоизмѣняясь подѣ вліяніемъ географическихъ и климатологическихъ условій различныхъ странъ, среди которыхъ она живетъ. Большее или меньшее различіе условій жизни опредѣляетъ соотвѣтственное различіе въ организаціи индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одной и той же породѣ. Кромѣ того извѣстно, что всякій животный индивидуумъ естественно стремится соединиться съ индивидуумомъ, наиболѣе схожимъ съ нимъ, откуда естественно вытекаетъ развитіе большого числа видоизмѣненій въ каждой породѣ. А такъ какъ различія, опредѣляющія эти видоизмѣненія, основаны главнымъ образомъ на воспроизведеніи, такъ какъ воспроизведеніе есть единственное основаніе всей животной солидарности, то, очевидно, широкая солидарность породы должна подраздѣляться на множество болѣе ограниченныхъ солидарностей и широкое отечество породы разбиваться на массу маленькихъ животныхъ отечествъ, враждебныхъ и уничтожающихъ другъ друга.

Естественный или физиологическій патріотизмъ.

Я показалъ въ моемъ предыдущемъ письмѣ, что патріотизмъ, поскольку это естественная страсть, вытекаетъ изъ физиологическаго закона, а именно изъ закона, опредѣляющаго раздѣленіе живыхъ существъ на породы, семейства и группы.

Страсть патріотическая очевидно страсть общественная. Чтобы найти ея яснѣйшее выраженіе въ животномъ мірѣ, надо обратиться къ породамъ животныхъ, которыя подобно человѣку одарены природой въ высокой мѣрѣ общественной: напримѣръ, къ муравьямъ, къ ичеламъ, къ бобрамъ и ко многимъ другимъ животнымъ, обладающимъ общими, неподвижными жилищами, а также къ животнымъ, бродящимъ въ стадахъ; животныя имѣющія общее, неподвижное жилище, служатъ иллюстраціей патріотизма земледѣльческихъ на-

родовъ, а животныя, бродящія въ стадахъ -- патріотнама бродячихъ народовъ, понятно патріотизма лишь въ его естественномъ, фізіологическомъ элементѣ.

Очевидно патріотизмъ первыхъ полнѣе патріотнама послѣднихъ. Этотъ послѣдній устанавливаетъ лишь солидарность индивидуумовъ въ стадѣ, между тѣмъ какъ первый создаетъ еще связь индивидуумовъ съ почвой и жилищемъ, въ которомъ они обитаютъ. Привычка — эта вторая природа какъ людей, такъ и животныхъ, — образъ жизни, все это гораздо опредѣленнѣй, устойчивѣй у животныхъ общественныхъ и осѣдлыхъ, чѣмъ среди бродячихъ стадъ; а изъ этихъ-то особенностей въ привычкахъ и въ образѣ жизни и составляется главный элементъ патріотизма.

Естественный патріотизмъ можно опредѣлить такъ: это инстинктивная, мащимальная и совершенно лишенная критики привязанность къ общественно принятому, наслѣдственному, традиціонному образу жизни, и столь же инстинктивная, мащимальная враждебность ко всякому другому образу жизни. Это любовь къ своему и къ своимъ и непамять ко всему, имѣющему чуждый характеръ. Итакъ, патріотизмъ это съ одной стороны коллективный эгоизмъ, а съ другой стороны -- война.

Это недостаточно могучая солидарность, чтобы индивидуумы-члены животной общины не пожирали другъ друга въ случаѣ пужды; но она достаточно сильна, чтобы индивидуумы, забывъ междуусобія, соединялись всякій разъ, какъ имъ грозитъ вторженіе чужой общины.

Посмотрите, напримѣръ, на собакъ какой-нибудь деревни. Собаки въ естественномъ состояніи не составляютъ коллективныхъ республикъ; предостаточныя собственнымъ инстинктамъ, онѣ живутъ, подобно волкамъ, въ бродячихъ стаяхъ, и только подъ вліяніемъ челоуѣка обращаются въ осѣдлыхъ животныхъ. Но прикрѣпленныя къ мѣсту, онѣ составляютъ въ каждой деревнѣ своего рода республику, основанную не на коммунистическомъ строѣ, а на индивидуальной свободѣ, согласно девизу, столь любимому буржуазными экономистами: каждый за себя и чертъ побери оплошавшаго. У собакъ безграничная свобода и попустительство, конкуренція, безустанная, безжалостная война, въ которой

болѣе сильный всегда кусаетъ болѣе слабого, — совершенно, какъ въ буржуазныхъ республикахъ. Но пусть только собака сосѣдней деревни выглянетъ на ихъ улицѣ, и вы тотчасъ увидите, какъ всѣ эти ссорящіеся сограждане толпой бросятся на несчастнаго иностранца.

Не есть ли это точная копія или лучше сказать оригиналь, ежедневно копируемый человѣческимъ обществомъ? Не есть ли это самое полное проявленіе того естественнаго патріотизма, о которомъ я сказалъ и осмѣливаюсь повторить, что это чисто звѣриная страсть? Бя звѣриный характеръ несомнѣненъ, ибо собаки безспорно звѣри, а человѣкъ, будучи животнымъ подобно собакамъ и другимъ земнымъ животнымъ, но только животнымъ, одареннымъ фізіологической способностью думать и говорить, начинаетъ свою исторію со звѣринаго состоянія и только съ теченіемъ вѣковъ завоевываетъ и создаетъ свою человѣчность.

Разъ мы знаемъ происхожденіе человѣка, насъ не должна удивлять его звѣриность, являющаяся естественнымъ фактомъ въ серіи естественныхъ фактовъ, насъ не должна она и возмущать. Отсюда, однако, нисколько не вытекаетъ, чтобы противъ нея не надо было бороться съ самой большой энергіей, ибо вся человѣческая жизнь ничто иное, какъ непрерывная борьба съ естественной звѣриностью человѣка ради его человѣчности.

Я хотѣлъ лишь констатировать, что патріотизмъ, восхваляемый намъ поэтами, политиками всѣхъ школъ, правительствами и всѣми привилегированными классами, какъ высшая и идеальная добродѣтель, имѣетъ корень не въ человѣческихъ, но въ звѣриныхъ свойствахъ человѣка.

И дѣйствительно безраздѣльное всецѣлое царствованіе естественнаго патріотизма мы видимъ въ началѣ исторіи и въ наименѣе цивилизованныхъ частяхъ человѣческаго общества. — Конечно въ человѣческихъ обществахъ патріотизмъ является гораздо болѣе сложнымъ чувствомъ, чѣмъ въ другихъ животныхъ обществахъ, по той простой причинѣ, что жизнь человѣка, животнаго мыслящаго и одареннаго словомъ, обнимаетъ несравненно больше предметовъ, чѣмъ жизнь животныхъ

другихъ породъ. Къ чисто физическимъ привычкамъ и обычаямъ въ немъ присоединяются еще традиція, болѣе или менѣе абстрактныя, интеллектуальныя и моральныя,—цѣлая масса истинныхъ и ложныхъ представленій вмѣстѣ съ различными, религіозными, экономическими, политическими и социальными обычаями.— Все это, постольку входитъ, какъ элементъ, въ естественный патріотизмъ человѣка, поскольку всѣ эти вещи, комбинируясь тѣмъ или другимъ способомъ, составляетъ существованія, традиціонный и отличный отъ другихъ строй жизни, мыслей и поступковъ.

Но какова бы ни была разница, въ отношеніи количества и качества охватываемыхъ ими объектовъ, между естественнымъ патріотизмомъ человѣческихъ и звѣриныхъ обществъ, общее между ними то, что и тотъ и другой являются инстинктивными, традиціонными, привычными, общественными страстями, чья интенсивность нисколько не зависитъ отъ природы ихъ содержанія. Напротивъ того можно сказать, что чѣмъ это содержаніе менѣе сложно, чѣмъ оно проще, тѣмъ сильнѣе и исключительнѣй патріотическое чувство, которое служить его проявленіемъ и выраженіемъ.

Животное, очевидно гораздо болѣе привязано къ наследственнымъ обычаямъ общества, къ которому оно принадлежитъ, чѣмъ человѣкъ. У животнаго эта патріотическая привязанность фатальна; животное не можетъ само собой отъ нее освободиться, и, если освобождается иногда, то только подъ вліяніемъ человѣка. Точно также въ человѣческихъ обществахъ, чѣмъ менѣе развита цивилизація, чѣмъ менѣе сложное основаніе социальной жизни, тѣмъ сильнѣе проявляется естественный патріотизмъ, т. е. инстинктивная привязанность индивидуумовъ ко всѣмъ матеріальнымъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ привычкамъ, составляющимъ обычную, традиціонную жизнь отдѣльной общины, и ненависть, ко всему чуждому и отличающемуся.— Откуда вытекаетъ, что естественный патріотизмъ обратно пропорціоналенъ развитію цивилизаціи, т. е. торжеству человѣчности въ человѣческихъ обществахъ.

Никто не будетъ отрицать, что естественный инстинктивный патріотизмъ несчастныхъ племенъ ледовитаго пояса, едва затронутыхъ человѣческой цивилизаціей и

чья даже матеріальная жизнь очень бѣдна, безконечно сильнѣе, безконечно исключительнѣй, чѣмъ патріотизмъ француза, англичанина или напрімѣръ иѣмца. Нѣмецъ, англичанинъ, французъ вездѣ могутъ жить и акклиматизироваться, между тѣмъ уроженецъ полярныхъ странъ умеръ бы въ скоромъ времени отъ тоски по родинѣ, если бы его удерживали вдали отъ нее. И однако что можетъ быть болѣе ничтожнымъ, менѣе человѣчнымъ, чѣмъ его существованіе! А это служитъ лишнимъ доказательствомъ, что интенсивность естественнаго патріотизма является показателемъ не человѣчности, а звѣринности.

Наряду съ положительнымъ элементомъ патріотизма, заключающемся въ инстинктивной привязанности индивидуумовъ къ опредѣленному образу существованія, свойственному той общинѣ, къ которой они принадлежатъ, существуетъ еще отрицательный элементъ, столь же существенный какъ и первый и неотдѣлимый отъ него; это равно инстинктивное отвращеніе ко всему чуждому—отвращеніе инстинктивное и слѣдовательно совершенно звѣринное, да, въ самомъ дѣлѣ, звѣриное, ибо это отвращеніе тѣмъ энергичнѣй и непобѣдимѣе, чѣмъ менѣе тотъ, который его испытываетъ, думаль и понималь, чѣмъ менѣе онъ человѣкъ.

Въ настоящее время это патріотическое отвращеніе къ всему иностранному встрѣчается только у дикихъ народовъ; въ Европѣ его можно найти у полудикаго населенія, которое буржуазная цивилизація не удостоила просвѣтить, хотя она и не забываетъ его эксплуатировать. Въ самыхъ большихъ столичныхъ городахъ Европы, въ Парижѣ и особенно въ Лондонѣ, есть улицы, предоставленныя нищенскому населенію, котораго никогда даже не касались лучи просвѣщенія. Достаточно появленія на этихъ улицахъ иностранца, чтобы его окружила толпа несчастныхъ человѣческихъ существъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, едва одѣтыхъ и носящихъ во всей своей внѣшности слѣды самой ужасной нищеты и самого глубокаго паденія; они осыпаютъ новоприбывшаго ругательствами, иногда даже побоями, и единственно потому, что онъ иностранецъ. Развѣ подобнаго рода грубый и дикій патріотизмъ не является самымъ

кричащимъ отрицаніемъ всего что называется чело-
вѣчностью?

И однако есть весьма просвѣщенные буржуазные газеты, какъ папримѣръ Journal de Genève, которыя не чувствуютъ никакого стыда, эксплуатируя столь мало челоувѣческой предразсудокъ и столь всецѣло звѣриную страсть. Я однако долженъ отдать имъ справедливость и охотно сознаюсь, что, эти газеты эксплуатируютъ патріотизмъ, нисколько его не раздвляя и единственно лишь потому что имъ выгодно его эксплуатировать, подобно тому какъ поступаютъ въ настоящее время почти всѣ священники всѣхъ религій, проповѣдующіе религиозныя нелѣпности, сами не вѣря въ нихъ и единственно лишь потому, что очевидно въ интересахъ привилегированныхъ классовъ, чтобы народныя массы продолжали вѣрить.

Когда journal de Genève не находитъ уже болѣе аргументовъ и доказательствъ, то эта газета говоритъ: эта вещь, эта идея, этотъ челоувѣкъ памъ *чужды*, и она имѣетъ столь низкое представлепіе о своихъ соотечественникахъ, что ищетъ надежду, что достаточно будетъ этого страшнаго слова *чуждый*, чтобы они, позабывъ все, и здравый смыслъ и челоувѣчность и справедливость, стали на ея сторону.

Я самъ не женевецъ, но я слишкомъ уважаю жителей Женевы, чтобы не думать, что journal ошибается на ихъ счетъ. Они, конечно не захотятъ пожертвовать челоувѣчностью ради звѣриности, эксплуатируемой коварствомъ.

Патріотизмъ.

(Продолженіе).

Я сказалъ, что патріотизмъ, поскольку онъ инстинктивенъ или естественъ, имѣетъ всѣ свои корни въ животной жизни и не представляетъ ничего другого, какъ извѣстной комбинаціи коллективныхъ привычекъ: матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ, экономическихъ, политическихъ и социальныхъ, развитыхъ традиціей или исторіей, въ ограниченномъ челоувѣческомъ обществѣ. Эти привычки, какъ я прибавилъ

еще, могутъ быть хороши или плохи; причемъ объектъ этого инстинктивнаго чувства—патріотизма не имѣеть никакого вліянія на степень его интенсивности. Даже если бы пришлось допустить въ этомъ отношеніи извѣстную разницу, то она скорѣй склонялась бы на сторону худыхъ, чѣмъ хорошихъ качествъ. Ибо—по причинѣ животнаго происхожденія всякаго человѣческаго общества, и въ силу той силы инерціи, которая имѣеть столь же широкое поле дѣйствія въ интеллектуальномъ и моральномъ мірѣ, какъ и въ мірѣ материальномъ,—во всякомъ обществѣ, которое еще не вырождается, а напротивъ прогрессируетъ и идетъ впередъ, плохія привычки, имѣя за себя первенство по времени, вкоренены болѣе глубоко, чѣмъ хорошія. Это намъ объясняетъ почему изъ общей суммы нынѣшнихъ общественныхъ привычекъ, въ самыхъ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра, по крайней мѣрѣ девять десятыхъ никуда не годятся.

Да не воображаютъ, что я вздумалъ объявить войну всеобщему обычаю общества и людей управляться *привычками*. Какъ и во многихъ другихъ вещахъ, они въ этомъ лишь фатально повинуются естественному закону, а было бы нелѣпо возставать противъ естественныхъ законовъ. Дѣйствіе привычекъ въ интеллектуальной и моральной жизни индивидуумовъ и обществъ подобно дѣйствію растительныхъ силъ въ жизни органической. Какъ и то, такъ и другое являются условіями существованія и реальности. Какъ добро, такъ и зло должны, чтобы сдѣлаться реальной вещью, перейти въ привычку, какъ въ индивидуальномъ чловѣкѣ, такъ и въ обществѣ. Всѣ упражненія, которымъ предаются люди, не имѣютъ другой цѣли, и самыя лучшія вещи не могутъ укорениться въ чловѣкѣ и сдѣлаться его второй природой иначе, какъ въ силу привычки. Итакъ бессмысленно возставать противъ нее, ибо это фатальная сила, которую не смогли бы уничтожить никакой умъ и никакая воля. Но, если просвѣщенные разумомъ нашего вѣка и нашимъ представленіемъ объ истинной справедливости, мы серьезно пожелаемъ сдѣлаться людьми, то намъ остается только одно: постоянно направлять силу воли, т. е. привычку хотѣть, развитую въ насъ незасимыми отъ насъ обстоя-

тельствами, къ искорененію плохихъ привычекъ и къ насажденію на ихъ мѣсто хорошихъ. Чтобы очеловѣчить цѣлое общество, надо безпощадно уничтожить всѣ причины, всѣ политическія, экономическія и соціальныя условія, порождающія въ индивидуумахъ зло, и замѣстить ихъ такими условіями, которыя бы производили въ этихъ самыхъ индивидуумахъ привычку и практическое примѣненіе добра.

Съ точки зрѣнія современнаго сознанія, съ точки зрѣнія челоуѣчности и справедливости, которыя, наконецъ поняты нами, благодаря прошедшему развитію исторіи, — патріотизмъ является привычкою дурной, узкой и злополучной, ибо онъ является отрицаніемъ челоуѣческаго равенства и солидарности. Соціальный вопросъ, практически выставленный въ настоящее время рабочимъ міромъ Европы и Америки, и чье разрѣшеніе возможно не иначе, какъ съ уничтоженіемъ границъ Государствъ, необходимо стремится искоренить эту традиціонную привычку изъ сознанія работниковъ всѣхъ странъ. Ниже я покажу, что уже съ начала столѣтія эта привычка была сильно поколеблена въ сознаніи высшей финансовой, торговой и промышленной буржуазіи, благодаря удивительному и совершенно международному развитію богатствъ и ея экономическихъ интересовъ. Но прежде я долженъ показать, какимъ образомъ, много раньше этой буржуазной революціи, инстинктивный, естественный патріотизмъ, являющійся по самой природѣ своей очень узкимъ, очень ограниченнымъ чувствомъ и чисто мѣстной общественной привычкою, потерялъ въ самомъ началѣ исторіи глубокое измѣненіе, извращеніе и уменьшеніе, благодаря послѣдовательному образованію политическихъ Государствъ.

Въ самомъ дѣлѣ патріотизмъ, поскольку это чисто естественное чувство, т. е. продуктъ реально-солидарной жизни общины, еще не ослабленный разсужденіемъ и дѣйствіемъ экономическихъ и политическихъ интересовъ, а также религіозныхъ абстракцій; такой патріотизмъ, если и не вполне, то въ громадной своей части животный, можетъ обнимать лишь очень ограниченный міръ: одно племя, одну деревню. Въ началѣ исторіи, какъ и нынѣ у дикихъ народовъ, не было ни

націй, ни національныхъ языковъ, ни національныхъ культовъ, — т. е. не было отечествъ въ политическомъ смыслѣ этого слова. Каждое мѣстечко, каждая деревня имѣла свой собственный языкъ, своего Бога, своего священника или колдуна. Это было ничто иное, какъ размножившаяся, расширившаяся семья, которая утверждала себя жизнью, и будучи въ войнѣ со всѣми, отрицала своимъ существованіемъ все остальное человечество. Таковъ естественный патриотизмъ въ своей энергичной и наивной неподкрашенности.

Мы встрѣчаемъ еще остатки этого патриотизма въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы, на примѣръ въ Италіи, особенно въ южныхъ областяхъ итальянскаго полуострова, гдѣ строеніе почвы, горы и море создаютъ преграды между долинами, общинами и городами, отдѣляютъ ихъ, изолируютъ и дѣлаютъ почти совершенно чуждыми другъ другу. Прудонъ замѣтилъ съ большой основательностью въ своей брошюрѣ объ итальянскомъ единствѣ, что это единство является покуда еще только идеей и чисто буржуазной, но нисколько не народной страстью; что по крайней мѣрѣ деревенское населеніе осталось донинѣ по отношенію къ этому единству совершенно равнодушно, а я прибавлю, даже враждебно, ибо это единство, входя съ одной стороны въ противорѣчіе съ мѣстными патриотизмами, съ другой стороны ничего до сихъ поръ не принесло населенію, кромѣ безжалостной эксплуатаціи, гнета и разоренія.

Не видимъ ли мы часто даже въ Швейцаріи, особенно въ первоначальныхъ кантонахъ, борьбу мѣстнаго патриотизма противъ кантональнаго, и этого послѣдняго противъ политическаго, національнаго патриотизма, имѣющаго своимъ объектомъ всю республиканскую конфедерацію въ ея цѣлости?

Въ заключеніе, въ видѣ резюме всего сказаннаго, я повторяю, что патриотизмъ, какъ естественное чувство, будучи по своей сущности чувствомъ существенно мѣстнымъ, является серьезнымъ препятствіемъ къ образованію Государствъ, и что слѣдовательно эти послѣднія, а съ ними и цивилизація не могли основаться иначе какъ уничтоживъ, если и не вполне, то въ значительной мѣрѣ, эту животную страсть.

Патріотизмъ.

(Продолженіе).

Разсмотрѣвъ вначалѣ патріотизмъ съ естественной точки зрѣнія и доказавъ, что съ этой точки зрѣнія, патріотизмъ является съ одной стороны чувствомъ собственно звѣринымъ или животнымъ, и что съ другой стороны онъ — явленіе существенно мѣстное, ибо онъ можетъ обнять лишь очень ограниченное пространство міра, гдѣ лишенный цивилизаціи человѣкъ проводитъ свою жизнь,—я перехожу теперь къ анализу исключительно человѣческаго патріотизма, патріотизма экономического, политическаго и религіознаго.

Это фактъ, констатированный натуралистами и теперь уже сдѣлавшійся аксіомой, что количество всякаго животнаго населенія всегда соответствуетъ количеству средствъ къ пропитанію, находящихся въ обитаемой этимъ населеніемъ странѣ. Населеніе увеличивается всякій разъ, какъ эти средства встрѣчаются въ большемъ количествѣ, оно уменьшается съ уменьшеніемъ этого количества. Когда животное населеніе сѣдуетъ всѣ запасы страны, оно переселяется. Но это переселеніе, разрывая всѣ старія привычки, всѣ каждодневныя, рутинныя жизненные обычаи, и принуждая искать, безъ всякаго знанія, всякой мысли, инстинктивно и совершенно на удачу, средства пропитанія въ совершенно незнакомыхъ странахъ, всегда сопровождается лишеніями и страшными мученіями. Большая часть переселяющагося животнаго населенія умираетъ съ голоду, и часто служитъ пищей остающимся въ живыхъ; только меньшей части удается акклиматизироваться и разыскать новыя средства къ пропитанію въ новой странѣ.

Отсюда возникаютъ войны, войны между породами, питающимися одними и тѣми же вещами, войны между породами, которыя, чтобы питаться, должны пожирать другъ друга. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, животный міръ является ничѣмъ инымъ, какъ кровавой гекатомбой, ужасной и плачевной трагедіей, написанной голодомъ.

Тѣ, кто признаетъ существованіе Бога-творца, и не подозрѣваютъ, какой они дѣлаютъ ему комплиментъ, выставляя его творцомъ *этого міра*. Какъ! всемогущій, всемудрый, всеблагій Богъ не могъ прійти ни къ чему другому, какъ къ созданію подобнаго міра — страшилища.

Правда, теологи имѣютъ превосходный аргументъ для объясненія этого возмутительнаго противорѣчія. Міръ былъ созданъ совершеннымъ, говорятъ они; въ немъ царилъ вначалѣ абсолютная гармонія, до того времени, какъ человѣкъ согрѣшилъ, а разгнѣванный на него Богъ проклялъ человѣка и міръ.

Эго объясненіе тѣмъ болѣе наставительно, что оно полно нелѣпостей, а, какъ извѣстно, въ нелѣпомъ то и состоитъ сила теологовъ. Для нихъ чѣмъ какая-нибудь вещь болѣе нелѣпа, невозможна, тѣмъ она истиннѣе. Вся религія ничто другое, какъ обожествленіе нелѣпаго.

Итакъ, совершенный Богъ сотворилъ совершенный міръ, но вотъ это совершенство поскальзывается и навлекаетъ на себя проклятiе творца; послѣ этого абсолютное совершенство дѣляется абсолютнымъ несовершенствомъ. Какимъ образомъ совершенство могло сдѣлаться несовершенствомъ? На это отвѣтять, что такъ случилось именно потому, что міръ, хотя и совершенный при сотвореніи, тѣмъ не менѣе не былъ абсолютнымъ совершенствомъ, ибо абсолютенъ одинъ Богъ, Высшее Совершенство. Міръ былъ совершененъ лишь относительно и въ сравненіи съ тѣмъ, каковъ онъ теперь.

Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ употреблять слово: совершенство, слово, не примѣнимое ни къ чему относительному? Развѣ совершенство можетъ быть не абсолютнымъ? Скажите лучше, что Богъ сотворилъ міръ несовершеннымъ, но лучшимъ, чѣмъ онъ есть въ настоящее время. Но если онъ былъ лишь относительно лучшимъ, если онъ не былъ совершеннымъ, то онъ не являлъ въ себѣ той гармоніи и абсолютнаго міра, разсказами о которыхъ господа теологи намъ оглушаютъ уши. И въ такомъ случаѣ мы спросимъ у нихъ: Развѣ не долженъ творецъ, по вашимъ собственнымъ словамъ, быть оцѣниваемъ по своему творенію, какъ работникъ по совершенной имъ работѣ? Творецъ несовершенной вещи очевидно несовершененъ; развѣ міръ

былъ созданъ несовершеннымъ, то Богъ, его творецъ, очевидно несовершененъ. Ибо фактъ сотворенія несовершеннаго міра можетъ быть объясненъ лишь его немудростью, или немощностью, или же злобой.

Мнѣ возразятъ, что міръ былъ совершененъ, но только менѣе совершененъ, чѣмъ Богъ. На это я отвѣчу, что когда дѣло идетъ о совершенствѣ, то нельзя говорить о большемъ или меньшемъ; совершенство полно, всецѣло, абсолютно, или же оно вовсе не существуетъ. Итакъ, если міръ былъ менѣе совершененъ, чѣмъ Богъ, міръ былъ несовершеннымъ; откуда вытекаетъ что Богъ, творецъ несовершеннаго міра, былъ самъ несовершененъ, что онъ и теперь несовершененъ, что онъ никогда не былъ Богомъ, что Богъ не существуетъ.

Чтобы спасти существованіе Бога, господа теологи будутъ принуждены согласиться, что созданный имъ міръ былъ при сотвореніи совершеннымъ. Но тогда я имъ поставлю два маленькихъ вопроса. Во-первыхъ, если міръ былъ совершеннымъ, то такимъ образомъ два совершенства могли существовать вѣдъ другъ друга? Совершенство можетъ быть лишь едино; оно не терпитъ двойственности, ибо въ двойственности одно ограничивается другимъ и становится такимъ образомъ несовершеннымъ. Значитъ, если міръ былъ совершененъ, то не было Бога ни превыше его, ни даже вѣдъ его, — самъ міръ былъ Богомъ. — Второй вопросъ. Если міръ былъ совершененъ, то какимъ образомъ онъ могъ низпасть? Хорошее совершенство, могущее измѣниться и исчезнуть! И, если признать что совершенство можетъ низпасть, то значить и Богъ можетъ низпасть! — Другими словами Богъ, конечно, существовалъ въ вѣрующемъ воображеніи людей, но человѣческій разумъ, все болѣе и болѣе торжествующій въ исторіи, обрекаетъ его уничтоженію.

И сверхъ всего, какъ онъ страненъ, этотъ Богъ христіанъ! Онъ сотворилъ человѣка такимъ образомъ, чтобы тотъ могъ, чтобы тотъ *долженъ* былъ согрѣшить и низпасть. Богъ, имѣя между своими безконечными атрибутами всевѣдѣніе, не могъ не знать, творя человѣка, что тотъ согрѣшитъ; а, разъ Богъ это зналъ, человѣкъ *долженъ* былъ пасть: иначе онъ дерзко уличилъ бы во лжи божественное всевѣдѣніе. Итакъ, за-

чѣмъ говорятъ о человѣческой свободѣ? Здѣсь была фатальность! Повинуясь этому фатальному влеченію,—самый простодушный отецъ семейства и тотъ на мѣстѣ Бога могъ бы это предвидѣть,—человѣкъ грѣшитъ: и вотъ божеское совершенство вдругъ впадаетъ въ ужасный гнѣвъ, гнѣвъ столь же смѣшной, какъ и отвратительный. Богъ проклинаетъ не только тѣхъ, кто преступилъ его законъ, но и все ихъ потомство, хотя оно въ то время еще не существовало, и слѣдовательно, было совершенно невинно въ грѣхѣ нашихъ прародителей. Не удовольствовавшись этою возмутительной несправедливостью, онъ проклинаетъ еще ни въ чемъ нешовинный, гармоничный міръ и дѣлаетъ его вмѣстѣлищемъ всѣхъ ужасовъ и преступленій, мѣстомъ постоянной бойни. Потомъ, рабски связанный собственнымъ гнѣвомъ и проклятіемъ, изреченнымъ имъ противъ міра и людей, противъ своего собственного творенія, что же дѣлаетъ Богъ, вспомня наконецъ, что онъ Богъ любви? Ему недостаточно что онъ наполнилъ ради своего гнѣва кровью цѣлый міръ; этотъ кровавый Богъ проливаетъ еще кровь своего единственного Сына; онъ жертвуетъ имъ подъ предлогомъ примиренія міра съ своимъ божескимъ Величествомъ! И если бы еще это удалось! Но нѣтъ, міръ природы и человѣчество остаются столь же раздираемыми и окровавленными, какъ и до этого чудовищнаго искупленія. Откуда съ очевидностью вытекаетъ, что Богъ христіанъ, подобно всѣмъ предшествовавшимъ ему Богамъ, является Богомъ столь же бессильнымъ, какъ и жестокимъ, столь же нелѣпымъ, какъ и злымъ.

Увы! въ колыбели человѣческой цивилизаціи мы находимъ людоедство. Начиная съ этого же времени и не прекращаясь до нынѣ ведутся всеуничтожающія войны, войны расъ и народовъ: войны завоевательныя, войны равновѣсія, войны политическія и войны религіозныя, войны во имя великихъ идей, подобныя той, которую ведетъ Франція, направляемая своимъ теперешнимъ императоромъ *) и войны патріотическія, подобныя тѣмъ, которыя задумываютъ нынѣ съ одной стороны пангерманистическій министръ въ Берлинѣ и

*) Наполеонъ III.

съ другой стороны панславистскій царь въ Санъ-Петербургѣ.

И въ основаніи всего этого, подъ всѣми лицемѣрными фразами, которыми пользуются, чтобы придать себѣ виѣтній видъ человѣчности и правоты, что такое мы находимъ? Всегда одинъ и тотъ же экономическій вопросъ: *стремленіе однихъ жить и благоденствовать на счетъ другихъ*. Все остальное лишь притворство. Невѣжды, простецы и дураки даются на эту удочку, но ловкіе люди, управляющіе судьбами Государствъ, знаютъ очень хорошо, что въ основаніи всѣхъ войнъ, есть только одинъ движущій поводъ: грабежъ, завоеваніе чужого богатства и порабощеніе чужого труда.

Такова жестокая и грубая дѣйствительность, которую добрые Боги всѣхъ религій, Боги войны всегда благославляли; начиная съ Егвы, вѣчнаго Отца нашего Господа Иисуса Христа, который приказалъ своему избранному народу избить всѣхъ жителей Обѣтованной земли,—и кончая католическимъ Богомъ, представленнымъ папами, которые въ вознагражденіе за избіеніе язычниковъ, магометанъ и еретиковъ, подарили землю этихъ несчастныхъ ихъ счастливымъ убійцамъ, еще дымящимся въ ихъ крови. Для жертвъ—адъ; для палачей—имущество и земли убитыхъ,—такова цѣль самыхъ святыхъ войнъ религіозныхъ.

Очевидно, что по крайней мѣрѣ до сего времени, человѣчество не являло въ себѣ исключенія изъ общаго закона животнаго міра, который приговариваетъ всѣ живыя существа пожирать другъ друга, чтобы жить. Только социализмъ, какъ я постараюсь это показать въ продолженіи этихъ статей, только социализмъ, ставя на мѣсто политической, юридической и божеской справедливости человѣческую, замѣщая патріотизмъ всемірной солидарностью людей, а экономическую конкуренцію интернаціональной организаціей общества, всецѣло основаннаго на трудѣ, можетъ положить конецъ войнѣ, этому грубому проявленію человѣческой животности.

Но до тѣхъ поръ пока онъ не восторжествовалъ на землѣ, тщетно будутъ протестовать всѣ буржуазные Конгрессы мира и свободы, тщетно будутъ предсѣдательствовать на нихъ всѣ Викторы Гюго всего свѣта;

люди будутъ продолжать раздирать другъ друга, какъ дикія животныя.

Хорошо дознано, что человѣческая исторія, подобно исторіи всѣхъ другихъ животныхъ породъ, началась съ войны. Война эта, не имѣвшая и не имѣющая другой цѣли кромѣ завоеванія средствъ къ жизни, имѣла различныя фазы развитія, параллельныя различнымъ фазамъ цивилизаціи, т. е. развитія человѣческихъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію.

И такія то нелѣпности хотятъ навязать нашей свободѣ, нашему разуму! Посредствомъ подобныхъ чудовищностей претендуютъ воспитать, очеловѣчить людей! Когда же господа теологи возымѣютъ достаточно смѣлости, чтобы открыто отказаться не только отъ разума, но и отъ человѣчности? Недостаточно сказать съ Тертуллианомъ: „Credo, quia absurdum“;—они должны еще постараться навязать намъ, если возможно, христіанство съ помощью кнута, какъ это дѣлаетъ *всероссійскій царь*, съ помощью костровъ, какъ Кальвинъ, съ помощью Святой Инквизиціи, какъ добрые католики, посредствомъ насилій, пытокъ и казней, которыми такъ бы желали имѣть возможность пользоваться священники всѣхъ религій, какія только могутъ быть.—Пусть они испробуютъ всѣ эти прекрасныя средства, но пусть не льстятъ себя надеждой, какимъ бы то ни было образомъ восторжествовать надъ нами.

Что касается до насъ, оставимъ разъ навсегда всѣ эти божественныя нелѣпности и ужасы тѣмъ, которые безумно вѣрятъ, что еще долго можно будетъ во имя ихъ эксплуатировать народъ и рабочія массы. Возвратимся къ нашему чисто человѣческому разуму и будемъ всегда помнить, что человѣческое просвѣщеніе, единственное могущее насъ просвѣтить, освободить, сдѣлать достойными и счастливыми, является не при началѣ, но въ концѣ исторіи и что человѣкъ въ своемъ историческомъ развитіи, изшелъ изъ животности, чтобы достигъ мало по малу человѣчности. Не будемъ же никогда смотрѣть вспять, но всегда впередъ, ибо впереди наше солнце и наше спасеніе. И если позволительно, если даже полезно иногда оглянуться назадъ то только для того, чтобы констатировать, чѣмъ мы были и чѣмъ

не должны уже болѣе быть, что мы дѣлали и что не должны уже болѣе дѣлать.

Естественный міръ является всегдашней ареной не прекращающейся борьбы, борьбы за жизнь. Намъ нечего спрашивать себя, почему это такъ. Не мы это сдѣлали, мы нашли это, рождаясь въ жизнь. Это паша естественная исходная точка, и мы въ этомъ нисколько не отвѣтственны. Намъ достаточно знать, что такъ было и вѣроятно всегда будетъ. Гармонія устанавливается въ этомъ мірѣ черезъ борьбу, черезъ торжество однихъ, черезъ пораженіе и чаще всего смерть другихъ. Ростъ и развитіе породъ ограничены ихъ собственнымъ голодомъ и аппетитами другихъ породъ, т. е. страданіемъ и смертью. Мы не говоримъ съ христіанами, что эта долина плача, но мы должны согласиться, что она совсѣмъ не такая нѣжная мать, какъ иные рассказываютъ, и что живыя существа должны имѣть не мало энергій, чтобы жить на ней. Въ естественномъ мірѣ сильныя выживаютъ, а слабыя гибнутъ, и первые выживаютъ только потому, что вторые гибнутъ.

Возможно ли, чтобы этотъ фатальный законъ естественной жизни, былъ столь же неизбеженъ въ мірѣ человѣческомъ и социальномъ?

Патріотизмъ

(продолженіе).

Приговорены ли люди самой своей природой къ пожиранію другъ друга, чтобы жить, подобно тому какъ это дѣлаютъ животныя другихъ породъ?

Въ началѣ человѣкъ, это всеядное животное, жилъ подобно другимъ животнымъ, плодами и овощами, охотой и рыбной ловлей. Въ продолженіи многихъ вѣковъ, конечно, человѣкъ охотился и ловилъ рыбу такъ какъ это дѣлаютъ и нынѣ животныя, т. е. безъ помощи другихъ орудій, кромѣ тѣхъ, которыми его одарила природа. Воспользовавшись въ первый разъ самымъ грубымъ орудіемъ, простой палкой или камнемъ, онъ уже совершилъ актъ размышленія и выказалъ себя, понятно нисколько этого не подозрѣвая, животнымъ мыслящимъ,—человѣкомъ. Ибо самое простое орудіе должно

быть соответственнымъ намѣченной для достиженія посредствомъ него цѣли, и слѣдовательно пользованіе имъ предполагаетъ извѣстную сообразительность ума, сообразительность, которая существенно отличаетъ животное человѣка отъ всѣхъ другихъ земныхъ животныхъ. Благодаря этой способности мыслить, рассуждать, изобрѣтать, человѣкъ усовершенствовалъ, правда очень медленно, впродолженіи многихъ вѣковъ, свои оружія, и чрезъ то обратился въ охотника, или въ вооруженнаго дикаго звѣря.

Достигши этой первой ступени цивилизаціи, маленькія группы людей естественно могли питаться съ большей легкостью, убивая живыя существа, не исключая людей, тоже служившихъ имъ на пищу, чѣмъ животныя, лишенныя орудій охоты и войны. А такъ какъ размноженіе животныхъ породъ всегда прямо пропорціонально количеству средствъ пропитанія, то, очевидно, число людей должно было увеличиваться въ большей пропорціи, чѣмъ число животныхъ другихъ породъ, и наконецъ долженъ былъ наступить моментъ, когда невоздѣланная природа не была уже въ состояніи прокормить всѣхъ людей.

Если бы человѣческій разумъ не обладалъ способностью прогресса; если бы онъ не развивался все больше и больше, съ одной стороны опираясь на традицію, сохраняющую на пользу будущихъ поколѣній знанія, добытыя прошлыми поколѣніями, а съ другой стороны все расширяясь, благодаря дару слова, неотдѣлимаго отъ дара мысли; если бы онъ не былъ одаренъ неограниченной способностью изобрѣтать все новые способы для защиты человѣческаго существованія противъ враждебныхъ ему силъ природы, — то эта недостаточность природы явилась бы непреодолимой гранью для размноженія человѣческой породы.

Но благодаря этой драгоценной способности, позволяющей ему познавать, размышлять и понимать, человѣкъ можетъ перешагнуть черезъ естественную границу, останавливающую развитіе всѣхъ другихъ животныхъ породъ. Когда естественные источники истощились, онъ создалъ искусственные. Пользуясь не своей физической силой, но превосходствомъ своего ума, онъ началъ не просто убивать животныхъ, чтобы

ихъ немедленно сожрать, а ихъ подчинять, приручать, и какъ бы воспитывать, чтобы сдѣлать пригодными для своихъ цѣлей. И такимъ то образомъ, на протяжении вѣковъ и до нынѣ, группы охотниковъ обрабаются въ группы пастуховъ.

Этотъ новый источникъ пропитанія естественно еще умножилъ человѣческую породу, что привело ее къ необходимости создать новыя средства къ поддержанію жизни. Когда эксплуатація животныхъ стала недостаточной, люди стали эксплуатировать землю. Такимъ образомъ бродячіе и кочевые народы обратились на протяжении многихъ вѣковъ въ народы земледѣльческіе.

Въ этотъ то періодъ исторіи и устанавливается, собственно говоря, рабовладѣльчество. Люди, бывшіе самими, что ни на есть, дикими звѣрями, начали съ пожирания убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ непріятелей. Но, когда они начали понимать всю выгоду заставляя животныхъ себѣ служить и эксплуатировать ихъ, а не убивать сейчасъ же, то они должны были скоро понять, что можно извлечь пользу и изъ услугъ человѣка, самаго умнаго изъ земныхъ животныхъ. Побѣжденный врагъ пересталъ быть пожираемъ, но сталъ обрабаемъ въ рабство и принуждаемъ исполнять работу, необходимую для пропитанія своего хозяина.

Трудъ пастушескихъ народовъ столь легокъ и простъ, что для него почти не требуется работы рабовъ. Поэтому мы видимъ, что у бродячихъ и пастушескихъ народовъ число рабовъ очень ограничено, чтобы не сказать равно нулю. Другое дѣло у народовъ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ. Земледѣліе требуетъ настойчиваго, ежедневнаго и тягостнаго труда. Свободный человѣкъ лѣсовъ и степей, охотникъ или скотоводъ, берется за земледѣліе съ большимъ отвращеніемъ. Поэтому мы видимъ и въ настоящее время, на примѣръ у дикихъ народовъ Америки, что самыя тягостныя и отвратительныя домашнія работы возлагаются на существо сравнительно слабое, на женщину. Мужчины не знаютъ другихъ занятій, кромѣ охоты и войны, которыя даже и въ нашей цивилизаціи считаются самыми благородными занятіями, и, презирая всякій другой трудъ, лѣниво лежатъ, куря свои трубки, между тѣмъ какъ ихъ несчастныя жены, эти естественныя ра-

были грубаго чловѣка, иэнемогають подѣ тяжестью своего ежедневнаго труда.

Шагъ впередъ въ цивилизаціи, и работа жены возлагается на раба. Подъяренное животное, одаренное умомъ, онъ принуждается нести всю тягость тѣлесной работы и даетъ своему господину возможность досуга и интеллектуальнаго и моральнаго развитія.

НАРОДНОЕ ДѢЛО *).

РОМАНОВЪ, ПУГАЧЕВЪ ИЛИ ПЕСТЕЛЬ

М. БАКУНИНА.

Лондонъ Trübner und Co., Paternoster row, E. C. 1862.

Времена — что ни день — становятся серьезнѣе. Наступила и для русскіихъ пора дѣла. Замолкъ праздный шумъ упоенной собою литературы. Подъ гнетомъ современныхъ и еще болѣе грозныхъ будущихъ обстоятельствъ, ожидаемыхъ и предвидимыхъ всѣми, люди наименѣе серьезныя, наиболѣе развращенные болтовнею литературною, призадумались. — Полно болтать, опасно болтать, преступно болтать. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи себя, семьи, имущества, о спасеніи Россіи отъ кровавыхъ несчастій, отъ конечнаго разоренія. Всякій долженъ теперь размыслить серьезно и свои политическія вѣрованія и свое положеніе, а размысливъ рѣшиться: *куда, къ чему, съ кѣмъ и за кѣмъ идти?*

Теперь только наступаетъ въ Россіи время дѣйствительнаго образованія и развитія партій. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ много людей не знали еще сами къ какому они принадлежатъ лагерю. Было, правда, много ученыхъ раздѣленій и подраздѣленій въ теоріи, но на практикѣ они не разъединяли людей, потому что не было ясно опредѣленной практической цѣли. Болт-

*) Дошло до моего слуха, что мнѣ приписываютъ какія-то прокламаціи, недавно появившіяся въ Россіи. Считаю нужнымъ объявить, что кромѣ одной статьи въ „Колоколѣ“ я ничего не печаталъ и не писалъ. (Прим. М. Б.).

ливо-шумною толпою стремились всё впередъ, на свободу, иные по убѣжденію, другіе по инстинкту, третьи по модѣ, и, наконецъ, остальные изъ страха и, казалось, что въ этой толпѣ все единомышленники и братья. Но вотъ засвѣтилось первое, слабое зарево тѣхъ пожаровъ, которыми грозить, можетъ быть, кровавая *русская* революція и замолкъ гулъ праздной толпы. Она пріутихла.—Пожары были совершенно случайны; такіе пожары — обыкновенное, почти періодическое явленіе въ Россіи. Но возбужденныя политическія страсти, а главное подлый страхъ, скрывающійся нерѣдко за нашимъ шумливымъ героизмомъ, придали нынѣ петербургскимъ пожарамъ другое значеніе. Правительство первое дало примѣръ. Оно нашло полезнымъ обвинить въ поджогѣ передовую молодежь и распространить эту клевету между народомъ, дабы возбудить его противъ студентовъ. Въ прежнее время никто изъ литераторствующей, порядочной публики не смѣлъ бы присоединить своего голоса къ клеветливому воплю изъ-ума-вопль испуганной власти. Того-бы не потерпѣло общественное мнѣніе, которое даже при самомъ Николаѣ умѣло клеймить продажную литературу и литераторовъ третьяго отдѣленія. Теперь имъ лафа. Пользуясь общимъ испугомъ публики, непривыкшей еще къ общественнымъ потрясеніямъ, знакомой только съ болтовней, а не съ дѣломъ, они смѣло подняли свое знамя. А для того, чтобъ не испугать слабыхъ людей излишнею откровенностью, они написали на немъ слово „*Прогрессъ*“, искусно прикрывая клевету и доносъ недорогими либеральными фразами. И, нѣтъ сомнѣнія, что они пріобрѣтутъ на первое время, но только на короткое время, значительную популярность. Николаевскій періодъ развилъ въ Россіи очень много дряблыхъ душъ, безъ страсти въ сердцѣ, безъ живой мысли въ головѣ, но съ великолѣпными фразами на языкѣ. Этимъ людямъ въ послѣднее время становилось междунами неловко. Они чувствовали, что дѣло доходитъ до дѣлъ, до жертвы... Ихъ много и они всё пойдутъ подъ доктринерское знамя, подъ сѣнь благодушнаго привительства. Благо, отступленіе открыто и для измѣны есть благовидный предлогъ, а для прикрытія ея великодушная фраза: „мы стоимъ за цивилизацію противъ варварства“, то есть за нѣм-

цевъ противъ русскаго народа... Чтожъ, съ Богомъ, идите! Намъ остается пожелать вамъ добраго пути, да успѣхъ на новомъ поприщѣ. Только смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: случалось не рѣдко что тѣ зданія, подъ которыми люди скрывались отъ бури, бывали первыя поражены громомъ.

Очистившись отъ старыхъ друзей, сомнительныхъ и слаонервныхъ, мы стали сильнѣе. Намъ нужны теперь люди, которые до конца были бы преданы *народному дѣлу*, и на которыхъ потому можно было бы рассчитывать, ибо теперь наша партія окончательно стала партией дѣла. А наше дѣло—служить революціи.

Многіе еще разсуждаютъ о томъ, будетъ ли въ Россіи революція или не будетъ? не замѣчая того, что въ Россіи уже *теперь* революція. Она началась послѣдовательно, широко проникла во всѣ составы умирающаго отъ дряхлости государства и возобновляющейся общественной жизни; она царитъ во всѣхъ, вездѣ и во всемъ, дѣйствуетъ руками правительства еще успѣшнѣе даже, чѣмъ усиліями своихъ приверженцевъ, и не успокоится, не остановится до тѣхъ поръ, пока не переродитъ русскаго міра, пока не воздвигнетъ и не создастъ новаго славянскаго міра.

Династія явно губить себя. Она ищетъ спасенія въ прекращеніи, а не въ поощреніи проснувшейся народной жизни, которая, еслибъ была понята, могла бы поднять царскій домъ на невѣдомую доселѣ высоту могущества и славы. Но гдѣ высота, тамъ и бездна, и непонятая, оскорбленная, разъяренная смѣшными попытками пигмеевъ удержать ея непреклонно логическое теченіе, та же народная жизнь можетъ сбросить его, со всѣми его нѣмецкими совѣтниками и доморощенными доктринерами, со всею бюрократическою и полицейскою сволочью, въ бездонную пропасть... А жаль!

Рѣдко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль. Александръ II могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью: свободою, благоденствіемъ своего народа. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ бы стать спасителемъ и главою всего славянскаго міра. Для этого не нужно было ни генія, ни даже

той макиавелистической науки, которою такъ искусно и такъ усиленно держатся другіе. Нужно было только широкое, въ благодушіи и въ правдѣ крѣпкое русское сердце. Вся русская, да и вся славянская живая дѣятельность просилась ему въ руки, готовая служить пьедесталомъ для его историческаго величія. Самое царствованіе отца, гибельное для Россіи и для славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, должно было служить ему наукою и вмѣстѣ отрицательною рекомендаціею въ глазахъ народовъ. Николай душилъ Польшу; Александръ долженъ былъ освободить Польшу со всѣмъ, что хочетъ быть Польшею. Онъ долженъ былъ сдѣлать это и по справедливости, и для освобожденія Россіи отъ ненужной тяготы и отъ еще менѣе нужнаго безчестія, и для того, чтобъ, освободившись разъ навсегда отъ нѣмцевъ, открыть себѣ широкія ворота въ славянскій міръ. Николай довель до крайняго безумія систему петровскую, систему отрицанія и придушенія народа во имя нѣмецкаго государства; онъ до того напрягъ искусственныя силы этого государства, что оно надломилось и треснуло, убивъ его самого. Александръ долженъ бы былъ почувствовать, что безобразное зданіе, стоившее миллионъ человѣческихъ жертвъ, потоковъ и своей, и чужой крови, держаться далѣе не можетъ, и что никакихъ силъ не достанетъ удержать его отъ конечнаго паденія. На развалинахъ петровскаго государства можетъ существовать только Россія *Земская*, живой народъ. Для народа нужно было расчистить мѣсто.

Казалось сначала, что Александръ II понималъ свое назначеніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Россіи, потому что въ Польшѣ онъ съ перваго раза тремя словами испортилъ все свое положеніе. И сколько преступленій, сколько несчастій, сколько безчестія для насъ и кровавыхъ жертвъ для поляковъ вытекло изъ этихъ трехъ словъ: „Point de réveries!“ Теперь всякій можетъ рѣшить, кто безумно, преступно мечталъ: поляки или Александръ Николаевичъ?

Его начало въ Россіи было великолѣпно. Онъ объявилъ свободу народу, свободу и новую жизнь послѣ тысячелѣтняго рабства. Казалось, онъ хотѣлъ *земской Россіи*, потому что въ государствѣ петровскомъ свободный народъ немислимъ. 19 февраля 1861 года, не-

смотря на всѣ промахи, недостатки, уродливыя противорѣчія и не менѣе безобразныя тѣсноты указа объ освобожденіи крестьянъ, Александръ II былъ самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ, который когда-либо царствовалъ въ Россіи. Но онъ такъ мало понималъ это, такъ мало зналъ, чувствовалъ душу народную, онъ до такой степени вѣмецъ, что въ этотъ самый день, торжественнѣйшій изъ торжественныхъ дней въ русской исторіи, онъ прятался въ своемъ дворцѣ и окружалъ себя караулами, боясь народнаго бунта. Видно — совѣсть была не чиста, видно — онъ замышлялъ не доброе, видно — онъ не хотѣлъ настоящей свободы народу, который вѣриль, да и все еще вѣритъ въ него до безумія.

И въ самомъ дѣлѣ не была чиста совѣсть. Александръ II и не мыслилъ о свободѣ народа. Она была бы противна всѣмъ инстинктамъ его. Нѣмецъ никогда не пойметъ и не полюбитъ земской Россіи; и въ то самое время, какъ русскій народъ ждалъ отъ него повои жизни, онъ вмѣстѣ съ совѣтниками своими думалъ только о томъ, какъ бы укрѣпить, возстановить и если можно расширить двухвѣковую причину русской безжизненности, народоненавистное тюремное зданіе петровскаго государства. Задумавъ гибельное, невозможное, онъ губить себя и свой домъ, и готовъ ввергнуть Россію въ кровавую революцію. Геція Петра Великаго не достало бы теперь на такое дѣло, а онъ предпринялъ его.

Отсутствіемъ русскаго смысла и народолюбиваго сердца въ царѣ, безумнымъ стремленіемъ удержать во что бы ни стало петровское государство, объясняются вполнѣ и всѣ противорѣчія указа объ освобожденіи и столь же раззорительная, сколь и опасная нелѣпость переходнаго состоянія, и безчеловѣчно глупое стрѣляніе по невиннымъ крестьянамъ въ разныхъ губерніяхъ, и объявленіе царя народу, что не будетъ ему другой воли, и студенческія исторіи, и заключеніе въ крѣпость тверскихъ дворянъ, и упорное желаніе правительства сохранить сословіе дворянское наперекоръ волѣ самого дворянства, и теперешній терроризмъ, и, наконецъ, послѣднее слово: Липранди! Липранди, убитый общимъ презрѣніемъ, воскресъ. Онъ зовется на помощь — онъ

будеть спасать Россію!.. Жребій брошенъ. Для Александра II, кажется, нѣтъ болѣе возврата на другую дорогу. Не мы, онъ главный революціонеръ въ Россіи, и да падеть на его голову кровь, которая прольется!

А онъ, и только онъ одинъ, могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельную революцію, *не проливъ капли крови*. Онъ можетъ еще и теперь: если мы отчаяваемся въ мирномъ исходѣ, такъ это не потому, чтобъ было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконецъ, въ способности Александра Николаевича пойти единственнымъ путемъ, на которомъ онъ можетъ спасти себя и Россію. Остановить движеніе народа, пробудившагося послѣ тысячелѣтняго сна, невозможно. Но еслибъ царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самаго движенія, тогда бы его могущество на добро и на славу Россіи не было бы мѣры. На этомъ пути опасности нѣтъ никакой, успѣхъ вѣрный.

Народу пужна земля — отдайте ему всю землю. А чтобъ не раззорить собственниковъ *минимымъ* выкупомъ, пусть выкупается она не крестьянами, а дѣльмъ государствомъ. Народу нужна воля, полная воля движенія, занятій... Такъ дайте ему эту волю, избавьте его изъ подъ опеки правительственной, которая его всегда угнетала да раззоряла, избавьте его отъ чиновниковъ, которыхъ онъ ненавидитъ, наравнѣ съ дворянами. Дайте ему полное самоуправленіе общинное, волостное, областное и государственное. Народу ненавистны сословія, созданныя вашими прадѣдами для притѣсненія народа; такъ уничтожьте эти сословія, которыя сами теперь готовы отказаться отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, отчасти потому, что преимущества эти стали ничтожны, отчасти по благородному побужденію, отчасти же отъ страха. Пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взросшемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также что черезъ областное самоуправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли. Вѣдь автономія провинцій будетъ только административная, внутренне-законодательная, юридическая, а не политическая. И

ни въ одной странѣ, исключая можетъ быть Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго, какъ въ Россіи. Только во Франціи присоединяется къ этому страсть бюрократическая; въ Россіи ея нѣтъ. Чиновникъ противенъ народу, а бюрократическая централизація необходимымъ насиліемъ своимъ только отталкиваетъ его отъ единства; и только тогда воцарится дѣйствительная, вольная цѣлость въ русской землѣ, когда чиновническое управленіе замѣнится въ ней самоуправленіемъ народнымъ. Единство земли русской, находившее доселѣ свое выраженіе только въ царѣ, требуетъ теперь еще другого представительства: *Всенароднаго Земскаго Собора*.

Говорятъ, что въ Петербургѣ боятся пуще всего земской Думы; опасаются, что съ нею начнется революція въ Россіи. Да неужели же тамъ въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что революція давно началась? Пусть посмотрятъ вокругъ себя, въ самихъ себя, пусть сравнятъ свое настроеніе духа съ тѣмъ, что чувствовалось правительствомъ при императорѣ Николаѣ, — и пусть скажутъ: развѣ это не коренная и не полная революція? Вы слѣпы, это правда. Но неужели слѣпота ваша дошла до той степени, что вы думаете—можно воротиться назадъ или отдѣлаться шутками? И такъ не въ томъ вопросъ, будетъ ли или не будетъ революція, а въ томъ: *будетъ ли исходъ ея мирный или кровавый?* Онъ будетъ мирный и благодатный, если царь, ставъ во главѣ движенія народнаго, вмѣстѣ съ земскимъ сборомъ, приступитъ широко и рѣшительно къ коренному преобразованію Россіи въ духѣ свободы и земства. Ну, а если ослѣпленный царь задумаетъ идти вспять, или остановится на полумѣрахъ, или станетъ искать спасенія въ Липранди,—исходъ будетъ ужасный. Тогда революція приметъ характеръ беспощадной рѣзни, не вслѣдствіе прокламацій и заговоровъ восторженной молодежи, а вслѣдствіе возстанія всенароднаго. На Александрѣ Николаевичѣ лежитъ теперь отвѣтственность страшная. Онъ можетъ еще спасти Россію отъ конечнаго раззоренія, отъ крови. Сдѣлаетъ ли онъ? Захочетъ ли онъ?

Безъ Собора Земскаго онъ не сдѣлаетъ ничего. Только Земскій Соборъ способенъ умиротворить Россію,

возстановить кредитъ публичный и частный, устроить и обезпечить выкупъ земли и возвратить потрясенному обществу спокойствіе и вѣру. А самодержавіе?! скажете вы.—Да развѣ оно дѣйствительно существуетъ? Это капризь, вчера Панина, сегодня Головнина, завтра Липранди. Это безконтрольное право на зло, немощь на добро,—право быть пассивнымъ и далеко не почетнымъ орудіемъ въ рукахъ лакеевъ придворныхъ, министерскихъ и канцелярскихъ,—право чуждаться Россіи, не знать ее, мутить ее,—право ввергнуть ее въ кровавую революцію.

Ну, а если Земскій Соборъ будетъ враждебенъ царю?—Да, возможно ли это! Вѣдь посылать на него своихъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ еще безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откудажъ взятыя враждѣ? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что еслибъ царь созвалъ *теперь* Земскій Соборъ, онъ *впервые* увидѣлъ бы себя окруженнымъ людьми, дѣйствительно ему преданными. Продолжись безурядица еще нѣсколько лѣтъ, расположеніе народа можетъ перемѣниться. Въ наше время быстро живется. Но теперь народъ за царя и противъ дворянства, и противъ чиновничества, и противъ всего, что носитъ нѣмецкое платье. Для него всѣ враги въ этомъ лагерѣ официальной Россіи, всѣ—кромѣ царя. Кто жъ станетъ говорить ему противъ царя? А еслибъ кто и сталъ говорить, развѣ народъ ему повѣритъ? Не царь ли освободилъ крестьянъ противъ воли дворянъ, противъ совокупнаго желанія чиновничества?

Разочаровать народъ, потрясти его вѣру въ царя можетъ только самъ царь. Вотъ гдѣ опасность и, можетъ быть, главная причина того паническаго страха, который ощущаютъ въ Петербургѣ при одномъ словѣ: „Земскій Соборъ“. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ, черезъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ своимъ царемъ. Минута рѣшительная, минута въ высшей степени критическая! Какъ повратятся они другъ другъ? Отъ этой встрѣчи будетъ зависѣть вся будущность и царей и Россіи

Двѣсти лѣтъ стоналъ русскій народъ подъ гнетомъ Московско-Петербургскаго государства и переносилъ

такія тягости, такія терзанія, такія мытарства, какихъ иноземець себѣ представить не можетъ. Прямою причиною всѣхъ бѣдствій его были цари. Они, позабывъ клятву своего родоначальника, народнаго избранника Михаила Романова, создали эту чудовищную самодержавную централизацію и окрестили ее въ народной крови. Они образовали народу противныя касты, и духовную и чиновно-дворянскую, какъ орудія для губительнаго самовластія, и отдали имъ народъ, однимъ въ духовное, другимъ въ тѣлесное рабство. Ихъ силою волею, ихъ прямымъ покровительствомъ держались единственно и буиный произволъ полудикаго дворянина и притѣснительное варварство чиновниковъ. Цари, до самой послѣдней минуты, смотрѣли на русскій народъ съ презрѣніемъ горшечника къ глиня, какъ на бездушный матерьялъ, обязанный принять по ихъ произволу любую форму. Въ концѣ царствованія Николая, одинъ генераль изъ нѣмцевъ говорилъ полковнику, командиру образцоваго полка, принявшему партію несчастныхъ мужиковъ-рекрутъ: „Вы мнѣ хоть половину изъ нихъ убейте, но чтобъ другая за то была вымуштрована на славу“. И что нѣмецъ осмѣлился высказать громко, другіе дѣлали втихомолку. Жизнь простаго человѣка, крестьянина, мѣщанина, была ничо чемъ. Система царская истребила такимъ образомъ, въ продолженіи какихъ нибудь двухсотъ лѣтъ, далеко болѣе милліона человѣческихъ жертвъ, — такъ, безъ всякой нужды, просто вслѣдствіе какого то скотскаго пренебреженія къ человѣческому праву и къ человѣческой жизни. И въ то время, когда дикое, разоренное въ пухъ дворянство сорило народными деньгами, не менѣе блудные, не менѣе дикіе и безъ сомнѣнія болѣе виновные цари наши сорили людьми.

Но фактъ замѣчательный! Русскій народъ, хотя и главная жертва царизма, не потерялъ вѣры въ царя, Бѣды свои онъ приписываетъ кому и чему вамъ угодно и помѣщикамъ, и чиновникамъ, и попамъ, только отнюдь не царю. Есть правда, секты въ расколѣ, переставшія за него молиться; есть другія, тайно ненавидящія царскую власть. Но это отрицаніе, хоть выработавшееся въ средѣ народа, далеко не выражаетъ народное большинство, которое еще крѣпко держится своей вѣры въ

царя. Здѣсь не мѣсто углубляться въ причинѣ этого факта многозначительнаго, несомнѣннаго, а для насъ особенно важнаго, потому что, рады ли мы ему или нѣтъ, онъ обусловливаетъ непремѣнно и наше положеніе и нашу дѣятельность. Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить его тѣмъ, что народъ почитаетъ въ царѣ *символическое представленіе единства, величія и главы русской земли*. И думаю, что я не ошибся. Но этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по какимъ бы то ни было причинамъ кажется невозможно, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи загробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу, реальный народъ. Ему и утѣшеніе то надо земное; земной богъ — царь, лицо впрочемъ довольно идеальное, хоть и облеченное въ плоть и въ человѣчскій образъ и заключающее въ себѣ самую злую пронію противъ царей дѣйствительныхъ. Царь—идеаль русскаго народа, это родъ русскаго Христа, отецъ и кормилицъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ небу и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ бы народу все что нужно ему—и волю и землю. Да онъ самъ бѣдный—въ неволѣ: лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и позавъ народъ свои на помощь, истребитъ дворянъ и поповъ, и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора *золотой воли!* Вотъ кажется, смыслъ народной вѣры въ царя. Вотъ чего онъ ждетъ отъ него въ Февралѣ или въ Мартѣ 1863 г. Вѣдь онъ, болѣе друхсотъ лѣтъ, проведенныхъ въ неизяснимыхъ мукахъ, ждетъ слова царскаго и воскресенія; и теперь, когда всѣ надежды, всѣ ожиданія его оживились предварительнымъ обѣщаніемъ царя, согласится ли онъ ожидать еще долѣе?—Не думаю.

Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную Земскую Думу... И вотъ народъ пошлетъ своихъ выборныхъ къ царю-избавителю. Довѣрю и преданности посланцевъ народныхъ къ царю не будетъ предѣловъ,—и, опираясь на нихъ, встрѣтивъ ихъ съ равною вѣрою и любовью, и рѣшившись дать добровольно народу то, чего нынѣ нельзя уже болѣе удержать отъ него, царь могъ бы

поставить свой тронъ такъ высоко и такъ крѣпко, какъ онъ еще никогда не стоялъ. Но что, если вмѣсто царя избавителя, царя земскаго, народныя посланцы встрѣтятъ въ немъ петербургскаго императора въ прусскомъ мундирѣ, тѣсносердечнаго нѣмца, окруженнаго синклитомъ такихъ же нѣмцевъ? Что, если вмѣсто ожидаемой свободы, царь не дастъ ему ничего, или почти ничего и захочетъ отдѣлаться отъ народа словами да полумѣрами? Ну, тогда не одобровать и царизму, по крайней мѣрѣ императорскому, петербургскому, нѣмецкому, гольштейнъ-готторпскому! Вѣдь привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религіозная. И религія народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая удовлетворенія себѣ на землѣ. Въ общемъ чувствѣ народномъ обѣтованный часъ исполненія, кажется, насталъ, и народъ не дастъ ему пройти даромъ. Тогда опять кровавая революція.

Но если бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широко любви народной, готовый устроить народъ по волѣ его, чего бы не могъ онъ сдѣлать съ такимъ народомъ! Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, и вѣра возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно... Руководимый такимъ царемъ, Земскій Соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума; потому что воля и нужды народа—ясны, потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый, зародышъ будущей организаціи,—и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа.

Есть-ли надежда, что такой союзъ состоится? Мы скажемъ прямо, что нѣтъ. Несмотря на несомнѣнную преданность народа къ царю, царь видимымъ образомъ боится его. Боится потому, что не любитъ его, потому что не хочетъ поступиться передъ нимъ своею нѣмец-

кою важностью, своимъ мелкимъ императорскимъ произволомъ, и потому что чувствуетъ, вѣроятно, что съ этимъ народомъ шутить нельзя. Но можетъ быть, онъ рѣшился бы еще довѣриться народу въ надеждѣ на его слѣзую привязанность, еслибъ онъ не боялся пуще всего вліянія передовой революціонной молодежи. Страхъ въ настоящее время еще совершенно напрасный! Какъ ни горько сознаться въ этомъ, но я думаю, что для будущаго успѣха самого революціоннаго дѣла мы должны громко высказать то убѣжденіе, что до сихъ поръ вліяніе нашей партіи на народъ было близко къ нулю. Революціонерная пропаганда еще не нашла къ нему доступа и не умѣла еще потрясти его безумной, его несчастной вѣры въ царя. Никогда еще не чувствовался такъ сильно разрывъ, существующій между народомъ и нами, и никто изъ насъ не перешелъ еще черезъ пропасть, отдѣляющую насъ отъ него. Мы готовы жить его жизнью, его мыслью, но онъ насъ не знаетъ, и пошелъ бы безъ сомнѣнія противъ насъ за царя, потому что и его онъ также не знаетъ... Итакъ, если вы хотите встрѣтиться съ народомъ, свободнымъ отъ нашихъ вліяній, сзывайте его теперь. Ну, а если пропустите время, то пожалуй наша передовая молодежь, наша надежда и наша сила, пробьетъ себѣ наконецъ дорогу къ народу и чрезъ роковую пропасть подастъ ему руку. Вина будетъ ваша.

И почему молодежь не за васъ, а вся молодежь противъ васъ? Вѣдь это для васъ большое несчастье;— несчастье потому, что молодежь уже сама по себѣ составляетъ и право и силу, особенно когда, не заключааясь въ себѣ, собой суетно не довольствуаясь, она стремительно, страстно рвется въ народъ, къ службѣ народной. Для такой молодежи нѣтъ непреодолимыхъ препятствій. Народъ, самъ молодой и самъ страстный, рано или поздно призоветъ ее. Почему же она противъ васъ? Недавно умершій предводитель демократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, полковникъ Дугласъ, во время послѣднихъ президентскихъ выборовъ, сказалъ одному изъ своихъ друзей: „наше дѣло потеряно, молодежь противъ насъ!“—Глубокое слово! Молодежь, какъ народъ, живетъ болѣе инстинктомъ, а инстинктъ всегда тянетъ ее на сторону жизни, на сторону правды... Съ

нею бѣда. Она можетъ ошибаться въ мысляхъ, или вѣрнѣе, въ выраженіи мыслей своихъ,—въ чувствахъ она ошибается рѣдко. А чувство нашей молодежи, всею энергіею своею, отталкиваетъ ее отъ васъ. Вы, господа доктринеры всякаго рода, ее ненавидите, какъ вообще не любятъ ее школьные учителя, которые чувствуютъ, что она въ правѣ надъ ними смѣяться. Она бѣжитъ васъ, потому что пахнетъ отъ васъ фарисейскимъ педантизмомъ, ложью и смертью: а ей прежде всего надо жизни, воли да правды. Но почему отстала она отъ царя, почему объявила себя противъ того, кто первый объявилъ свободу народу?

Никто не посмѣетъ упрекать ее въ эгоизмъ. Она рукоплескала освобожденію крестьянъ и готова теперь отдать все, начиная съ себя, для того только чтобъ русскій народъ былъ свободенъ. Не увлеклась ли она отвлеченными революціонными идеалами и громкимъ словомъ „республика“? Отчасти, пожалуй, и такъ. Но это только весьма поверхностная и второстепенная причина. Большинство нашей передовой молодежи, кажется, хорошо понимаетъ что западныя абстракціи, консервативныя ли, либерально-буржуазныя, или даже демократическія, къ нашему русскому движенію не примѣнимы;—что оно—безъ сомнѣнія—и демократическое и въ высшей степени социальное, но что оно развивается вмѣстѣ съ тѣмъ при условіяхъ, совершенно различныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ совершались подобныя же движенія на Западѣ. И первое изъ условій — то, что оно не есть главнымъ образомъ движеніе образованной и привилегированной части Россіи. Таковымъ было оно во времена Декабристовъ. Теперь главную роль въ немъ будетъ играть народъ. Онъ есть главная цѣль и единая, настоящая сила всего движенія. Молодежь понимаетъ, что жить внѣ народа становится дѣломъ невозможнымъ, и что кто хочетъ жить, долженъ жить для него. Въ немъ одномъ жизнь и будущность, внѣ его мертвый міръ. Но этотъ народъ выступаетъ на сцену не какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ всякій по произволу можетъ записать свои любимыя мысли. Нѣтъ, листъ этотъ ужъ частью исписанъ и хоть осталось на немъ еще много бѣлаго мѣста, допишетъ его самъ народъ. Никому онъ не можетъ поручить этого дѣла, потому

что никто въ образованномъ русскомъ мѣрѣ не жилъ еще его жизнью. Русский народъ движется не по отвлеченнымъ принципамъ; онъ не читаетъ ни иностранныхъ, ни русскихъ книгъ, онъ чуждъ западнымъ идеаламъ, и всѣ попытки доктринаризма консервативнаго, либеральнаго, даже революціоннаго, подчинить его своему направленію будутъ напрасны. Да, ни для кого и ни для чего не отступится онъ отъ *своей* жизни. А жилъ онъ много, потому что страдалъ много. Не смотря на страшное давленіе, императорской системы, даже въ продолженіе этого двухвѣковаго нѣмецкаго отрицанія, онъ имѣлъ свою внутреннюю живую исторію. У него выработались свои идеалы, и составляетъ онъ въ настоящее время могучій, своеобразный, крѣпко въ себѣ заключенный и сплоченный мѣръ, дышащій весеннею свѣжестью—и чувствуется въ немъ стремительное движеніе впередъ. Наступило, кажется, его время; онъ просится наружу, на свѣтъ, хочетъ сказать свое слово и начать свое явное дѣло. Мы вѣримъ въ его будущность, надѣясь, что, свободный отъ закоренѣлыхъ и на Западѣ въ законъ обратившихся предрасудковъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ и социальныхъ, онъ въ исторію внесетъ новыя начала и создастъ цивилизацію иную: и новую вѣру, и новое право, и новую жизнь.

Предъ этимъ великимъ, серьезнымъ и даже грознымъ лицомъ народа нельзя дурачиться. Молодежь оставить смѣшную и противную роль непрошенныхъ школьныхъ учителей мертвецамъ московской и с.-петербургской привилегированной журналистики. Ей самой предстоитъ подвигъ другой, не учительскій, а очистительный, *подвигъ сближенія и примиренія ея народомъ*. Вѣдь она почти вся, по своему происхожденію, образованію, по привычкамъ жизни и мысли, наконецъ по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ своимъ, стоитъ внѣ народа, принадлежа къ тому привилегированному официальному міру, который народъ не безъ причины ненавидитъ, видя въ немъ главный источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій. Стремленія ея чисты и благородны; она сама ненавидитъ исключительность своего положенія и готова жертвовать всѣмъ народу, лишь бы только онъ принялъ ее въ свое общеніе. Но народъ

не знаетъ ее, и судя ее по платью, по языку, а главное по жизни, столь различной отъ его жизни принимаетъ ее за врага. Гдѣ жь тутъ учительствовать! Развѣ безъ вѣры и доброй воли учащагося ученіе возможно? Да наконецъ, чему мы станемъ учить? Вѣдь если оставимъ естественныя и математическія науки въ сторонѣ, послѣднимъ словомъ всей нашей премудрости будетъ отрицаніе такъ называемыхъ непреложныхъ истинъ западнаго ученія, полное отрицаніе Запада. Но народъ нашъ Западомъ никогда не увлекался; потому ему и до отрицанія его нѣтъ никакого дѣла. А главное то, что со всею своею наукою, мы безконечно бѣднѣе народа. Народъ нашъ, пожалуй, грубъ, безграмотенъ, я не говорю—неразвитъ, потому что у него было свое историческое развитіе, покрѣпче и посущественнѣе нашего; онъ никакихъ книгъ, кромѣ немногихъ своихъ, еще не читаетъ. Но зато въ немъ есть жизнь, есть сила, есть будущность;—онъ есть... А насъ собственно нѣтъ; наша жизнь пуста и безцѣльна. У насъ нѣтъ ни дѣла, ни поля для дѣла. И если будущность для насъ существуетъ, такъ только въ народѣ. И такъ народъ можетъ и безъ него обойтись, мы безъ него не можемъ.

Безъ сомнѣнія, слившись съ народомъ, принятые народомъ, мы можемъ принести ему много пользы, Да, мы принесемъ ему громаднѣйшій опытъ неудавшейся западной жизни, которую мы вмѣстѣ съ Западомъ пережили, способность обобщенія и точнаго опредѣленія фактовъ, ясность сознанія. Знакомые съ исторіею и наученные чужимъ опытомъ, мы можемъ предохранить его отъ обмана и помочь ему высказать его волю.— Вотъ и все. Мы принесемъ ему формы для жизни, онъ дастъ намъ жизнь, кто дастъ больше? Разумѣется народъ, а не мы.

Вопросъ о нашемъ сближеніи съ народомъ, не для народа, а для насъ, для всей нашей дѣятельности, есть вопросъ о жизни и смерти. Сближеніе это необходимо, но оно трудно, потому что требуетъ съ нашей стороны совершеннаго перерожденія, не только внѣшняго, но и внутренняго. Борода, русское платье, жесткія руки, грубая рѣчь не составляютъ еще русскаго человѣка. Нужно, чтобъ умъ нашъ выучился понимать умъ на-

рода, и чтобъ наши сердца пріучились бить въ одинъ тактъ съ его великимъ, но для насъ еще темнымъ сердцемъ. Мы должны видѣть въ немъ не средство, а цѣль; не смотрѣть на него какъ на матеріаль революціи по нашимъ идеямъ, какъ на „мясо освобожденія“, напротивъ смотрѣть на себя, *если онъ на то согласится*, какъ на слугъ своего дѣла. Однимъ словомъ мы должны полюбить его пуще себя, дабы онъ насъ полюбилъ, дабы онъ намъ свое дѣло повѣрилъ.

Любить страстно, отдаваться всею душою, побѣждать громадныя трудности и препятствія, силою любви и жертвы побѣдить ожесточенное сердце народное, дѣло молодости. Вотъ гдѣ ея назначеніе! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдаться его дѣлу. Ну, тогда народъ признаетъ ее.

Прокламація „Молодая Россія“ доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ существуетъ еще страшное самообольщеніе и совершенное непониманіе нашего критическаго положенія. Они кричатъ и рѣшаютъ, какъ будто бы за ними стоялъ цѣлый народъ. А народъ то еще и по ту сторону пропасти, и не только васъ слушать не хочетъ, но даже готовъ избить васъ по первому мановенію царя. Что же,—мученичество? Да вѣдь мученичество хорошо, когда мученики дѣлаютъ дѣло. Редакторовъ „Молодой Россіи“ я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во первыхъ, въ безумномъ и въ истинно доктринерскомъ пренебреженіи къ народу; а во вторыхъ въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія, для успѣха котораго они между тѣмъ готовы жертвовать своею жизнью. Они видно, такъ мало привыкли еще къ настоящему дѣйствию, что имъ все кажется, будто они вращаются въ мірѣ абстракцій. Въ теоріи все сходитъ съ рукъ. На практикѣ, особливо въ такое время, какъ наше, что не полезно, то вредно. Появленіе „Молодой Россіи“ причинило положительный вредъ общему дѣлу и виновниками вреда были люди, желавшіе служить ему. Безъ *дисциплины*, безъ строя, безъ скромности передъ величіемъ цѣли, мы будемъ только тѣшить враговъ нашихъ и никогда не одержимъ побѣды.

Но прокламація редакторовъ „Молодой Россіи“ не

можетъ быть принята за серьезное выраженіе идей передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей собрались и издали свою прокламацію... Довольно было, чтобъ перепугать до смерти нашихъ бѣдныхъ правителей. Правда, что юноши говорятъ и объ „общемъ собраніи“ и о „комитетахъ провинціальныхъ тайнаго революціоннаго общества“. Но вѣдь это было сказано зря, для пущей важности, и для того, чтобъ доставить лишнее впечатлѣніе черезъ чуръ впечатлительному правительству. Огромное большинство нашей молодежи принадлежитъ къ партіи народной, къ той партіи, которая поставила себѣ единою цѣлью *торжество народнаго дѣла*. Эта партія не имѣетъ предразсудковъ ни за царя, ни противъ царя, и еслибъ самъ царь, начавши великое дѣло, не измѣнилъ въ послѣдствіи народу, она бы никогда отъ царя не отстала,

И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы только онъ самъ шелъ во главѣ народа; не остановили бы ея никакіе западно революціонные предразсудки, ибо гдѣ жизнь, гдѣ правда, гдѣ разрѣшеніе судебъ народа; тамъ и она. И сколько молодой и благородной энергіи, столько живыхъ силъ и сколько ума было бы тогда къ его услугамъ для совершенія великаго дѣла--умиротворенія и возсозданія Россіи.

Россія спокойно и твердо пошла бы широкимъ путемъ свободнаго развитія и, укрѣпившись внутри, возстановила бы скоро свое утраченное внѣшнее обаяніе. Величіе Россіи русскому народу такъ дорого, что онъ никогда отъ него не откажется. Онъ принесъ ему столько жертвъ!.. Но понятно, что оно должно быть нынѣ воздвигнуто на иныхъ основаніяхъ. Богъ съ нимъ съ величьемъ петровскимъ, екатерининскимъ, николаевскимъ, обречшимъ русскій народъ на постыдную роль палача и вмѣстѣ раба-мученика! Мы искали силы и славы, а нашли лишь безславіе, заслужили ненависть и проклятія истерзаныхъ нами народовъ, и кончили пораженіемъ и постыднымъ безсиліемъ. Слава богу! наша двухвѣковая тюрьма, петровское государство, наконецъ рушится. Никакая сила не возстановитъ его. Мы же сами подтолкнемъ его въ пропасть, и воля намъ! воля героической Польшѣ! воля Бѣлоруссіи, Литвѣ,

Украинѣ! Пусть будетъ Польшею все, что хочетъ быть Польшею. Воля Финляндіи! воля Чухонцамъ и Латышамъ въ Остзейскихъ провинціяхъ! А нѣмцамъ пора въ Германію!

Еслибъ царь понялъ, что онъ отнынѣ долженъ быть не главою насильственной централизаціи, а главою свободной федераціи вольныхъ народовъ, то опираясь на плотную возрожденную силу, въ союзъ съ Польшею и Украйною, разорвавъ всѣ ненавистные союзы нѣмецкіе, поднявъ смѣло всеславянское знамя онъ сталъ бы изъбавителемъ Славянскаго міра!

Мечта! скажутъ мнѣ; да, разумѣется, мечта. Но мечта только потому, что въ Петербургѣ нѣтъ ни мысли, ни сердца, ни воли, и что царь нашъ, въ противность царю Давиду, ищетъ всегда короны, а находитъ корову. И еще повторимъ; ни одному царю не было дано такъ много, и ни съ одного такъ много не спросится.

На Петербургъ надежды нѣтъ. Царь избралъ себѣ путь, гибельный для него, гибельный для Россіи. Какъ безнадежный больной онъ окружилъ себя шарлатанами,—настало время для нашихъ Некеровъ и Колонновъ. Настоящее министерство—jeune intelligent et fort, и подражая дружественному нынѣ правительству, хочетъ надуть Россію формами безъ содержанія; съ свободою на языкѣ оно намѣрено продолжать дѣло блуднаго произвола. Но забываютъ они только одно, что обманъ, возможный въ странѣ истощенной политическими борьбами, невозможенъ у насъ, потому что у насъ жизнь только вчера началась, страсти въ приливѣ, а не въ отливѣ, и наша трагедія еще впереди.. Какъ ни умны министры, но Александръ Николаевичъ не довѣряется имъ вполне, на помощь имъ онъ позвалъ знаменитаго доктора Липранди, который лѣчитъ средствами героическими и безъ сомнѣнія скорѣе доведетъ до трагедіи. Большое утѣшеніе правительственнаго Петербурга теперь — это народъ и привязанность народа къ царю. Народомъ грозятъ они революціонной молодежи. „Стоитъ только царю махнуть рукою, и студентовъ не будетъ“. Да, безъ сомнѣнія не будетъ; да на другой день и дворянства въ цѣлой Россіи не будетъ, а съ дворянствомъ ляжетъ подъ топоромъ все чиновничество; вы сами голубчики пропадете. Ну-ка попробуйте

махнуть то рукой! И останутся народъ да царь. Да что станетъ этотъ царь съ этимъ народомъ дѣлать? Вѣдь царь то нашъ бюрократическій, дворянскій, а не земскій. Онъ самъ утонетъ въ дворянской крови, чтобъ уступить мѣсто какому нибудь Пугачеву! Не попробовать ли лучше николаевскихъ средствъ: кнута, висѣлицы, да Сибири? Средства хорошія. Но врядъ ли они вамъ нынѣ помогутъ. *Вѣдь страхъ убитъ въ Россіи.* Нынѣ пойдутъ на лобное мѣсто, смѣясь надъ вами. Да, и самымъ трусамъ нѣтъ никакого расчета пятиться передъ *вашимъ* страхомъ. Въ Россіи есть теперь страхъ, пострашнѣе, — страхъ *народнаго возстанія*. А если придется выбирать между топоромъ или висѣлицею, такъ разумѣется, лучше пасть съ сознаниемъ высокаго подвига, чѣмъ жертвою роковаго недоразумѣнія народнаго.

У васъ есть еще одно средство — война. Война національная противъ нѣмцевъ, въ союзѣ съ Италіей и съ Франціей, пожалуй хоть за свободу славянъ, лишь бы только русскому народу не дать свободы. Да, въ самомъ дѣлѣ, идти войною на нѣмцевъ хорошее, а главное, необходимое славянское дѣло, во всякомъ случаѣ лучшее, чѣмъ поляковъ душить нѣмцамъ въ угоду. Подняться на освобожденіе славянъ изъ подъ ига турецкаго и нѣмецкаго будетъ потребностью, необходимостью и святою обязанностью освобожденнаго русскаго народа. Но вы, враги русской и польской свободы, какую дадите вы свободу славянамъ? Или вы хотите повторить въ сотый разъ старый, постыдный обманъ? Не удовлетворивъ никого и не разрѣшивъ ничего у себя дома, на что вы будете опираться? Даже войско придется вамъ содержать на мѣлокъ чужими субсидіями. И будете вы только служить средствомъ для цѣлей чужихъ, сами ничего не приобретете. Россію же въ конецъ разорите. Да можетъ быть, вы и рассчитываете на ея истощеніе? Можетъ, думаете усмирить ее голодомъ? Смотрите, не ошибитесь въ расчетѣ: война не помѣшала у насъ ни пугачевщинѣ, ни новгородскому бунту.

Но напрасны всѣ наши старанія. Ни война, ни уловки мнимо либеральнаго (?) министерства, ни явная реакція вамъ не помогутъ. Народъ проснулся и ждетъ своего часа, вы сами способствовали его пробужденію. Кокетничая передъ нимъ и возбуждая его противъ

молодого образованнаго поколѣнія вы сами будите въ немъ сознаніе силы и онъ самъ возьметъ силою то, чего вы ему добровольно дать не хотите.

Для мирнаго исхода настоящаго неотвратимаго кризиса, средство только одно: *Земскій всенародный соборъ и на немъ разрѣшеніе земскаго народнаго дѣла*. Это средство единоспасительное въ рукахъ царя. Но онъ его употребить не хочетъ. Значить онъ хочетъ крови.

«Когда правители губятъ страну, частные люди должны приняться за дѣло спасенія. Всѣмъ истиннымъ консерваторамъ, имѣющимъ умъ, чтобъ понимать и предугадывать необходимыя происшествія, всѣмъ купцамъ, попамъ и дворянамъ, чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ, любящимъ спокойствіе и миръ и желающимъ сохранить жизнь, имущество, женъ, сестеръ и дѣтей, всѣмъ, кому дороги благоденствіе и слава Россіи, я совѣтовалъ бы объ этомъ крѣпко подумать. Вѣдь времени на свободное размышленіе осталось не много. И не худо было бы, если они, сговорившись, составили между собою громадное консервативное общество, которое я имъ предложилъ бы назвать: „общество для спасенія Россіи отъ близорукости царской и отъ преступнаго министерскаго шарлатанства“, и пусть хоромъ подымутъ они голосъ въ пользу *Земскаго Собора*, какъ единаго средства для предотвращенія кровавой разрушительной катастрофы.

А намъ, революціонной партіи, что дѣлать? Мы также сплотимся и станемъ подъ знамя „*Народнаго дѣла*“ Мы хотимъ достигнуть его *народнымъ путемъ* и не остановимся до тѣхъ поръ, пока оно не исполнится совершенно.

Мы хотимъ и желаемъ:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью пѣлаго народа, такъ чтобъ не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

2. Хотимъ самоуправленія народнаго—общиннаго, волостнаго, уѣзнаго, областнаго и наконецъ государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобъ не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.

3. Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финнамъ и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

4. Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго союза съ Польшею, Литвою, Украиною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь.

5. Вмѣстѣ съ Польшею, съ Литвою, съ Украиной, мы хотимъ подать руку помощи нашимъ братьямъ Славянамъ, томящимся нынѣ подъ гнетомъ Прусскаго королевства, Австрійской и Турецкой имперіи, обязываясь не вложить меча въ ножны, пока хоть одинъ Славянинъ останется въ нѣмецкомъ, въ турецкомъ, или другомъ какомъ рабствѣ.

6. Мы будемъ искать тѣснаго союза съ *Италіей*, съ которою у насъ чувства, интересы и враги общіе, — съ *Мадьярами*, ненавидящими какъ и мы, Австрійскую монархію, если только они совершенно откажутся отъ притѣсненія Славянъ, — съ *Румынами* и даже съ *Греками*, когда послѣдніе оставятъ въ покоѣ Болгаръ, и довольствуясь быть собою, забудутъ свои честолюбивыя и свободопротивныя, а главное, суетныя византійскія мечты.

7. Мы будемъ стремиться, вмѣстѣ со всѣми племенами Славянскими, къ осуществленію завѣтной Славянской мечты: къ созданію *Великой и вольной федерации Всеславянской*, гдѣ каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ; чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ за cadaго, и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи, но чтобъ существовала единая и нераздѣльная общеславянская сила.

Вотъ широкая программа дѣла Славянскаго, вотъ необходимое послѣднее слово народнорусскаго дѣла. Этому то дѣлу мы посвятили всю жизнь свою.

Теперь съ кѣмъ, куда и за кѣмъ мы поидемъ? Куда? мы сказали. Съ кѣмъ? мы также сказали: разумѣется ни съ кѣмъ, другимъ, какъ съ народомъ. Но за кѣмъ? За Романовымъ, за Пугачевымъ или если новый Пестель найдется, за нимъ?

Скажемъ правду; мы охотнѣе всего пошли бы за Романовымъ, еслибъ Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго. Мы потому охотно стали бы подъ его знаменемъ, что самъ народъ русскій еще его признаетъ, и что сила его создана, готова на дѣло, и могла бы сдѣлаться непобѣдимую силою, еслибъ онъ далъ ей только крещеніе народное. Мы еще потому пошли бы за нимъ, что онъ *одинъ* могъ совершить и окончить великую мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови. Кровавыя революціи, благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все-таки онѣ зло, великое зло и большое несчастье, не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и къ полнотѣ достиженія той цѣли, для которой онѣ совершаются. Мы видѣли это на революціи французской.

И такъ отношеніе наше къ Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русскаго, славянскаго дѣла. Если царь во главѣ его, мы за нимъ. Но когда онъ поидетъ противъ него, мы будемъ его врагами. Поэтому весь вопросъ состоитъ въ томъ: хотеть-ли онъ быть русскимъ земскимъ царемъ, Романовымъ, или Голштейнъ-Готторнскимъ императоромъ Петербургскимъ? хотеть онъ служить Россіи, славянамъ или нѣмцамъ? Вопросъ этотъ скоро рѣшится, и тогда мы будемъ знать, что намъ дѣлать. Ни для него и ни для кого въ мірѣ мы не отступимся ни отъ одного пункта своей программы. И если для осуществленія ея будетъ необходима кровь, да будетъ кровь.

Мы безъ содроганія не можемъ подумать о тысячахъ жертвъ, которыя падутъ вѣроятно. Но вся тяжесть кровавой вины пусть ляжетъ тогда на единственнаго виновника, на царя, который всѣхъ можетъ спасти и, кажется, всѣхъ погубить. А средство спасенія и для него и для насъ только одно: идти до конца во главѣ революціи и не останавливаться на полдорогѣ. Еслибъ

мы хотѣли остановить настоящую революцію, то не могли бы; никто въ мірѣ не можетъ. А если бы могли, то не хотѣли бы, потому что она необходима для освобожденія нашего народа, для совершенія русскихъ и славянскихъ судебъ.

Если царь измѣнитъ Россіи, Россія будетъ повергнута въ кровавыя бѣдствія. Что будетъ, какую форму приметъ движеніе, кто станетъ во главѣ его? Самозванецъ-царь, Пугачевъ, или новый Пестель-диктаторъ? Предугадать теперь невозможно. Если Пугачевъ, то дай богъ, чтобъ въ немъ нашелся политическій гений Пестеля, потому что безъ него онъ утопитъ Россію и пожалуй всю будущность Россіи въ крови. Если Пестель, то пусть будетъ онъ человѣкомъ народнымъ, какъ Пугачевъ, ибо иначе его не потерпитъ народъ... А можетъ быть ни Пестель, ни Пугачевъ, ни Романовъ, а Земскій Соборъ спасетъ Россію.

Предугадать нельзя ничего. Нашъ долгъ теперь крѣпко сомкнуться и единодушно готовиться къ дѣлу. Поклястесь другъ другу не отставать отъ народа, идти съ нимъ, куда силъ станетъ. Времени можетъ быть осталось не много, — *употребимъ его на сближеніе съ народомъ во чтобы ни стало, дабы онъ призналъ насъ своими* и позволилъ бы намъ спасти хоть нѣсколько жертвъ. Сойтись съ народомъ, слиться съ нимъ во единую душу и во единое тѣло — задача трудная, но для насъ неизбѣжная и неотвратимая. Иначе мы будемъ представителями не народного дѣла, а только своихъ тѣсныхъ кружковыхъ интересовъ и своихъ личныхъ страстей, чуждыхъ и противныхъ народу, а потому и преступныхъ, ибо нынѣ что не служитъ исключительно дѣлу народному, то преступно. Онъ одинъ призванъ къ жизни въ Россіи, и только что съ нимъ и что за него, то лишь одно имѣетъ право на жизнь, то будетъ имѣть силу на жизнь. Въ него нѣтъ русской силы и, лишь только соединившись съ нимъ, мы можемъ вырваться изъ безсилія. Вотъ почему мы должны сойтись съ народомъ во что бы ни стало. Важнѣе этого, для насъ нѣтъ теперь другого вопроса.

Какъ съ нимъ сойтись? Путь къ достиженію цѣли одинъ: *искренность, правда*. Если вы не обманываете ни его, ни себя, когда говорите о своихъ стремленіяхъ къ

народу, то вы найдете дорогу въ душу и въ вѣру его. Любите народъ, онъ васъ полюбитъ, живите съ нимъ и онъ пойдетъ за вами, и вы будете сильны его силою. Народъ нашъ уменъ, онъ скоро узнаетъ своихъ друзей, когда у него будутъ друзья *дѣйствительные*. Формулировать общее правило, извѣстный пріемъ для сближенія съ народомъ нѣтъ возможности: все это было бы мертво и сухо, потому что было бы ложно. Живое дѣло должно вытекать изъ живого ума и изъ живого сердца.

Васъ много и вы разсѣяны по всей русской землѣ. Пусть каждый изъ васъ, служа общему дѣлу, идетъ къ народу по своему, но пусть каждый идетъ прямо и искренно, безъ хитрости, безъ обмана, пусть каждый несетъ въ даръ ему и весь умъ и все сердце, и чистую, крѣпкую волю служить ему. Пусть каждый свяжетъ судьбу свою съ его судьбою. Пусть каждый молодой человѣкъ перевоспитаетъ себя въ средѣ народной... И вы сдѣлаетесь тогда, безъ сомнѣнія, людьми народными.

Подвигъ не легкій, но за то высокій и стоящій жертвъ: подвигъ повиванія новорождающагося русскаго міра! Кому онъ кажется противенъ, тотъ лучше не берись за русское дѣло. Для того есть пріютъ подъ знаменемъ доктринеровъ. Путь намъ труденъ. Отсталыхъ, испуганныхъ и усталыхъ будетъ еще много... Но мы, друзья, выдержимъ до конца и безбоязненно твердымъ шагомъ пойдемъ къ народу, а тамъ, когда съ нимъ сойдемся, помчимся вмѣстѣ съ нимъ, куда вынесетъ буря.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

Въ книжномъ складѣ „КОМИССІОНЕРЪ“ С.-Петербургъ, Садовая, 18.

Дьяконова. Е. Дневникъ. Ч. I (1886—1895 гг.).

Ц. 2 р.

Ея-же. Дневникъ. Часть II (1895 — 1896 гг.)

Ц. 1 р. 50 к.

Ея-же. Дневникъ. Часть III (1900 — 1902 гг.)

Ц. 1 р. 50 к.

Федоръ, К. Н. Г. Чернышевскій, (біографія), Ц. 50 к.

Ада Негри. Стихотворенія Пер. А. Федорова, обложка художника И. Казакова. Ц. 80 к.

Гольмсъ Ф. М. Чудеса человѣческой изобрѣтательности. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Ц. 1 р.

С. Ф. Годлевскій. Свобода и право. Къ вопросу объ основахъ всенароднаго избранія представителей въ Россіи. Ц. 20 коп.

Рузье, П. Что такое трѣсты? Ц. 1 р.

~~~~~

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

Въ книжномъ складѣ „**КОМИССІОНЕРЪ**“ С-Петербургъ, Садовая, 18.

- М. А. Бакунинъ.** Сочиненія: Статя А. И. Герцена о Бакунинѣ, біографич. очеркъ Драгоманова, рѣчи и воззванія. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ М. А. Бакунина. Ц. 1 р.
- П. А. Кропоткинъ.** Рѣчи Бунтовщика Ц. 1 р.
- „**Хлѣбъ и Воля**“. Сборникъ статей П. Кропоткина, В. Черкезова, Э. Реклю, А. Бертонна и др. Ц. 1 р.
- „**Черное знамя**“ Сборникъ статей Малатеста, П. Кропоткина, Д. Ньюманки, Э. Пуже и д-ра Фридберга Ц. 1 р.
- Убійство 3-хъ министровъ:** Боголѣпова, Сипягина и Плеве. Ц. 25 к.
- Процессъ 1-го марта 1881 г.** Ц. 80 к.
- П. В. С. Революціонныя силуэты.** Характеристика участниковъ дѣла 1-го марта 1881 г.:—Желябовъ, Перовская, Рысаковъ, Михайловъ, Кибальчичъ и Гельфманъ. Ц. 10 к.
- Ж. Кенанъ.** Жизнь политическихъ арестантовъ въ русскихъ тюрьмахъ Ц. 7 коп.
- К. Ф. Рылѣевъ.** Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. 1820 г. Ц. 3 к.
- Его-же.** Войнаровский. Поэма. Ц. 10 к.
- С. Ждановъ.** Три мѣсяца въ одиночкѣ. Впечатленія и воспоминанія 2-е изд. Ц. 15 коп.
- Котовичъ, К. Т.** Невольники. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ Ц. 50 коп.
- Его-же.** Разказы. Ц. 40 к.
- Дьякъ Шигоня. Уставшій царь.** Драма-Этюдъ. Изъ области исторической психологіи. Снимки съ картинъ Рѣпина, Васнецова, Съдова и Шварца. Обложка художника И. Казкова Ц. 1 р.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.** Декабристы въ Западной Сибири. Съ 35 фототипографіями (29 портретовъ и 6 видовъ). Ц. 2 р. 50 к.
- Толстой, Л. Н.** Великій Грѣхъ. Съ портретомъ на мѣловой бумагѣ и рисункомъ въ тетевъ (Толстой на пашиѣ). Ц. 10 к.
- Веббъ, Б.** Кооперативное движеніе въ Англіи. Ц. 1 р.